
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО
ЖУРНАЛ
№ 3 (19) 2019

Издательство
«МГИМО-Университет»
2019

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Председатель редакционной коллегии – Иовенко Валерий Алексеевич,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – отв. секретарь – Ивушкина Татьяна Александровна,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – Евтеев Сергей Валентинович,
канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Smirnova Ludmila – PhD, prof. (Mount Saint Mary College, New York, USA);

Алексахин Алексей Николаевич – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Балдицын Павел Вячеславович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Гладкова Елена Львовна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГЛУ);

Гуревич Татьяна Михайловна – д-р культурологии, к.филол.н., профессор (Россия, Москва, МГИМО);

Иванов Николай Викторович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Кизима Марина Прокофьевна – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Лосева Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., доцент (Исламская республика Иран, Решт, Гилянский университет);

Позднякова Елена Михайловна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Репенкова Мария Михайловна – д-р филол.н., доцент (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Храмченко Дмитрий Сергеевич – д-р филол.н., доцент, проф. (Россия, Москва, МГИМО).

Чеснокова Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, РУДН);

Штанов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Шубина Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Ястребова Елена Борисовна – канд. пед. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО).

Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 3 (19) 2019 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2019. – 139 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных ученых, педагогов, аспирантов и магистрантов. Выходит ежеквартально.

Рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация; переводоведение; инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков; литературоведение и лингвокультурология.

В журнал принимаются статьи на 10 языках: русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском, китайском, японском, арабском, хинди.

Журнал включен в Перечень ВАК (с 6 июня 2017 г.) по специальностям «10.01.00 Литературоведение», «10.02.00. Языкознание»; EBSCO, РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

ISSN 2410-2423

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)

МИД России, 2019

© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Андрюхина Т.В. Контекстуальные факторы метафорического моделирования в экономическом дискурсе	5
Гренадерова О.Л. Языковые средства формирования положительного имиджа страны (на материале португальского дипломатического дискурса)	14
Мурзин Ю.П. Оттопонимические дериваты как актуализаторы прецедентной ситуации (на материале испаноязычной публицистики)	21
Тымбай А.А. Манипулирование собеседником в политическом диалоге.	32
Ульянова К.А. Лексика коммерческого китайского языка: опыт семантического описания	40
Фомина Т.А., Буцык Е.Д. Манипулятивные приёмы дезинформации как средство реализации антироссийской пропаганды в заголовках англоязычных СМИ (на примере освещения «дела Скрипалей» в период с марта по октябрь 2018 года)	50

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Лимарова Е.В., Соколова Е.Е. Семантика и прагматика видовых глагольных форм в англоязычном и русскоязычном дискурсах	59
Прокофьева И.Т. Лингвистическая модель «смысл←→текст» как основа обучения переводу.	65

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ивушкина Т.А. Аллюзивные элементы в романах Past Imperfect Джулиана Феллоуз и Rules of Civility Амора Таулиз (в социолингвистическом и сопоставительном аспектах)	74
Коржукова Е.С. Мотив любви в трансформации и раскрытии образа главного героя в произведениях Артуро Переса-Реверте (на примере романа «Танго старой гвардии»).	83
Лихолетова О.Р. Концепт «問 MA» и способы его репрезентации в японском языке	92
Хасан-заде Р. Изучение языковых особенностей русских имён прилагательных с учётом родного языка учащихся в иранской аудитории	100
Хлопова А.И. Психолингвистические методы установления базовой ценности ARBEIT / РАБОТА в австрийской лингвокультуре.	110
Шорехдели М. Алияри, Мохаммади М.Р., Шоджаи Р. Русские обособленные согласованные определения в зеркале персидского языка	118
Masaki Mori The Televisually Compromised Spaces in Ringu and “TV People”	125
Panasenko N. Colour terms in Sudden Fiction	131

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Tatiana V. Andryukhina	
CONTEXTUAL FACTORS OF METAPHORICAL FRAMING IN ECONOMIC DISCOURSE.....	5
Olga L. Grenaderova	
LINGUISTICS MEANS FORMING A POSITIVE IMAGE OF A COUNTRY (WITHIN PORTUGUESE DIPLOMATIC DISCOURSE)	14
Iu.P. Murzin	
TOPONYMICAL DERIVATIVES AS THE ACTUALIZER OF PRECEDENT SITUATION (THE CASE OF THE SPANISH MASS MEDIA TEXTS)	21
Alexey A. Tymbay	
MANIPULATING A PARTNER IN A POLITICAL DIALOGUE.....	32
Ksenia A. Ulyanova	
THE LEXIS OF BUSINESS CHINESE LANGUAGE: SEMANTIC DESCRIPTION.....	40
Tatiana A. Fomina, Elizaveta D. Butsyk	
MANIPULATION TECHNIQUES OF DISSEMINATING MISINFORMATION AS A MEANS OF GENERATING ANTI-RUSSIAN PROPAGANDA IN THE ENGLISH LANGUAGE MEDIA HEADLINES: A CASE STUDY OF THE 2018 SALISBURY ATTACK AS DEPICTED IN THE ENGLISH-LANGUAGE NEWS STORIES.....	50

TRANSLATION SCIENCE

E.V. Limarova, E.E. Sokolova	
SEMANTICS AND PRAGMATICS OF VERBAL ASPECTUALITY IN ENGLISH AND RUSSIAN DISCOURSES.....	59
Irina T. Prokofieva	
THE ‘MEANING \leftrightarrow TEXT’ LINGUISTIC MODEL AS THE THEORETICAL BASIS FOR INTERPRETERS’ TRAINING	65

LITERATURE AND LINGUOCULTUROLOGY

T. Ivushkina	
ALLUSIVE ELEMENTS IN JULIAN FELLOWES’S PAST IMPERFECT AND AMOR TOWLES’S RULES OF CIVILITY (SOCIOLINGUISTIC AND COMPARATIVE APPROACHES).....	74
Elena S. Korzhukova	
LOVE MOTIVE IN TRANSFORMATION AND DISCLOSURE OF THE MAIN HERO IMAGE IN THE WORKS OF ARTURO PÉREZ-REVERTE (ON EXAMPLE OF HIS NOVEL “THE OLD GUARD ‘S TANGO”).	83
O.R. Likholetova	
THE CONCEPT OF “問 MA” AND ITS VERBALIZATION IN JAPANESE.....	92
R. Hasanzade	
STUDYING THE LANGUAGE PECULIARITIES OF RUSSIAN ADJECTIVES WITH REGARD TO THE NATIVE LANGUAGE OF STUDENTS IN THE IRANIAN AUDIENCE.....	100
A.I. Khlopova	
PSYCHOLINGUISTIC METHODS FOR ESTABLISHING THE BASE VALUE OF THE LEXEME “ARBEIT” (WORK) IN AUSTRIAN LINGUISTIC CULTURE.....	110
Aliyari Shorehdeli Mahboubeh, Mohammadi Mohammad Reza, Shojaee Reyhane	
RUSSIAN DETACHED COORDINATED ATTRIBUTES IN THE MIRROR OF THE PERSIAN LANGUAGE	118
Masaki Mori	
THE TELEVISUALLY COMPROMISED SPACES IN RINGU AND “TV PEOPLE”.....	125
Nataliya Panasenko	
COLOUR TERMS IN SUDDEN FICTION	131

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т.В. Андрюхина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В данном исследовании эволюция метафорических фреймов в экономическом дискурсе рассматривается с позиций интегрированного когнитивно-дискурсивного подхода к изучению концептуальной метафоры. Рассмотрение функционирования концептуальной метафоры в дискурсе, а не изолированно, даёт возможность увидеть и проанализировать влияние на неё факторов внешнего контекста, в котором порождается экономический дискурс. Динамические аспекты функционирования концептуальной метафоры, помещённой в экстралингвистический контекст экономического дискурса, не получили до сих пор системного и исчерпывающего освещения в научных публикациях российских учёных. Проведение анализа с указанных позиций позволяет судить о том, чем мотивирован выбор тех или иных метафор в дискурсе, как эволюционируют метафорические модели и фреймы, а также способствует более точному пониманию и интерпретации того, как происходит конструирование метафорического значения в дискурсе. Теоретической базой исследования служат получившие в настоящее время широкое распространение теории концептуальной метафоры и её роли, в том числе в экономическом дискурсе, теории метафорического моделирования и концептуальной эволюции, а также многочисленные работы, подчёркивающие важность рассмотрения концептуальных метафор в разных типах дискурса. В ходе исследования был собран и проанализирован эмпирический материал, указывающий на видоизменение метафорических моделей и фреймов под влиянием социального контекста порождения экономического дискурса.

Ключевые слова: контекстуальные факторы, концептуальная метафора, метафорический фрейм, концептуальная эволюция, экономический дискурс

Теория концептуальной метафоры демонстрирует, как человеческое сознание воспринимает и интерпретирует один, обычно абстрактный феномен, в терминах другого, обычно конкретного феномена, известного человеку из его повседневного опыта, опираясь при этом на системно подобранные ряды потенциально существующих в языке метафорических фраз. «Существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя понятийными сферами» [6, с. 64] получила название метафорической модели. Традиционно в теории концептуальной мета-

форы метафорические фразы, репрезентирующие в языке ментальные метафорические модели, анализировались вне контекста. Однако интегрированный когнитивно-дискурсивный подход к изучению языка, разделяемый большинством учёных в настоящее время, представляется более релевантным для изучения концептуальной метафоры. Рассмотрение функционирования концептуальной метафоры в дискурсе даёт возможность увидеть и проанализировать влияние на процессы моделирования её значения специфических дискурсивных, прагматических, а также социально-политических

и культурно-исторических факторов. Проведение анализа с указанных позиций представляется актуальным и предпринимается в данном исследовании.

За последние годы отмечается возросший интерес к изучению влияния контекста на использование концептуальных метафор или их «ситуативность» (situatedness) в разных типах дискурса. Динамический характер метафорических моделей показан на материале общественно-политического и критического [11; 12; 13], медицинского, научного, рекламного [15; 16], а также юмористического и поэтического [9] дискурса и т.д. Значительное внимание привлекают динамические процессы метафорического моделирования и в экономическом дискурсе [8], подчёркивается их влияние на понимание экономического дискурса и отражённой в нём экономической теории [2]. При этом следует отметить, что вышеуказанные аспекты функционирования концептуальной метафоры, помещённой в экстралингвистический контекст экономического дискурса, не получили до сих пор системного и исчерпывающего освещения в научных публикациях российских учёных. Ощущается насущная необходимость сбора обширного эмпирического материала, доказывающего эволюционный, а не фиксированный, статичный характер метафорических моделей.

В данном исследовании предпринимается попытка в рамках когнитивно-дискурсивного подхода определить и описать некоторые факторы, определяющие изменения в метафорическом моделировании, на примере эволюции метафорических моделей в текстах экономической тематики, имеющие свои источники в меняющемся социально-экономическом контексте функционирования экономического дискурса. Проведение исследования с данных позиций требует решения ряда задач, а именно, установить факт эволюции метафорических моделей в экономическом дискурсе, определить, чем мотивирован выбор тех или иных метафор в конкретном дискурсивном акте, а также показать, как способность метафорической модели видоизменяться влияет на процессы смыслообразования в дискурсе.

В теории Лакофа и Джонсона [10], заложившей основу изучения концептуальной метафоры, последняя представлена как способ мышления, инструмент концептуального отображения и интерпретации в человеческом сознании окружающей действительности. Концептуальная ме-

тафора признана идеальной моделью языковой репрезентации когнитивного процесса переноса знаний из одной содержательной области в другую на основе аналогии или ассоциации. Однако исследователи до сих пор продолжают развивать и дополнять отдельные положения теории концептуальной метафоры. При этом был декларирован отказ от представления о том, что концептуальные метафоры в неизменном виде постоянно доступны в нашем сознании в качестве инструмента мышления и что структура сферы-источника строго обуславливает построение сферы-цели. А. Мусолфф [11] объясняет необходимость признания гибкости метафорической модели тем, что под влиянием культурно-исторических факторов дискурса метафора способна модифицировать свою исходную структуру. Способность концептуальной метафоры видоизменяться в зависимости от принадлежности дискурса к национально-культурной и политической общности его носителей он предложил назвать «концептуальной эволюцией». При этом оказалось, что видоизменения касаются не метафорической модели в целом, а входящих в неё компонентов – фреймов. В связи с этим, параллельно используя термины «модель» и «фрейм» в рамках данной работы, мы имеем в виду часть и целое, модель и фреймовый механизм её реализации в дискурсе.

Исследуя природу концептуальной эволюции метафорической модели, А. Мусолфф [12] обратил внимание на то, что не все компоненты сферы-источника оказываются одинаково важными и получают в дискурсе равную репрезентацию. По его наблюдениям элементы сферы-источника представляют собой не набор «атомарных» концептов, а могут образовывать определённым образом организованные концептуальные цепочки или фреймы. Фрейм обычно понимается как «структура данных для представления стереотипной ситуации» [4], поскольку он отражает прошлые знания неязыкового, событийного характера. Исследователи считают, что знания о прототипической ситуации отражены в наборе стереотипных ситуаций-фреймов, складывающихся в метафорические сценарии, развёртывание которых зависит от прагматических аспектов дискурса, в частности характере культурного и социального взаимодействия, пресуппозиций языкового сообщества. Таким образом, можно сделать вывод, что именно благодаря развёртыванию ситуативных фреймов по разным культурно специфическим сценариям универ-

сальная метафорическая модель способна эволюционировать в дискурсе.

А. Мусолффом было показано, что сценарии развёртывания метафоры в разных национальных дискурсах различны, часто оценочно противоположны, так как метафорические проекции в сферу-цель осуществляются не на основе всей сферы-источника, а на основе её подкатегории «сценарий», что способствует выдвиганию одних и скрытию других концептуальных элементов метафорического фрейма. Анализируя дебаты в Великобритании и Германии на тему межгосударственного взаимодействия внутри Европейского союза, исследователь пришёл к выводу о том, что политический дискурс этих стран имеет общие черты, в частности, основываясь на концептуальной метафоре STATE–SOCIETY is LOVE–MARRIAGE–FAMILY. Данный метафорический фрейм включает разнообразные слоты, среди которых FLIRT, ENGAGEMENT, MARRIED LIFE, CHILDBIRTH-PARENTAGE, MARRIAGE CRISIS, ADULTERY/MÉNAGE-À-TROIS, SEPARATION/DIVORCE. Анализ корпусов английского и французского дискурса, посвящённого Европейскому Союзу, показывает, что, несмотря на использование одной и той же «супружеской» метафорической модели, в политическом дискурсе разных стран эта модель развивается по разным сценариям. Метафорический фрейм в национальных дискурсах профилирует присущие им компоненты, которые взаимодействуя между собой, образуют нарративные цепочки или сценарии, отражающие национальные стереотипы этих стран, и позволяют целенаправленно формировать лингвистическую «плоть» аргументации дискурса, то есть программировать дискурс о государственных отношениях на основе национальных представлений о взаимоотношениях в браке. Так, для немецкого политического и общественного дискурса характерно профилирование идеи сохранения отношений с Францией в рамках Европейского союза, а британский дискурс придерживается сценария «адюльтера» или даже «развода» [12].

В целом А. Мусолфф подчёркивает роль метафорических сценариев в «формировании европейской политической мысли и европейского политического дискурса» [13, с. 9], при этом отмечая необходимость для полноты анализа дополнить когнитивный анализ политической метафоры рассмотрением прагматических и культурно-исторических аспектов политического дискурса.

Когнитивно-дискурсивный подход в изучении концептуальной эволюции метафоры в дискурсе стал в настоящее время очень продуктивным не только в политическом дискурсе. Так, Е. Семино [16], анализируя процессы метафорического моделирования в научном, политическом и медицинском (онкологическом) дискурсе, также исходит из недостаточности лишь когнитивного анализа метафорических моделей и предлагает интегрированный подход, при котором метафора рассматривается на разных уровнях обобщения в зависимости от целей исследования. Интегрированный подход предполагает, что при изучении метафоры с когнитивной точки зрения анализируется концептуальная метафора, метафорический фрейм и метафорический сценарий. При изучении метафоры в дискурсивной перспективе учитывается кто, где, когда, при каких обстоятельствах и с какой целью использует метафору, то есть предлагается привлекать широкий ситуативный контекст. А с точки зрения роли метафоры в практике коммуникации необходимо учитывать, препятствует или способствует использование метафоры успеху коммуникации.

В упомянутых работах, так или иначе, затрагиваются внешние по отношению к лингвистическому контексту ситуативные факторы влияния на концептуальную метафору. В этой связи понимание термина «контекст» в этих работах заслуживает особого внимания. Распространённым является подход, согласно которому контекст понимается максимально широко. Этот подход осуществляется, например, в работах К. Салливан [17] и З. Ковечеса [9], которые под контекстом понимают как лингвистические, так и нелингвистические факторы, влияющие на метафорическую концептуализацию. З. Ковечес [9] рассматривает целый ряд источников влияния на характер развёртывания метафоры в контексте, среди которых: знание элементов дискурса (адресант, адресат, тема, ситуация), интердискурс, предшествующий дискурс, физическое окружение, историческая память/пресуппозиция языкового сообщества, идеологическая, социальная и культурная ситуация и т.п.

В данном исследовании также принимается широкое толкование контекста как важного источника влияния на процессы метафорического моделирования в дискурсе и ставится цель обнаружить и описать некоторые источники влияния нелингвистического контекста на динамику концептуального и лингвистического развёрты-

вания метафоры, характерные для экономического дискурса.

Материалом для настоящего исследования послужил корпус медиатекстов макро- и микроэкономической тематики из известных англоязычных деловых газет и журналов: *The Economist*, *Business Week*, *The Financial Times*, *Forbes*, *The Wall Street Journal*, а также экономических разделов электронных версий качественных общественно-политических периодических печатных и электронных изданий (*The Guardian*, *The New York Times*, *Huffingtonpost*), относящихся к периоду с 2012 по 2018 гг.

Исследование проводилось на основе имеющих широкое распространение в настоящее время теорий концептуальной метафоры, метафорического моделирования, концептуальной эволюции метафорической модели, а также многочисленных работ, выполненных в когнитивно-дискурсивной перспективе и подчёркивающих взаимодействие концептуальных метафор и контекстуальных факторов дискурса. В процессе работы использовались методы анализа дискурса, среди которых дискурсивный анализ, когнитивно-семантический дискурс-анализ, критический анализ дискурса и др.

Данное исследование исходит из предположения о том, что концептуальные метафоры, хотя и существуют в нашей понятийной системе, не даны человеку в изначально неизменном виде как готовый познавательный инструмент, а модифицируют свою концептуальную структуру в дискурсе, демонстрируя разные способы лингвистической реализации в нём в зависимости от широкого социально-политического и культурного контекста. Анализ концептуальных метафор в корпусе текстов макро (экономика) и микроэкономической (управление, бизнес) тематики подтверждает эволюционный характер метафорического моделирования в экономическом дискурсе и позволяет сделать ряд наблюдений о факторах внешнего по отношению к экономическому дискурсу контекста, являющихся источниками эволюции метафорических моделей.

Способность метафоры «улавливать» и отражать историческое время в науке и эволюцию их концептуальных понятий отмечают многие исследователи концептуальной метафоры. Н.Д. Арутюнова указывала на зависимость использования метафоры в научной терминологии и научном тексте от «общего контекста научной и культурной жизни общества, от философских

воззрений разных авторов, от оценки научной методологии, в частности, роли, отводимой в ней интуиции и аналогическому мышлению, от характера научной области, от взглядов на язык, его сущность и предназначение, наконец, от понимания природы самой метафоры» [3, с. 375].

В современной науке широко признаётся эвристическая роль механистической и биологической метафоры в концептуализации экономических теорий на определённых исторических этапах развития экономической науки. Представляется, что «чувствительность» концептуальной метафоры к современному научному контексту находит подтверждение и в текущем экономическом дискурсе, где метафорические фреймы отражают как классические, так и актуальные траектории развития науки. Исследователи экономического дискурса указывают на то, что теоретики экономики не только широко использовали и используют метафоры для изложения своих концепций, но и делают используемые ими метафоры объектом теоретического осмысления. Х. Херрера-Солер и М. Уайт [8, с. 1-23] называют имена экономистов, являющих пример использования и осмысления биологической метафоры в экономической теории на стыке XIX-XX веков, то есть в период бурного развития эволюционной биологии. Тенденции в современной науке к междисциплинарной интеграции, а также анализ научной обусловленности и большей или меньшей степени отражения метафорами-терминами сути экономической теории находим также в исследованиях отечественных ученых [5].

Собранный и проанализированный нами материал также демонстрирует эволюционный характер метафорического фрейма, способного отражать своей структурой современный уровень развития науки, прорывные достижения в некоторых её областях. В следующем отрывке (1) из экономической статьи излагается и анализируется современная теория корпоративного менеджмента сделок слияний и поглощений. Понятно авторы основывают свою теорию главным образом на биологической метафоре экономической деятельности как развитии живого организма, в частности, уподобляя конкурентную борьбу компаний борьбе видов за выживание по теории Дарвина (*evolutionary processes, survival of the fittest*). Однако в теории корпоративного менеджмента сделок слияний и поглощений особое звучание получает актуальный для сегодняшнего дня генетический компонент

биологической метафоры, который активизирует целый кластер метафор (*genetic code, ancestry, phenotype, genotype, encode*), организованных в нарративную цепочку понятий генетической теории, проецируемых на экономическую сферу слияний и поглощений. Мотивирующее влияние на модификацию эволюционного фрейма в актуальной экономической теории, несомненно, оказывает генетическая наука, демонстрирующая в настоящее время выдающиеся достижения. Как свидетельство базисности механистической и биологической концептуальных метафор и их частого взаимодействия в экономическом дискурсе [1] приводимый пример содержит и механистическую метафору *ancestry mechanism*, которая в данном случае уступает по значимости биологической эволюционной метафоре, развивающейся в тексте по генетическому сценарию:

(1) A corporation's M&A track-record in that sense, say the authors, represents its *genetic code*. Whereas financial and economic data represent the *phenotype, ancestry is analogous to the genotype*, as it *encodes* the relevant past *evolutionary* processes that determine the probability for an institution to become the acquirer of another business. This is demonstrated by testing the *ancestry mechanism* against data from several countries, industries and timescales using a variant of a preferential attachment agent-based model.

As in nature, *survival of the fittest* is the key force at hand. But unlike nature, however, the resulting *eco-system* which emerges from the free-market M&A *landscape* is mostly bimodal in structure (The corporate M&A genotype theory. The Financial Times, Sept. 12, 2014).

Стоит отметить, что эвристическая роль концептуальной метафоры в экономическом дискурсе выражается в её ориентации на наиболее доступные для восприятия в данный исторический момент смежные области знаний, то есть «скорее на мейнстрим, чем на авангард других наук» [4, с. 24]. Действительно, биологическая метафора или механистическая метафора в силу их укоренённости в научной понятийной сфере более прозрачны для понимания, чем генетическая метафора, требующая большей осведомлённости читателя о сути и понятиях генетической науки. Однако генетика на современном этапе развития науки уже стала плодотворным направлением в области биологических исследований, что находит отражение в стремлении творческого познающего сознания экономистов

применить новые научные подходы из других отраслей знаний к своему объекту исследования и составляет суть эвристической роли метафоры в экономическом дискурсе.

Признание способности метафорической модели реализоваться в тесной зависимости от ситуации создания текста способствует выявлению закономерностей взаимодействия между экономическим явлением и способами его метафорического моделирования с учётом коммуникативных условий создания и восприятия дискурса. К числу таких условий создания дискурса относят и историческое время [9], под которым понимается память носителей дискурса об исторических событиях и объектах. В этой связи интересно отметить, что в своём предисловии к коллективной монографии о метафоре в экономическом дискурсе Х. Херрера-Солер и М. Уайт [8] отдадут дань механистической метафоре, назвав своё исследование “Metaphor and Mills” и таким образом вызвав в памяти период в развитии экономической науки, связанный с промышленной революцией в Англии. На самом раннем этапе производство осуществлялось на металлургических предприятиях, по главному рабочему механизму называвшихся в то время *mills*. Учитывая роль, которую эти металлургические предприятия сыграли в экономической жизни на том историческом этапе, авторы считают обоснованным говорить об экономике времён промышленной революции как о металлургическом заводе, двигателе экономического развития, что объясняет метонимическое название “Metaphor and Mills”.

Память европейского сообщества хранит много изобретений и технических новинок времён промышленной революции, в частности, процесс производства литых изделий из чугуна. Первоначальное значение слова *wrought* “beaten out or shaped by hammering” [14], использованного в контексте четвёртой промышленной революции в современных экономических текстах, начинает «проглядывать» в другом значении *wrought* “to cause something to happen» [7]. В контексте четвёртой промышленной революции слово *wrought* начинает репрезентировать исторические знания. Благодаря фрейму чугунного производства в сферу-цель “caused” переносится компонент из сферы-источника, связанный со способом, характером деятельности “beaten out or shaped by hammering”. Представляется, что в примерах (2) и (3) использование авторами более редкого слова *wrought* в значении *caused* мо-

тивировано историческим контекстом промышленной революции:

(2) *Technological revolutions are best appreciated from a distance. [...] In fact, our fathers and grandfathers experienced, in some ways, even more revolutionary change – the one wrought by the industrial revolution. [...] The digital revolution is bringing sweeping change to labour markets in both rich and poor worlds. (Wealth without workers, workers without wealth. The digital revolution is bringing sweeping change to labour markets in both rich and poor worlds, the Economist, Oct. 2014).*

(3) *Internet technologies will change almost every aspect of our lives – private, social, cultural, economic and political. In some areas, the changes may be marginal, but in most they will be profound, and unprecedented. [...] Earlier technologies, from printing to the telegraph, have done likewise, and have wrought big changes over time (Digital dilemmas, the Economist, Jan. 2013).*

Анализ примеров (2) и (3) также подтверждает взаимодействие двух присущих экономическому дискурсу метафорических моделей: механистической и эволюционной. Метонимия *wrought*, связанная со сценарием промышленной революции, используется в контексте сценария эволюционного развития. Само слово *revolution* является обозначением скачка в эволюционном развитии: *earlier technologies, from printing to the telegraph, industrial revolution, technological revolutions, the digital revolution, sweeping change.*

Современный экономический дискурс постепенно превратился из научного и философского, то есть удела учёных-интеллектуалов, в общественный. Экономика влияет на все аспекты жизни общества и наоборот, социальное развитие оказывает воздействие на экономику, что находит отражение в переориентации базовых метафор в экономическом дискурсе. Примером тому может служить метафорический фрейм *path-ladder*, репрезентирующий сферу профессионального развития. В прошлом профессиональная жизнь человека мыслилась подобно жизни человека в целом как поступательное однонаправленное движение по пути из точки А в точку В. В социальном плане это означало однообразное приобретение квалификации, которой было достаточно на всём профессиональном пути. В современном усложнившемся информационном обществе такой принцип построения карьеры оказался неэффективным, что привело к появлению новой модели профессионального роста и новой модификации метафоры *a career*

path/ ladder, а именно *a career lattice*, используемой в примере (4):

(4) *[...] the career ladder model dates back to the industrial revolution, when successful businesses were built on economies of scale, standardisation and a strict hierarchy. [...] Career paths are becoming fluid, with many following a zigzag rather than a straight path. The corporate lattice model provides more opportunity and more possibilities to be successful (The Guardian, Nov. 2015).*

Стоит отметить, что новый принцип выстраивания профессиональной карьеры активизируется в сфере-цели *career* в результате профилирования в структуре понятийной сферы-источника *path* компонента *pattern* (схема движения), что позволило концептуально переконструировать модель построения карьеры и перейти от линейной и вертикально направленной схемы к разветвлённой по горизонтали, сетчатой. Таким образом, традиционная метафора *path* профилирует в сфере-источнике поступательный однонаправленный сценарий профессионального развития, а под влиянием изменений в обществе в сфере-источнике выдвигается другой компонент, указывающий на сложный, разнонаправленный характер карьерного продвижения внутри компании, подразумевающий необходимость неоднократной смены направления профессионального развития, что указывает на эволюцию метафорического фрейма.

Влияние социального контекста на процессы метафорического моделирования в экономическом дискурсе в направлении метафорической эволюции многообразно. Другим важнейшим и актуальным источником модификации в метафорических фреймах служат гендерные изменения в обществе. Возросла доля экономически активного женского населения и величина вклада женщин в валовой внутренний продукт, возросло число женщин в управлении компаний. Признание важности этих изменений для экономики отражено в термине *womenomics*, включающем в качестве компонентов своего значения указанные гендерные аспекты экономики.

С позиции гендерных изменений в обществе и экономике представляется интересным рассмотреть взаимодействие в экономическом дискурсе двух метафорических моделей, используемых для концептуализации профессиональной карьеры: *карьер* – это движение вверх (*reaching the top, going up, lower/upper rungs*) и *карьер* – это здание (*careers collapsed, concrete / glass ceiling, to build a career*). Приво-

димые ниже примеры (5) и (6) показывают, как тексты строятся на взаимодействии компонентов этих двух смежных метафорических фреймов, которые разворачиваются в текстах как перечень деталей и событий, отражая при этом смешение и эволюцию исходных моделей. В анализируемых текстах карьерный рост женщин в компании представляется как затруднённое перемещение вверх внутри здания. Однако это движение внутри корпоративной иерархии происходит по разным сценариям. В примере (5) препятствия карьерному продвижению женщин представлены как конструктивные элементы здания (*ceiling*) и его мелкие недоделки (*broken windows*). А в примере (6) карьерный рост женщин замедляется прочностью строительных материалов, из которых выполнены конструкции здания, то есть разнообразием причин доступности деловой среды для женщин:

(5) *The glass ceiling is an outdated metaphor. Instead we must focus on the cumulative effect of the smaller issues that stop women reaching the top. [...] But the road to those business benefits will be a long one if we just focus on the glass ceiling. First we need to fix the broken windows afflicting female employees' career progress. Once this is done, we will find the glass ceiling much easier to crack* (May 2015 the Guardian).

(6) *Women of Color Hit a 'Concrete Ceiling' in Business Many women of color who have made it to the executive suite describe the process as breaking through not a glass ceiling, but a concrete one* (Sept. 27, 2016 The Wall Street Journal).

Таким образом, изменение экономической роли женщин в обществе, нарастание значимости гендерных аспектов экономики вызывают модификацию в экономическом дискурсе традиционных метафорических фреймов с тем, чтобы осмыслить происходящие перемены. Важно подчеркнуть, что рассмотрение в дискурсе метафоры *glass ceiling* указывает на её роль не просто в более точной передаче смысла и достижении определённого прагматического эффекта. Метафора *glass ceiling* выполняет структурирующую роль в построении экономического дискурса и самой экономической теории [2], на что указывает появление индекса «стеклянного потолка» (*the glass ceiling index*), ставшим одним из показателей доступности деловой среды для женщин.

В целом, исследование показало, что рассмотрение концептуальных метафор в когнитивно-дискурсивной перспективе, позволяет зафиксировать эволюцию метафорических моделей в экономическом дискурсе, механизм которой основан на изменении входящих в модель метафорических фреймов под влиянием ситуативного, в частности социального и исторического контекста, в котором порождается экономический дискурс. Важным представляется вывод о концептуально структурирующей роли метафорических моделей в экономическом дискурсе, динамика модификации которых часто служит целям концептуализации экономической теории, отражённой в экономическом дискурсе.

Список литературы

1. Андрюхина Т.В. Метафора в экономическом дискурсе // Филологические науки в МГИМО. 2011, №45(60). С. 6–20.
2. Андрюхина Т.В. Концептуальная метафора и развитие когнитивной компетенции студентов-международников // Филологические науки в МГИМО. 2018, №2 (14). С. 101–111.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
5. Фролов Д.П., Лаврентьева А.В. Метафоры и аналогии в институциональной теории: врождённый порок или ведущая ось? // Экономический анализ: теория и практика. 2013, 24 (327). С. 18–25.
6. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. 248 с.
7. Herrera-Soler H., White M. (Eds.). *Metaphor and Mills. Figurative language in business and economics*. Berlin/ Boston: Mouton de Gruyter, 2012. P. 27–48.
8. *Cambridge Advanced Learners Dictionary 3d Ed.* Cambridge University Press. 2008.
9. Kövecses Z. *Where Metaphors Come From: Considering Context in Metaphor*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2015. 215 p.
10. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. University of Chicago Press 1980, 241 p.
11. Musolf A. *Metaphor and conceptual evolution* // *Metaphorik.de*. 2004. 2004, № 7. P. 55-75.
12. Musolf A. *Metaphor Scenarios in Public Discourse* // *Metaphor and Symbol*. 2006, 21(1). P. 23-38.

13. Musolf A. What can Metaphor Theory contribute to the study of political discourse? // Degani M., Frassi P. and Lorenzetti M.I. (eds.) *The Languages of Politics*. Vol. 1. Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne, 2016. p. 9-28.
14. Oxford Advanced Learner's Dictionary 8th Ed. Oxford University Press, 2008.
15. Semino E. *Metaphor in Discourse*. Cambridge University Press, 2008. 244 p.
16. Semino E, Demjen Z., Demmen J. An Integrated Approach to Metaphor and Framing in Cognition, Discourse, and Practice, with an Application to Metaphors for Cancer // *Applied Linguistics*, 2016. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/applin/amw028> (Дата доступа: 6 марта 2019).
17. Sullivan K. *Frames and constructions in metaphoric language*. Amsterdam: John Benjamins, 2013. 184 p.

Сведения об авторе:

Андрюхина Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка №4 Московского государственного института международных отношений (университет) (МГИМО). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика текста, политический и профессиональный дискурс, когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, методика преподавания иностранных языков. E-mail: anaitat@yandex.ru.

CONTEXTUAL FACTORS OF METAPHORICAL FRAMING IN ECONOMIC DISCOURSE

Tatiana V. Andryukhina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *This study takes an integrated discourse-cognitive approach to the analysis of contextual factors that motivate conceptual evolution of metaphorical frames in economic discourse. In contrast to looking at conceptual metaphor models in isolation or out of context, doing metaphor research from the perspective of contextual factors gives insight into the motivation of metaphor choice and origins of conceptual evolution as well as facilitates understanding and interpretation of metaphorical meaning construction. The evolutionary aspects of metaphorical frames in extra linguistic context of economic discourse have not been thoroughly covered in Russian research literature. This paper attempts to identify some contextual effects on metaphorical framing in economic discourse and analyze some examples evidencing the importance of discourse-cognitive approach for metaphorical frames evolution research. The theoretical framework of this study is formed by the groundbreaking theories of conceptual metaphor, metaphorical framing, conceptual evolution and abundant research examining metaphor dynamics in different types of discourse. The empirical data gleaned and analyzed in this paper indicate the dynamic variation of metaphorical frames motivated by the social context of economic discourse production.*

Key Words: *contextual factors, conceptual metaphor, metaphorical frames, conceptual evolution, economic discourse*

References

1. Andryukhina T.V. Metafora v ekonomicheskom diskurse [Metaphor in economic discourse]. *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philological sciences in MGIMO]. 2011. №45 (60). P. 6–20.
2. Andryukhina T.V. Kontseptual'naiia metaphora i razvitie kognitivnoy kompetentsii studentov-mezhdunarodnikov [Conceptual metaphor and improving international students' cognitive competence]. *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philological sciences in MGIMO]. 2018. №2 (14). P. 101–111.
3. Arutyunova N. D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and man's world]. 2nd edition. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 896 p.
4. Kubryakova E.S. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms] / E.S.Kubryakova, V.Z. Demyankov, Y. G. Pankrats, L.G. Luzina. M: Filol. f-t MGU im. M.V. Lomonosova, 1997. 245 p.
5. Frolov D.P., Lavrentieva A.V. Metafori i analogii v institutsional'noi teorii: vrozdenyi porok ili veduschaya oc'? [Metaphors and analogies in institutional theory: an innate vice or a cardinal virtue?]. *Ekonomicheskiy analiz: teoriia i praktika* [Economic

-
- analysis: theory and practice]. 24 (327). 2013. P. 18–25.
 6. Chudinov A.P. Metaforicheskaia mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication]: Monograph / Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2003. 248 p.
 7. Herrera-Soler H., White M. (Eds.). Metaphor and Mills. Figurative language in business and economics. Berlin/ Boston: Mouton de Gruyter, 2012. P. 27–48.
 8. Cambridge Advanced Learners Dictionary 3d Ed. Cambridge University Press. 2008.
 9. Kövecses Z. Where Metaphors Come From: Considering Context in Metaphor. Oxford, UK: Oxford University Press, 2015.
 10. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. University of Chicago Press 1980, 241 p.
 11. Musolff A. Metaphor and conceptual evolution. *Metaphorik.de*. 2004. № 7. 2004.
 12. Musolff A. Metaphor Scenarios in Public Discourse. *Metaphor and Symbol*, 21(1), 2006. P. 23-38.
 13. Musolff A. What can Metaphor Theory contribute to the study of political discourse? in Degani M., Frassi P. and Lorenzetti M.I. (eds.). *The Languages of Politic*. Vol. 1. Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne, 2016. P. 9-28.
 14. Oxford Advanced Learner's Dictionary 8th Ed. Oxford University Press, 2008.
 15. Semino E. Metaphor in Discourse. Cambridge University Press. 2008. 247 p.
 16. Semino E, Demjen Z., Demmen J. An Integrated Approach to Metaphor and Framing in Cognition, Discourse, and Practice, with an Application to Metaphors for Cancer. *Applied Linguistics*, amw028, <https://doi.org/10.1093/applin/amw028>. Published: 20 September 2016.
 17. Sullivan K. Frames and constructions in metaphoric language. Amsterdam: John Benjamins, 2013. 184 p.

About the author:

Tatiana V. Andryukhina – PhD (Philology), Assistant Professor at Department of Foreign Languages № 4, MGIMO University (Russia, Moscow). Spheres of research and professional interest: text linguistics, political and professional discourse, conceptual metaphor, TEFL methodology. E-mail: anaitat@yandex.ru.

★ ★ ★

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА СТРАНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОРТУГАЛЬСКОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

О.Л. Гренадерова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье представлен анализ текстов португальского дипломатического дискурса (поздравительных телеграмм, приветственных нот, протокольных и церемониальных документов и др.) с точки зрения языковых средств создания у адресата текста положительного имиджа страны. Поставлена цель языкового и концептуального анализа, установки основных средств формирования концептуального поля текста. Выявлено, что основными средствами формирования положительного имиджа являются слова и обороты, репрезентирующие концепты «Дружба», «Народ», «Доверие». Ключевым концептом в данной когнитивной и лингвокультурной структуре выступает концепт «Дружба», связывающий воедино все остальные концепты. Он помогает представителям португальской дипломатии формировать у адресатов речи мнение о Португалии как об общности дружелюбных людей. В результате создаётся представление о Португалии как дружественно настроенной по отношению ко всем международным субъектам стране, готовой проявлять доверие и стремящейся наладить отношения на уровне народов, а не отдельных личностей. Делается вывод о необходимости для переводчика учитывать при переводе концептуальный строй текста, принадлежащего к дипломатическому дискурсу, с тем, чтобы наиболее точно передавать те культурно значимые смыслы, которые заложены в сообщении.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, язык дипломатии, имидж страны, положительный имидж, португальский язык, концепт «Дружба», концепт «Народ», концепт «Доверие»

Введение

В современном мире контакты между странами и их официальными представителями имеют огромное значение; посредством общения на дипломатическом уровне укрепляются отношения между государствами, налаживается культурное и экономическое взаимодействие. Обслуживает сферу политической коммуникации дипломатический дискурс, представляющий собой «речь, реализуемую в институциональных ситуациях общения в предметной области дипломатия и международные отношения, направленную на обеспе-

чение безопасности государства, сотрудничество, поиск согласия с зарубежными странами, защиту прав и интересов соотечественников за рубежом, создание позитивного восприятия государства в мире» [8, с. 4]. Дипломатический дискурс изучается исследователями с позиций лингвопрагматики [8], в аспекте стратегии перевода и коммуникации [2], как особая форма научной коммуникации [15], как полидискурсивный феномен [7] и с других позиций.

В дипломатическом дискурсе одной из важнейших задач является создание положительного имиджа государства, представители которого продуцируют текст. Э.А. Галумов отмечает,

что «имидж выступает в качестве базы, которая определяет, какую репутацию приобретает страна в сознании мировой общественности» [4, с. 371]. Формированию имиджа государства служат как средства деятельностной сферы (расширение контактов между странами, совместные международные проекты, торговое взаимодействие) [14], так и средства дипломатического дискурса. В настоящий момент, в условиях повышения авторитета печатного и устного слова, увеличения роли вербального взаимодействия в дипломатической сфере, средства второго типа становятся всё более значимыми.

Цель статьи – рассмотреть дипломатическую документацию на португальском языке и выявить языковые и стилистические средства формирования положительного имиджа страны в данном сегменте дипломатического дискурса. Материалом для исследования стали основные виды документов дипломатической переписки: личные ноты общего характера, поздравительные телеграммы, телеграммы, выражающие соболезнования, вербальные ноты, тексты которых были взяты из Интернета [11; 12; 13] или собирались автором на протяжении нескольких лет; некоторые документы были предоставлены посольством Португалии в РФ.

Методология

Одним из ключевых понятий современной лингвистики, функционирующих в рамках когнитивной и лингвокультурной парадигм знания, является понятие концепта. Дж. Лакофф и М. Джонсон считают, что концепт управляет человеческим мышлением и влияет на человеческую повседневную деятельность, а также структурирует человеческие ощущения, поведение, отношение к другим людям [10, с. 25]. М.Н. Крылова определяет концепт как «совокупность значений, понятий и ассоциаций, возникающих у современной русской языковой личности в процессе осмысления явлений» [9, с. 215]. Концепт существует в сознании личности и имеет языковое выражение, по сути это репрезентированное в языке мышление, то есть отражение посредством языка представлений, воззрений, мнений, менталитета языковой личности.

Концептуальный анализ текста проводится с когнитивных и лингвокультурологических позиций, он позволяет наилучшим образом рассмотреть язык речевого произведения и выявить те средства, которые способствуют реали-

зации речевых интенций говорящего, его репрезентации себя как языковой личности в тексте.

Результаты

Для португальских дипломатов важным понятием в отношениях между странами является понятие дружбы. Можно говорить о функционировании в португальском политическом дискурсе концепта «Amizade» («Дружба»). Данный концепт является универсальным для различных лингвокультур. М.А. Хизова рассматривает его применительно к русскому и английскому языкам [16], Н.Н. Балабас анализирует данный концепт в сопоставлении с концептом «Вражда» («Hostilité») во французском языке [1]. Концепт «Amizade» «Дружба» относится к базовым этическим концептам, отражённым в сознании человека и представленным в языке. Дружба – одно из чувств, обуславливающих существование человека в обществе, устанавливающих парадигму его взаимоотношений с окружающими и определяющих, насколько конструктивными и позитивными будут эти взаимоотношения. Данный концепт «становится в один ряд тех ментальных сущностей, которые отправляют к духовным ценностям этноса» [16, с. 3]. Несмотря на национальную специфичность большей части концептов, концепт «Amizade» «Дружба» имеет интернациональную сущность, так как практически у каждого народа сформировано позитивное представление о дружбе и её восприятие как одного из условий успешного существования человека в социуме.

Весьма важен концепт «Amizade» («Дружба») и в португальском языке, а в дипломатическом дискурсе он приобретает особое значение. Средством языкового выражения концепта «Amizade» в рассматриваемых текстах становится в первую очередь лексема *amizade* и различные сочетания и обороты с её использованием. Например:

(1) *Estou seguro de que, no decorrer do mandato de Vossa Excelência, os laços de longa amizade e de cooperação que unem os nossos países, encontrarão novas oportunidades para se reforçarem e expandirem* – Я убежден, что в период Вашего пребывания на посту Президента *узы давней дружбы и сотрудничества, связывающие наши страны*, получают новые возможности для укрепления и развития.

(2) *Quero, nesta ocasião, reiterar a Vossa Majestade o meu firme empenho no fortalecimento*

continuado dos laços de amizade que unem Portugal e a Espanha, de forma a que possamos tirar pleno partido das amplas oportunidades de cooperação que se nos oferecem, nos mais variados domínios. – Пользуясь случаем, *хочу вновь заверить Ваше Величество в моём твёрдом намерении постоянно укреплять узы дружбы, соединяющие Португалию и Испанию*, с тем, чтобы в полной мере использовать предоставляющиеся нам возможности для сотрудничества в самых различных сферах деятельности.

(3) *Estou seguro de que o segundo mandato de Vossa Excelência permitirá prosseguir na senda do reforço dos estreitos laços de amizade e de cooperação entre a Argentina e Portugal.* – Я убежден, второй срок пребывания в должности Вашего Превосходительства позволит нам *продолжить работу по укреплению отношений дружбы и сотрудничества между Аргентиной и Португалией*.

(4) *Estou seguro de que, no decorrer deste mandato de Vossa Excelência, as relações de amizade e de cooperação entre Portugal e a Ucrânia continuarão a reforçar-se, em benefício dos nossos dois povos.* – Я убежден, что на протяжении пребывания в должности Вашего Превосходительства *отношения дружбы и сотрудничества между Португалией и Украиной продолжат укрепляться на благо наших народов*.

Лексема *amizade*, представляющая в португальском дипломатическом дискурсе концепт «Amizade», передаётся при переводе не только с помощью существительных, но и с помощью определений *de amizade* «дружеский» и «дружественный». Например:

(5) *Aproveito a oportunidade para reafirmar o empenho no desenvolvimento da cooperação e reforço das relações de amizade entre os nossos Países com base no respeito mútuo e confiança.* – Пользуясь случаем, *хочу заверить Вас в стремлении развивать сотрудничество и укреплять дружеские отношения между нашими странами на основе доверия и взаимного уважения*.

(6) *Animados do desejo de estreitar as relações de cordial amizade e boa inteligência que felizmente existem entre os nossos dois países.* – *Стремясь к укреплению тёплых и дружественных отношений, существующих между нашими странами и т.п.*

Конечно, фразы подобного типа в определённой степени отдают дань стандарту, отражают стереотипы оформления дипломатического текста, однако в контексте формирования положительного имиджа государства они имеют особое значение как языковые элементы, служащие соз-

данию представления о стране как об общности дружелюбных людей. Этическая ценность дружбы, несомненная для представителей разных наций, в дипломатическом дискурсе приобретает также статус политической ценности, исключительно важной с позиций установления контактов между странами.

Аналогичным образом в тексте португальского дипломатического дискурса представлены концепты «Povo» («Народ»), «Confiança» («Доверие») и др. Концепт «Povo» («Народ») является базовым концептом политического дискурса. В СМИ обращение к данному концепту связано обычно с прагматическими целями журналистов, с их желанием создать вербальное представление о том, что публикация адресована народу, рассказывает о народе и выполняет нужды народа. В ментальном представлении каждого гражданина отражено то, что он является частью народа, поэтому всё, что важно для народа и адресовано ему, языковая личность воспринимает как предназначенное для себя лично.

Народ в представлении СМИ может быть противопоставлен власти, а может быть частью государства, а значит, частью власти. Для дипломатического дискурса важнее второе представление о народе. Сутью дипломатии является то, что конкретный человек или группа людей представляют государство, а значит, и его народ, в международной и межгосударственной коммуникации.

Концепт «Povo» («Народ») репрезентируется в португальском дипломатическом дискурсе через представление о том, что лидер государства выступает не только от своего личного имени, но и от имени народа. Это выражается фразами:

(7) *Em nome do Povo Portugues e no meu próprio* – От имени народа Португалии и от меня лично.

(8) *Em meu nome e no do Povo Português* – От имени своего народа и от себя лично.

(9) *Endereço a Vossa Excelência... as mais calorosas felicitações, bem como votos de continuado progresso e prosperidade para o Povo irmão* – Направляю Вашему Превосходительству самые тёплые поздравления, а также пожелания постоянного прогресса и процветания братскому народу.

Есть обороты, призванные подчеркнуть единство народов, которое является целью дипломатического взаимодействия: *em benefício dos nossos dois povos* – *на благо наших народов*, *os nossos dois Povos irmãos* – *наши братские народы*.

Концепты «Amizade» и «Povo» могут быть соединены и представлены в тексте комплексно, например, в выражении: *ao manifestar os sentimentos de amizade do Povo Português – относительно дружеских намерений португальского народа.*

Концепт «Povo» обычно выступает как отражение национального самосознания [3], однако в дипломатическом дискурсе он имеет свою специфику. Здесь важно подчеркнуть не различие между народами, а сходство и необходимость единения различных народов, которое и является высшей целью дипломатии. В то же время нельзя не подчёркивать национальную специфику народа, так как для дипломатических отношений актуально единодушие разных народов без их слияния, при сохранении каждым сложившихся в течение веков особенностей.

Концепт «Confiança» («Доверие») является одним из наиболее неоднозначных социологических и лингвокультурных концептов. Доверие включает «умение сдерживать обещания, приходить на помощь в трудную минуту, ответственность, постоянство во взглядах, преданность» [5, с. 46], а эти умения просто незаменимы в дипломатической сфере. Доверие нередко представляет для языковой личности определённую трудность, так как предполагает «установку того или иного лица к снижению его субъективной оценки рисков, связанных с поведением партнёра по взаимодействию» [17, с. 87]. То есть, проявляя доверие, языковая личность должна снизить уровень своей тревоги, открыться, поверить, что возможно такое взаимодействие с партнёром, которое не будет рискованным. В дипломатическом дискурсе данная установка особенно важна.

При этом концепт «Confiança» («Доверие»), несмотря на имеющиеся противоречия, – один из концептов, находящихся в языке и представлениях говорящих одобрение, получающих изначально положительную оценку. Центром данного концепта является ценность, которая осознаётся всеми носителями языка, но которую они при этом далеко не всегда готовы практически реализовать. Данный концепт проявляется и в индивидуальном, и в коллективном сознании. Для дипломатического дискурса наиболее важно его коллективное преломление, которое одновременно является и наиболее психологически сложным. Доверие «сопряжено с хорошей репутацией, надёжностью» [5, с. 46], а именно таких качеств каждый субъект дипломатическо-

го дискурса ожидает от партнёра по межгосударственному взаимодействию. И именно такие качества он репрезентирует в самом себе, испытывая потребность их одобрения в процессе дипломатического акта.

Автор португальского дипломатического текста заявляет, что сам готов строить сотрудничество «на основе доверия и взаимного уважения». Например:

(10) *Aproveito a oportunidade para reafirmar o empenho no desenvolvimento da cooperação e reforço das relações de amizade entre os nossos Países com base no respeito mútuo e confiança.* – Пользуясь случаем, хочу заверить Вас в стремлении развивать сотрудничество и укреплять дружеские отношения между нашими странами на основе доверия и взаимного уважения.

В то же время говорящий заявляет, что ему необходимо доверие со стороны адресата:

(10) *Nesta convicção, persuadidos estamos de que Vossa Excelência (ou Vossa Majestade) o acolherá com benevolência e dará inteiro crédito ao que ele tiver a honra de lhe dizer especialmente ao manifestar os sentimentos de amizade do Povo Português e ao formular, em nosso nome, votos pela prosperidade da... e pela felicidade pessoal de Vossa Excelência (ou Vossa Majestade).* – Мы убеждены, что Вы примете его с благосклонностью и отнесётесь с полным доверием ко всему, что он будет иметь честь Вам сообщить, особенно относительно дружеских намерений португальского народа и пожеланий процветания и личного счастья. Как мы видим из примера, схожую концептуальную нагрузку может нести лексема **crédito**.

Доверие выступает как векторное явление, имеющее два направления – от адресата к адресанту дипломатического текста и обратно. В этом и состоит сущность доверия в дипломатии: каждая из взаимодействующих сторон отдаёт что-то другой стороне, предполагая, что взамен получит равноценное действие и отношение.

Концепты «Confiança» и «Amizade» в португальском дипломатическом дискурсе также связаны, что выражается, к примеру, в конечном обращении текста грамоты: *Leal e Constante Amigo – верный и преданный друг.*

Сочетаясь друг с другом, концепты «Amizade», «Povo» и «Confiança» создают целостное концептуальное поле – своеобразную концептосферу, характерную для дипломатического дискурса как особого вида институционального дискурса. Каждый из компонентов данного поля значим и каждый вносит в концептосферу неповторимые

элементы. Обращает на себя внимание то, что два из рассмотренных концептов – «Amizade» и «Confiança» имеют личностное, психологическое наполнение. Это указывает на желание субъектов дипломатического взаимодействия продемонстрировать личностную заинтересованность в коммуникации. Дипломатический дискурс в результате направлен от личности к совокупности: личность, представляющая совокупность, стремится не быть лишённой чувств и качеств, свойственных ей как личности. Концепт «Povo» в данной системе выполняет связующую и объединяющую роль, помогая личности идентифицировать себя с государством, не утрачивая при этом индивидуальности.

Анализ полученных результатов

Несомненно то, что одной из основных целей дипломатического дискурса является формирование положительного имиджа страны и желание развивать сотрудничество. А переводческий процесс – это способ осуществления взаимодействия языков и культур. Переводчику необходимо учитывать ценностные аспекты дипломатического текста и выстраиваемую его субъектами концептосферу, стараясь максимально точно передавать в переводе речевые интенции автора дипломатического документа. Перевод дипломатических документов с португальского языка на русский представляет определённую трудность, поскольку необходимо «учитывать культурные различия между реципиентом документа и автором» и при этом добиваться «абсолютной точности при передаче текста» [6, с. 201]. Мы считаем просто необходимым обращать внимание при переводе на функционирование рассмотренных выше концептов «Amizade», «Povo», «Confiança». Переводчику необходимо учитывать, что это не просто устойчивые лексемы и обороты, не просто дань традиции, а эмоциональные послылы, посредством которых субъект дискурса репрезентует себя, формирует свой положительный имидж и стремится добиться от партнёра адекватной реакции.

Выводы

Языковые средства создания положительного имиджа государства в португальском диплома-

тическом дискурсе во многом связаны с реализацией концептов «Amizade», «Povo», «Confiança». Ключевым концептом, который связывает воедино всю информацию, выражает основные ценности, поведенческие и культурные установки, является концепт «Povo» («Народ»). С его помощью подчёркивается объёмный характер субъектов дипломатического дискурса, ведущих диалог от имени своих народов. Два других концепта – «Amizade» («Дружба») и «Confiança» («Доверие») в какой-то мере противостоят ему, но в то же время дополняют. Это концепты, имеющие личностный и психологический характер, а также транслирующие оценочность и экспрессию. Происходит слияние личностного и общественного. Субъект дипломатического дискурса одновременно представляет себя лично и своё государство, свой народ и подразумевает, что партнёр будет репрезентовать себя так же. Формируется концептосфера дипломатического общения, которая, по нашим наблюдениям, характерна не только для португальской дипломатии, но и для дискурса в целом. Психологическая сложность концептов «Amizade» и «Confiança» состоит в том, что данные явления применительно к личности отдельных граждан требуют умения раскрыться и вручить себя партнёру по коммуникации. Однако именно данная психологичность способствует формированию высокой степени убедительности действий тех субъектов, которые проявляют личностные эмоции и отношения на общественном уровне. Кроме того, концепт «Povo» наделён национальной спецификой и предполагает значительные отличия, а концепты «Amizade» и «Confiança» межнациональны, универсальны и транслируют ценности, важные для каждого из народов мира. Совокупность данных концептов формирует концептосферу, не просто удачно выстроенную, но практически идеальную, соответствующую ценностным требованиям, предъявляемым к дипломатическому взаимодействию.

В результате функционирования данных концептов в португальском дипломатическом дискурсе создаётся положительный имидж государства как страны, доверительно и дружественно относящейся ко всем иностранным партнёрам, стремящейся установить отношения прочного взаимодействия и взаимопонимания на уровне народов.

Список литературы

1. Балабас Н.Н. Концепты «amitié» (дружба) и «hostilité» (вражда) во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М., 2010. 31 с.
2. Волкова Т.А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации: на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Тюмень, 2007. 23 с.
3. Волов А.И. Концепт «народ» как отражение национального самосознания // Современная наука: теоретический и практический взгляд: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.; отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа: Аэтерна, 2015. С. 154–156.
4. Галумов Э.А. Имидж против имиджа. М.: Известия, 2005. 551 с.
5. Голякова Е.Г. Концепт «доверие» как единица лингвокультурного исследования // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. Самара: Самар. гос. ин-т к-ры, 2014. С. 42–46.
6. Гренадерова О.Л. Особенности и трудности перевода дипломатических документов с португальского языка на русский // Вопросы иберо-романистики. 2017. № 16. С. 196–202.
7. Емельянова Н.А. Дипломатический дискурс как полидискурсивный феномен // Актуальные вопросы лингвистики, литературоведения и методики: Мат. заочн. науч.-практ. конф. Астрахань: астрах. гос. ун-т, 2018. С. 36–42.
8. Кожегева А.С. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса (на материале вербальных нот): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2012. 22 с.
9. Крылова М.Н. Концепт «север» в образной системе современного русского сравнения // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 215–220.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем; пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: ЛКИ, 2008. 256 с.
11. Президент республики Бразилия [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.planalto.gov.br/> (дата обращения: 12.11.2018).
12. Президент республики Португалия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidencia.pt/> (дата обращения: 12.11.2018).
13. Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 12.11.2018).
14. Путятова Э.Г. Деятельность российских дипломатов по формированию положительного имиджа России в Аргентине в начале XX века // Евразийский союз учёных. 2015. № 5-6 (14). С. 95–97.
15. Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма научной коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2015. № 24. С. 176–185.
16. Хизова М.А. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Краснодар, 2005. 20 с.
17. Ярулин И.Ф. Концепт «доверие» в анализе этнических миграций // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 5-6. С. 85–95.

Сведения об авторе:

Гренадерова Ольга Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков МГИМО. Научная специализация: лингвистика, современное переводоведение (португальский и русский языки), функционально-семантическая грамматика (португальский язык). E-mail: ogrenade@mail.ru.

LINGUISTICS MEANS FORMING A POSITIVE IMAGE OF A COUNTRY (WITHIN PORTUGUESE DIPLOMATIC DISCOURSE)

Olga L. Grenaderova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article presents the analysis of the texts of the Portuguese diplomatic discourse (congratulatory telegrams, welcome notes, protocol and ceremonial documents, etc.) from the point of view of means serving to create a positive image of the country. Linguistic and conceptual analyses are carried out; the basic tools of forming a conceptual field of the text are defined. Words and expressions representing the concepts of “Amizade” (“Friendship”), “Povo” (“People”), and “Confiança” (“Trust”) are seen as the basic means used to create a positive image. The concept of “Amizade” (“Friendship”) is the main concept accounting for the image’s linguocultural structure, linking together all the other concepts. It helps the*

Portuguese diplomats to form an image of Portugal as a community of friendly people. As a result, Portugal is seen as a friendly country towards all international actors, ready to demonstrate confidence and to improve relations at the collective and individual level. The article concludes that translator or interpreter while making his or her translation should take into account the conceptual structure of the text as part of the diplomatic discourse to convey most accurately the culturally significant meanings of the text.

Key Words: *diplomatic discourse, language of diplomacy, image of the country, positive image, Portuguese, concept of “Friendship”, concept of “People”, concept of “Trust”*

References

1. Balabas N.N. Kontsepty «amitié» (druzhba) i «hostilité» (vrazhda) vo frantsuzskom iazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The concepts “amitié” (friendship) and “hostilité” (enmity) in French: Abstract Cand. filol. Sci. diss.]. Moscow, 2010. 31 p.
2. Volkova T.A. Diplomaticeskii diskurs v aspekte strategichnosti perevoda i kommunikatsii: na materiale angliiskogo i russkogo iazykov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Diplomatic discourse in terms of strategic translation and communication: on the material of English and Russian languages: Abstract Cand. filol. Sci. diss.]. Tyumen', 2007. 23 p.
3. Volov A.I. Kontsept «narod» kak otrazhenie natsional'nogo samosoznaniia [The concept of “people” as a reflection of national identity]. *Sovremennaia nauka: teoreticheskii i prakticheskii vzgliad*: Sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.; otv. red. A.A. Sukiasian [Modern science: theoretical and practical view: International scientific-practical conf.; ed. A.A. Sukiasian]. Ufa: Aehterna, 2015, pp. 154–156.
4. Galumov E.H.A. Imidzh protiv imidzha [Image against image]. Moscow: Izvestiia, 2005, 551 p.
5. Goliakova E.G. Kontsept «doverie» kak edinita lingvokul'turnogo issledovaniia [The concept of “trust” as a unit of linguo-cultural research]. *Modernizatsiya kul'tury: idei i paradigmy kul'turnykh izmenenii*: Mat. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Modernization of culture: ideas and paradigms of cultural change: Mat. International scientific-practical conf.]. Samara, 2014, pp. 42–46.
6. Grenaderova O.L. Osobennosti i trudnosti perevoda diplomaticeskikh dokumentov s portugal'skogo iazyka na russkii [Features and difficulties of translating diplomatic documents from Portuguese into Russian]. *Voprosy iberoromanistiky – Iberoromance Questions*, 2017, no. 16, pp. 196–202.
7. Emel'ianova N.A. Diplomaticeskii diskurs kak polidiskursivny fenomen [Diplomatic discourse as a polydiscursive phenomenon]. *Aktual'nye voprosy lingvistiki, literaturovedeniia i metodiki*: Mat. zaochn. nauch.-prakt. konf. [Actual problems of linguistics, literature and methods: Mat. correspondence scientific-practical conf.]. Astrahan': astrah. gos. un-t, 2018, pp. 36–42.
8. Kozheteva A.S. Lingvopragmaticheskie kharakteristiki diplomaticeskogo diskursa (na materiale verbal'nykh not): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Linguopragmatic characteristics of the diplomatic discourse (on the material of verbal notes): Abstract Cand. filol. Sci. diss.]. Moscow, 2012, 22 p.
9. Krylova M.N. Kontsept «sever» v obraznoi sisteme sovremennogo russkogo sravneniia [The concept of “north” in the imaginative system of modern Russian comparison]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2013, no. 4, p. 215–220.
10. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafor, kotorymi my zhivem; per. s angl.; pod red. i s predisl. A.N. Baranova [Metaphors we live by; from English; by ed. A.N. Baranov]. Moscow: LKI, 2008, 256 p.
11. Prezident respubliki Braziliia [President of the Republic of Brazil]. Available at: <http://www2.planalto.gov.br/> (accessed 12 November 2018).
12. Prezident respubliki Portugaliia [President of the Republic of Portugal]. Available at: <http://www.presidencia.pt/> (accessed 12 November 2018).
13. Prezident Rossii [President of Russia]. Available at: <http://www.kremlin.ru> (accessed 12 November 2018).
14. Putiatova E.H.G. Deiatel'nost' rossiiskikh diplomatov po formirovaniu polozhitel'nogo imidzha Rossii v Argentine v nachale HKH veka [The activities of Russian diplomats on the formation of a positive image of Russia in Argentina in the early twentieth century]. *Evraziiskii soiuz uchenykh* [Eurasian Union of Scientists], 2015, no. 5-6 (14), pp. 95–97.
15. Terentii L.M. Diplomaticeskii diskurs kak osobaia forma nauchnoi kommunikatsii [Diplomatic discourse as a special form of scientific communication]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of Psycholinguistics], 2015, no. 24, p. 176–185.
16. Hizova M.A. Kontsept «druzhba» v russkoi i angliiskoi lingvokul'turakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The concept of “friendship” in the Russian and English linguocultures: Abstract Cand. filol. Sci. diss.]. Krasnodar, 2005, 20 p.
17. Iarulin I.F. Kontsept «doverie» v analize etnicheskikh migratsii [The concept of “trust” in the analysis of ethnic migrations]. *Regionalistika*, 2015, V. 2, no. 5-6, pp. 85–95.

About the author:

Olga L. Grenaderova – PhD in Philology; Associate Professor at MGIMO, Department of Romance Languages. Fields of research: general linguistics, modern translation studies (in Portuguese and Russian), functional semantics of Portuguese grammar. E-mail: ogrenade@mail.ru.

* * *

ОТТОПОНИМИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ КАК АКТУАЛИЗАТОРЫ ПРЕЦЕДЕНТНОЙ СИТУАЦИИ (на материале испаноязычной публицистики)

Ю.П. Мурзин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

*Настоящая работа посвящена исследованию одного из средств актуализации прецедентной ситуации – оттопонимических дериватов в испанском языке по материалам публицистики. Исследуются оттопонимические глаголы, образованные при помощи продуктивного суффикса каузативного значения **-izar**, а также их производные – герундий, обозначающий действие, и существительные с суффиксом **-ción**, выражающие действие и результат действия – по значению мотивирующей основы.*

Названные средства являются производными от хоронимов – названий стран и регионов, где в определённый период их истории происходили или происходят те или иные события, послужившие основанием для возникновения новых слов, ставших наименованием явлений и процессов, характерных не только для этих стран, но и аналогичных процессов и явлений в других регионах мира.

В отличие от словарных определений ядерного значения оттопонимических производных, их значение при употреблении в качестве актуализаторов прецедентной ситуации выводится из фоновых, энциклопедических знаний реципиента или эксплицируется в контексте.

*Сходные процессы, происходящие в различных странах, могут обуславливать синонимичный характер соответствующих дериватов. Так, например, глаголы **panamizar** и **gibraltarizar** несут дифференциальные признаки прецедентной ситуации «колонизация» – в экономическом, культурном отношении; дериваты **vietnamizar**, **somalización**, **balcanizar**, **libanizar** в своём ключевом значении актуализируют прецедентную ситуацию «военные действия»; **balcanizar** и **polonizar** – «фрагментация государства», «прекращение существования субъекта».*

Результаты настоящего исследования могут найти применение в курсах по межкультурной коммуникации и лингвокультурологии.

Ключевые слова: прецедентность, прецедентные феномены, прецедентный топоним, оттопонимические дериваты, лингвокультурное сообщество

В настоящее время как в выступлениях политиков, так и в публикациях в СМИ регулярно воспроизводятся прецедентные феномены (ПФ), посредством которых авторы стремятся усилить прагматическое воздействие текста, выразить соответствующую оценку событий и фактов действительности и повлиять на существующую в сознании реципи-

ента картину мира. ПФ позволяют установить обратную связь с получателем информации, апеллируя к общему фонду знаний, вовлечь его в процесс декодирования и интерпретации сообщений, заставляя мыслить определённым образом [7, с. 222].

В научном сообществе не существует единого понимания термина «прецедентность», хотя

этот феномен находится в центре внимания лингвистов в течение последних десятилетий. При исследовании ПФ принято исходить из классической дефиниции прецедентного текста, данной Ю.Н. Карауловым [4, с. 216], которая в несколько модифицированном виде применительно к ПФ приводится по В.В. Красных [5, с. 170]. Итак, к числу прецедентных относятся феномены:

- 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»;
- 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;
- 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества.

На основе анализа целого ряда работ по данной тематике В.Л. Латышева [8, с. 298] приходит к заключению, что на статус прецедентного может претендовать тот или иной феномен, если он: 1) является фактом; 2) отличается повторяемостью; 3) обладает маркированностью; 4) рефлексированностью; 5) прагматичностью; 6) экономичностью; 7) инвариантностью; 8) имплицитностью; 9) метафоричностью; 10) отличается клишированностью; 11) представляет собой свёрнутую ассоциативную цепочку; 12) обладает шкалой оценок.

Термин «прецедентный феномен» объединяет в себе такие термины, как «прецедентная ситуация» (ПС), «прецедентный текст» (ПТ), «прецедентное имя» (ПИ), «прецедентное высказывание» (ПВ). К нему, как отмечает Н.В. Петрова, как к родовому термину, следует причислить и термин «прецедентный топоним» (ПрТ), входящий в качестве гипонима в понятие «прецедентное имя» [10 с. 177] и основанный на использовании номинаций известных географических объектов с закреплённым за ними ассоциативным рядом [11].

Все названные ПФ актуализируются в речи, но при этом ПВ и ПИ выступают как вербальные феномены, а ПТ и ПС – как поддающиеся вербализации (пересказ, рассказ). ПТ и ПС являются феноменами скорее собственно когнитивного, нежели лингвистического плана, поскольку хранятся в сознании носителей языка в виде вариантов восприятия [2].

Цель настоящей работы заключается в исследовании средств вербализации ПС посредством глаголов, образованных от топонимов – хорони-

мов – собственных имен территорий, имеющих определённые границы: небольшого пространства, исторической области, административного района или страны [12].

Согласно определению В.В. Красных, ПС – это некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определённых коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу и которая актуальна в когнитивном плане; означающими ПС могут быть ПВ или ПИ (например, *Ходынка*, *Смутное время*) или не прецедентный феномен (*яблоко*, *соблазнение*, *познание*, *изгнание* – как атрибуты одной ситуации) [5, с. 172].

ПС может быть как реальной (*Бородино*), так и виртуальной (*яблоко раздора*) единичной ситуацией и включает в себя набор наиболее знакомых языковой личности представлений о некоем историческом, политическом или культурном событии, происходившем в той или иной стране, о субъектах (или персонажах), предметах и оценках и актуализируется в сопоставлении с той или иной ситуацией речи, понимаемой и как ситуация, которая описывается в речи одного из коммуникантов, так и ситуация, в которой протекает коммуникация [1, с. 261].

Эмпирический материал, отобранный методом сплошной выборки, свидетельствует о том, что ПС могут вербализовываться посредством оттопонимических глаголов, например: *tibetizar* – *тибетизировать*, *vietnamizar* – *вьетнамизировать*, *gibraltarizar* – *гибралтаризировать*, *japonizar* – *японизировать*, *libanizar* – *ливанизовать* [15, с. 4696], образованных при помощи продуктивного суффикса *-izar*, придающего преимущественно активное, целенаправленное – каузативное – значение, что отражено в его словарной дефиниции: *sufijo que sirve para formar verbos derivados de nombres o adjetivos, significando «convertir en» o «comunicar» – суффикс, служащий для образования от имён существительных и прилагательных глаголов со значением «превращать в», «придавать (вид, качество)»* [18, с. 1693], а также посредством их производных – герундия, обозначающего действие, и существительных с суффиксом *-ción*, обозначающих действие и результат действия, по значению мотивирующей основы.

Судя по словарным определениям, семантика оттопонимических глаголов, как правило, легко предсказуема и «прозрачна». Их семантическим

инвариантом восприятия является словарное значение – «распространение языка, культуры, обычаев, образа жизни народа, страны, называемых топоосновой». Новые же значения оттопонимических дериватов выводятся из фоновых, энциклопедических знаний.

Названия стран, регионов мира могут обозначать происходившие в них события в различные периоды их истории или происходящие в настоящее время, субъекты военно-исторического, социального или культурного действия. Использование топонима, таким образом, является результатом метонимического переноса. Это свидетельствует о метонимическом характере прецедентности. Образное употребление топонима возможно благодаря именно оттопонимическому плану значения топонима [9], развивающемуся на базе основного, топонимического значения.

Чтобы выразить как позитивную, так и негативную характеристику, оценивая положение в той или иной стране, авторы высказываний нередко прибегают к использованию оттопонимических дериватов для актуализации соответствующей ПС, благо разнообразие ситуаций в разных странах в различные периоды их истории даёт для этого обильный материал.

В одном и том же микроконтексте топонимы могут употребляться в номинативном и апеллативном значении. Например: *Irak, el nuevo Vietnam de EE UU* [16]. – *Ирак – новый Вьетнам для США.*

В данном случае топоним *Iraq* выполняет исключительно номинативную функцию, тогда как топоним *Vietnam* носит прецедентный характер: он вызывает целый ряд ассоциаций, связанных с поражением США во вьетнамской войне, с людскими и материальными потерями и утратой страной своего имиджа, актуализируя соответствующую ПС, сопоставляемую со складывающейся ситуацией в другой стране, события в которой могут пойти по тому же сценарию и привести к аналогичным результатам.

Следуя неукоснительному лексикографическому правилу, авторы толкового словаря испанского языка [19, с. 4537] первым фиксируют инвариантное значение глагола *vietnamizar* – *вьетнамизировать*: *придавать вьетнамские черты, признаки кому-либо или чему-либо, затем дают следующую лаконичную помету: обычно говорится об ограничении конфликта в пределах страны.* В современном общественно-политическом дискурсе оттопонимический

глагол *vietnamizar* употребляется исключительно в общеизвестном метафорическом значении. При этом исторический контекст может восстанавливаться в пояснении, благодаря чему значение этого глагола раскрывается в полном объёме: *Nixon ... buscó una «retirada honrosa» [de Vietnam] poniendo en práctica un plan que consistía en «vietnamizar» la guerra, es decir, retirar las tropas estadounidenses y dejar que los sur vietnamitas lucharan por ellos mismos en contra del comunismo.* – *Целью Никсона был «почётный уход» [из Вьетнама] путём реализации плана «вьетнамизации» войны, заключавшемся в выводе американских войск и самостоятельном ведении военных действий силами Южного Вьетнама против коммунизма* [21].

Глагол *vietnamizar* потребовался и для описания следующей ситуации: *«Vietnamizar» Irak. Washington se está planteando retirarse de Irak, y tras haber provocado una guerra civil, crear una situación de vietnamización como la que dividió a Vietnam en dos Estados tras años de guerra entre hermanos.* – *Вашингтон планирует уйти из Ирака и после того, как он спровоцировал гражданскую войну, осуществить вьетнамизацию, подобно той, разделившей Вьетнам на два государства после многолетней братоубийственной войны* [22].

В данном случае высвечивается только сема «разделение страны», и даётся не соответствующая действительности информация о роли США в разделении Вьетнама. На самом же деле демаркация была проведена в 1954 году согласно Женевским соглашениям, завершившим колониальную войну Франции в Индокитае. Здесь значение глагола представлено не в полном объёме и с частичным искажением, что обусловлено неверными или неполными знаниями автора высказывания.

Автор другой публикации, описывая перспективы развития ситуации в Ираке, исходит из сопоставления её с ПС, актуализируемой именем *vietnamización*, предполагает при этом иной сценарий, апеллируя к ПС, существующей в ином государстве: *Lo que amenaza a la sociedad iraquí no es una vietnamización, sino la «somalización»... En Somalia, pick-ups y todoterrenos, adornados con metralletas, garantizan el triunfo de los más fanáticos... Hoy Somalia está en manos de las bandas armadas de los «tribunales islámicos».* – *Иракскому обществу угрожает не вьетнамизация, а «сомализация»... В Сомали пикапы и внедорожники с установленными на них ручными пулеметами обеспечивают победу самым фанатичным си-*

лам. Ныне в Сомали господствуют вооружённые банды «исламских судов»¹ [23].

В следующем высказывании рисуется перспектива создания на континенте обстановки, подобной той, в которой оказались США во Вьетнаме, равно как и её последствий для США: *Si los gringos² entran [en Venezuela], nosotros vamos a vietnamizar el continente, desde el Río Bravo para abajo* [17]. – Если «грингос» сунутся [в Венесуэлу], то мы превратим во второй Вьетнам весь континент от Рио-Гранде до самого юга.

От названия европейского региона Балканы, который в течение столетия – вплоть до 1912 года из единого пространства под властью Османской империи превратился в несколько небольших государств, происходит современный термин *balcanización* – *балканизация* – процесс распада государства или федерации, сопровождаемый дальнейшей фрагментацией вновь образованных политических субъектов, которые вступают в конфликтные отношения друг с другом вплоть до гражданской войны. «Балканизация» в собственном смысле слова повторилась в 1990 годы распадом Югославии [27]. Название Балканского полуострова стало метафорическим обозначением региона, где в течение долгого времени происходят войны и межнациональные конфликты: «*Balcanizar*» es un neologismo periodístico sinónimo de “guerra civil”. – «Балканизировать» – это журналистский неологизм, синоним сочетания «спровоцировать гражданскую войну» [26].

В современном употреблении в испанском языке, помимо вышеприведённого ключевого, термин *balcanización* имеет следующие значения:

1) любое дробление однородной системы на плохо связанные друг с другом части, например, *balcanización de Internet* – *балканизация Интернета*;

2) разрыв договоров о сотрудничестве вследствие действий конкурентов, выступающих под девизом «разори соседа»;

3) различия между естественными языками, появляющиеся со временем, между языками программирования и форматами файлов данных;

4) процесс разделения некоторых культур на отдельные части как следствие националистических движений [28].

В данном случае происходит усложнение структуры значения оттопонимического деривата вследствие переосмысления действия и за счёт включения новых актантов и объектов. Когнитивные признаки ПС, актуализируемой именем *balcanización*, а именно: «дробление», «разрыв связей», «агрессивные действия», «различия», «разделение», «национальный антагонизм» переносятся в виртуальное пространство, в сферу деловых и культурных отношений. Таким образом реализуется общий принцип когнитивной деятельности, когда для обозначения новых предметов, явлений и ситуаций, входящих в сферу опыта, человек не изобретает новых знаков, а использует уже существующие, приспособляя их для выполнения новых функций. Происходит понимание нового, неосвоенного через данное, освоенное и известное, из исходных значений извлекаются определённые семантические модели, под которые «подводятся» новые элементы опыта [6, с. 23].

Как показывают приведённые примеры, глаголы *balcanizar* и *vietnamizar* не только служат актуализаторами ПС, с которыми сопоставляются новые складывающиеся ситуации, но также используются для толкования значения других актуализаторов.

Лексико-семантическим вариантом сочетания «гражданская война» стал глагол *libanizar* – *al igual que «balcanizar», es un neologismo periodístico sinónimo de «guerra civil». – «Ливанизовать», так же как и «балканизировать» – это журналистский неологизм, синоним сочетания «спровоцировать гражданскую войну»* [26]: *Libanizar Siria como forma de entrapar a Irán. – «Ливанизовать» Сирию, превратить её в ловушку для Ирана* [29].

В следующем контексте глагол *libanizar* – *ливанизовать* актуализирует ПС применительно к той, которая складывается уже не в масштабе одной страны, а целой планеты, и приобретает иной, террористический, характер: *Es el mundo entero el que parece haberse convertido en*

¹ «Союз исламских судов» – мусульманское повстанческое движение в Сомали.

² Гринго – зд. уничижительное название жителей США; в значении «захватчик» может употребляться в странах Латинской Америки с целью унижить и оскорбить кого-либо [24]. По одной из версий слово «гринго» возникло в ходе вторжения США в 1846 году в северные штаты Мексики Новая Мексика и Верхняя Калифорния, где проживало наряду с американскими колонистами и местное население, которые были захвачены военными и включены в состав США. Американские военные были одеты в зелёную военную форму, а мексиканцы кричали им: «Green, go home!» — «Зелёные, уходите!», что впоследствии сократилось до «Green go» – гринго [25].

*un campo de batalla una vez que el enfrentamiento entre los dos grandes bloques ha dejado paso a una lluvia de conflictos regionales. Es la **libanización terrorista del planeta** [33]. – Весь мир, похоже, стал полем битвы, как только противостояние двух больших блоков сменилось целой чередой региональных конфликтов. Это – террористическая «ливанизация» планеты.*

Сема «противостояние неких сил внутри страны» глагола **libanizar** объективируется в контексте, описывающем ситуацию в обществе Аргентины:

*Eva Perón aumenta los derechos de la mujeres y consigue ser aliada del feminismo, enfrentar a las mujeres con los hombres y dividir a la familia y a largo plazo **libanizar a la sociedad**. – Эва Перон расширяет права женщин и ей удаётся стать союзницей феминисток, что приводит к противопоставлению женщин и мужчин и разрыву семейных связей, а в дальнейшем – к «ливанизации» общества [32].*

Однако представители испаноговорящего сообщества (вероятнее всего, ливанцы по происхождению) не согласны с таким толкованием значения глагола **libanizar** и придают ему совсем иное содержание: *Los ciudadanos libaneses han dado siempre ejemplo de su fuerte tradición histórica de convivencia. En su territorio conviven en armonía diecisiete creencias religiosas diferentes. Ésta – y no otra – es la «**libanización**». «**Libanización**» significa para nosotros resistir la ocupación, la fragmentación y la anarquía, una férrea voluntad de supervivencia y una historia de éxito en cuanto a la reconstrucción de un país devastado, logrado con nuestras propias manos, sin ayuda externa. – Граждане Ливана всегда подавали пример прочной исторической традиции сосуществования: на территории страны мирно соседствуют семнадцать конфессий и религиозных течений. Именно это – а не что-либо иное – означает «ливанизация». Для нас «ливанизация» означает сопротивление оккупации, раздробленности и анархии, железную волю к выживанию и успех в восстановлении страны своими руками, без помощи извне [31].*

Динамику значения актуализатора ПС определяют реальные события, происходящие на территории, обозначаемой топонимом:

*En los decenios de 1970 y 1980, «**libanización**» se convirtió en una palabra negativa. Ahora, no obstante, la «**libanización**» ha vuelto a adquirir su sentido original y verdadero como término que equivale a democracia, libertad, pluralismo y reconocimiento del otro. – В 70-е и 80-е годы понятие «ливанизация»*

имело отрицательное значение. Теперь, однако, понятие «ливанизация» вновь приобрело своё первоначальное, истинное значение, а именно: демократия, свобода, плюрализм и признание других [30].

Таким образом, в семантике существительного «**libanización**» нашли отражение опыт событий затяжного вооружённого конфликта 1975–1990 гг. в Ливане, а также опыт более ранних и послевоенного мирного периодов, напоминающих религиозную и национальную толерантность, существовавшую в испанском городе Толедо с незапамятных времён до начала XII века и называемую «toledancia» [34].

Глаголы **balcanizar** и **libanizar** близки по своему значению, они синсемичны: их общие семы – «фрагментация государства» и «конфликтные отношения». Оба глагола образованы от хоронимов – названия территории и страны, где в соответствующие исторические периоды имели место известные ПС.

Оттопонимические дериваты могут вербализировать различные аспекты и процессы ПС, в том числе и противоположные друг другу. Так, глагол **palestinizar** означает:

– способ действия, подобный тактике палестинских боевиков: *Sadam Husein está tan decidido a «**palestinizar**» la guerra en Irak que las huellas de la Intifada (ataques suicidas, víctimas civiles en controles militares) son rastreadas al milímetro y disparan la ira de la opinión pública árabe [40]. – Решимость Садама Хусейна «палестинизировать» войну в Ираке столь велика, что признаки интифады (нападения террористов-смертников, гибель мирных жителей на блок-постах) очевидны и вызывают гнев общественного мнения в арабских странах;*

– способ урегулирования конфликта способом, применённым на территории Палестины: *El Plan Baker trata de «**palestinizar**» el conflicto, sugiriendo una Autoridad del Sáhara Occidental por cinco años, seguida de un referéndum [37]. – План Бейкера представляет собой попытку разрешения конфликта по подобию Палестины, он предусматривает создание Автономии Западная Сахара на пять лет, а затем – проведение референдума.*

В следующем высказывании проводится аналогия между ситуацией и практикой в отношении определённых лиц, существующей на территории Палестины, и положением, сложившимся далеко от Палестины: *La **palestinización** de los mexicanos puede expresar mejor el futuro de*

los hombres y mujeres que se ocultan de «la migra»³ y las patrullas fronterizas. Invasión, estigmatización, campaña xenófoba, encarcelamientos masivos y muro fronterizo. Realidades que israelíes y estadounidenses impusieron en la convivencia con sus vecinos [36]. – Термин «**палестинизация**» мексиканцев может точнее выразить будущее мужчин и женщин, скрывающихся от сотрудников службы иммиграции и патрулей на границе. Нарушение прав, дискриминация, ксенофобия, содержание в тюрьмах огромного количества людей, стена на границе. Такова реальность, созданная израильянами и американцами в отношениях со своими соседями.

Состав ПФ изменчив. Некоторые прецеденты устаревают, выходят из употребления или переходят в разряд историзмов. Топоним же монореферентен и постоянен: референтная соотнесённость топонима сохраняется даже тогда, когда соответствующий топообъект в силу ряда причин перестаёт существовать. При этом топоним становится частью исторической ономастики. Например, в течение некоторого времени на карте Европы отсутствовало такое государство, как Польша после раздела её территории между Прусским королевством, Российской империей и Австрийской монархией, произошедшего в конце XVIII века (1772–1795 гг.). Однако при восстановлении объекта в том или ином виде топоним восстанавливает свой прежний статус. Глагол **polonizar** и существительное **polonización** референтную соотнесённость сохраняют, но произошла семантическая архаизация, то есть устаревание лексико-семантического варианта. У глагола **polonizar** лишь одна общая сема с глаголами **balcanizar** и **libanizar** – «фрагментация государства», но добавлена сема «прекращение существования субъекта».

В современных толковых словарях испанского языка даётся только одно значение существительного **polonización** – **полонизация** – *распространение польского языка и культуры на территории, находящейся под контролем Польши и усвоение языка и культуры непольским населением.*

Однако слово-архаизм может снова войти в более или менее активное употребление. Нередко в корпусе оттопонимической лексики

происходят и лексико-семантические процессы восстановления пассивизированных знаний социума. Так, в одном из контекстов читаем следующее: *La revista Time propuso la «polonización» de Bolivia entre sus vecinos... el general Pinochet afirmó que Bolivia carecía de viabilidad como nación y que la mejor solución sería que su territorio fuera distribuido entre Chile, Perú, Brasil y Argentina. O sea una «polonización», aludiendo al pacto Hitler-Stalin, que en 1940 se repartieron Polonia entre la URSS y Alemania. Como boliviano, les digo a los enemigos de mi patria: «A polonizar o balcanizar a su abuela» [35].* – Журнал «Тайм» предложил осуществить «полонизацию» Боливии... Генерал Пиночет утверждал, что Боливия нежизнеспособна как государство, и лучшим решением будет раздел её территории между Чили, Перу, Бразилией и Аргентиной. То есть «полонизацию» по образцу пакта, заключённого в 1940 году между Гитлером и Сталиным⁴, поделившими Польшу между СССР и Германией... Как боливец, врагам моей страны я говорю: «Полонизируйте и балканизуйте свою бабушку».

В испанском и русском языках существует ряд фразеологизмов с ключевым словом **abuela** – *бабушка*. В обоих случаях отсылка «к бабушке», высказанная в грубо-просторечной форме в адрес собеседника или третьего лица, означает «недоверие к словам собеседника» или «отказ» – «совсем, абсолютно ничего не (получить, дать, сделать, понять и т. п.), а также категорическое несогласие или отрицание при резком возражении на что-либо». Употребление слова **abuela** в данном контексте основывается на таких признаках, как «особенности вербального поведения», «особенности мышления» [13, с. 188], «сложности адаптации в современном мире», «психо-эмоциональные реакции», характерные для человека пожилого возраста и которые нередко отражаются в текстах юмористического жанра. Примеры:

cuéntaselo a tu abuela – *расскажи это своей бабушке (кому другому)* [42];

¡tu abuela! – *чёрта лысого!, ищи дурака! ничего подобного, вовсе нет!* [43];

¡a su abuela! – *вранье!, брехня!;*

que se lo cuente a su abuela – *пусть рассказывает кому-нибудь другому;*

³ «Ла мигра» – сленговое название американской службы иммиграции и таможенного контроля и других иммиграционных правоохранительных органов.

⁴ Термином «полонизация» названы разделы территории польско-литовского государства (Речи Посполитой) между Прусским королевством, Российской империей и Австрийской монархией в конце XVIII века (1772–1795 гг.) [41].

¡para su abuela! – дудки!, черта с два! [3, с. 14].

Для обозначения конкретного лексико-экспрессивного содержания автор соединяет в одном микроконтексте два глагола и фразеологический оборот, не изменяя их семантики и синтаксических связей, в результате чего выражение «*a polonizar o balcanizar a su abuela*» получает контекстуально инвариантное значение «не вмешивайтесь в наши дела». В данном контексте значение оттопонимических дериватов подвергается варьированию – путём лексических добавлений – для выражения коннотации, оценки. Таким образом, в семантику глаголов вносится оценочный компонент. При этом реализуется семантическая компетентность автора суждения, выражающего ценностную связь с ценностной картиной мира.

У ряда глаголов на *-izar* в испанском языке сохранились значения, относящиеся к разряду историзмов. Так произошло с глаголом *japonizar* – *dar carácter japonés a alguien o algo*. – Придавать японский характер чему-либо, **японизировать**.

Лозунг *¡Japonicemos España!* – **Японизируем Испанию!** звучал в Испании в конце XIX – начале XX вв., когда она оправлялась от поражения, понесённого ею в результате утраты последних колоний в конце XIX века. Это было время поисков модели модернизации страны. Взгляды испанцев обратились на Восток, где Япония виделась уже современным государством с мощной и боеспособной армией, с достижениями в области образования, здравоохранения, где монархия сыграла важную роль в преодолении феодального наследия, в освоении достижений западной науки и техники, в индустриализации страны. В Японии существовала просвещённая печать, развивалась современная инфраструктура, была принята конституция, правительство формировалось по западными демократическим нормам и ограничивались чрезмерные траты семьи императора. Япония приобрела статус великой державы [39]. Такая модель модернизации была весьма привлекательной.

Семантический инвариант оттопонимических производных *gibraltarizar* и *gibraltarización* формально выводится из словарного толкования других лексем, образованных аналогичным способом: «распространение языка, культуры, обычаев, образа жизни народа, страны, называемых топоосновой».

Гибралтар – спорная территория между Испанией и Великобританией. Для испанцев – это незаконно занимаемая Великобританией часть

территории их страны, пребывающая в статусе колонии британской короны.

Употребляя имя *gibraltarización*, автор следующего текста апеллирует к ПС «колония», инвариант восприятия которой имплицитно некую территорию, в данном случае – Гибралтар. Статус колонии означает зависимость, власть другого государства, отсутствие самостоятельной политической и экономической власти, особый режим управления. Быть колонией унижительно, особенно в XXI веке. Такая коннотация актуализатора ПС очевидна в контексте: *En los medios de comunicación la avalancha anglófila es abrumadora, pesada, opresora, irritante. Ahí tenemos al programa First Dates –el cual es un escándalo escaparate para promocionar la ideología de género–, al Got Talent, La Voz Kids, Spanish movies, etc. Patético. Escandaloso. Es lo que se viene llamando «gibraltarización» de España: además de soportar la ignominia de tener una colonia de la «Pérfida Albión», ahora resulta que también están colonizando nuestro incomparable idioma, prodigioso instrumento de cultura, de arte de historia y de pensamiento [14]. – В СМИ – надоедливая, назойливая, угнетающая, раздражающая лавина англофилии. Нам демонстрируют «Свидания» – скандальный образчик продвижения гендерной идеологии, «Есть таланты», «Голос Дети», «Испанские фильмы» и др. Драматизм. Шумная реакция. Это то, что называют «гибралтаризацией» Испании: кроме того, что нам приходится сносить позор наличия на своей территории колонии «Коварного Альбиона», они ещё и колонизируют наш язык, несравнимый ни с каким другим языком, восхитительное средство культуры, искусства повествования и мысли.*

Глагол *panamizar* содержит аллюзию на негативный исторический опыт Панамы: Панамский канал и прилегающая к нему территория страны безраздельно контролировались США в течение почти всего XX века, с чем были связаны огромные финансовые потери Панамы, военное вторжение и присутствие войск чужого государства, ущемление суверенитета, унижение национального достоинства. В новых контекстах признаки ПС, существовавшей в Панаме, экстраполируются на другие страны и регионы: *Se trata de «panamizar» la región del Golfo: eliminar a Iraq como potencia regional emergente, utilizar la intervención directa y mantener fuerzas armadas en la zona [38]. – Предпринимаются попытки «панамизировать» регион Персидского залива: устранить Ирак как новую региональную держа-*

ву, осуществить прямую интервенцию и разместить свои войска в этом регионе.

Признаки ПС могут переноситься на ситуацию в другой стране с подробной экспликацией, о чём свидетельствует следующий контекст: [En Argentina] *Se ha arraigado el populismo, muchas veces la clase gobernante ha sido abiertamente cleptómana. El país cae cíclicamente en el coma económico, del que toca salir con tratamientos de choque. Gobiernos manirrotos y demagogia barata. Se acumulan los indicios de que España se está **argentinizando**. Los votos a Podemos fueron una idea funesta y el giro del PSOE hacia el populismo más izquierdista, un virus para nuestra democracia* [20]. – [В Аргентине] *Укоренился популизм, зачастую правящий класс демонстрирует явные признаки клептомании. Страна впадает в экономическую кому, из которой придётся выходить при помощи шоковой терапии. Расточительные правительства. Господство дешёвой идеологии. Растёт число признаков того, что Испания уподобляется Аргентине. Роковым знаком стало число проголосовавших за «Подemos», ИСПП тяготеет к популизму самого левого толка, являющемуся заразным для нашей демократии.*

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Оттопонимические производные несут существенную общественно-политическую, военно-историческую и культурную информацию, характеризующую ту или иную ПС. Семантика деривата объективируется в контексте в зависимости от цели говорящего, при этом может происходить расширение или переосмысление его значения в результате авторской экспликации новых дифференциальных признаков ПС. Использование

оттопонимических актуализаторов ПС характерно для общественно-политической сферы и часто сопровождается их идеологизацией и политизацией. Под воздействием экстралингвистических факторов значение оттопонимических дериватов может приобретать отрицательные смыслы, отражающие реакцию на новые общественно-политические процессы и тенденции. Данный пласт лексики является отражением общественной потребности в обозначении тех или иных ситуаций, предметов, понятий и явлений.

В каждом случае для полного понимания значения оттопонимических дериватов необходимо, чтобы фоновые знания реципиента в целом совпадали с соответствующими фоновыми знаниями говорящего. Но говорящий, исходя из своих собственных знаний и представлений, может допускать не вполне корректное употребление оттопонимического деривата.

В различных странах порой происходят сходные процессы, и дериваты, образованные от названия этих стран, могут иметь синонимичное значение. Так, например, глаголы **panamizar** и **gibraltarizar** несут дифференциальные признаки ПС «колонизация» – в экономическом, культурном отношении; дериваты **vietnamizar**, **somalización**, **balcanizar**, **libanizar** в своём ключевом значении актуализируют ПС «военные действия»; **balcanizar** и **polonizar** – ПС «фрагментация государства», «прекращение существования субъекта».

Результаты настоящего исследования могут найти применение в курсах по межкультурной коммуникации и лингвокультурологии.

Список литературы

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
2. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса http://evartist.narod.ru/text12/09.htm#з_18. (Дата обращения 12.01.2019)
3. Испанско-русский фразеологический словарь / Э.И. Левинтова, Е.М. Вольф, Н.А. Мовшович, И.А. Будницкая; Под ред. Э.И. Левинтовой. М.: Рус. Яз., 1985. 1080 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 216.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
6. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. с. 23.
7. Ларионова М.В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции? : монография / Моск. гос. Ин-т междунар. оношений (ун-т) МИД России, каф. испанского языка. М.: МГИМО-Университет, 2015. 327 с.
8. Латышева В.Л. Признаки и функции прецедентных феноменов // Вестник ИрГТУ № 1 (48), 2011. С. 296-300.
9. Левина Э.М. Может ли быть прецедентным топоним. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://revolution.allbest.ru/languages/01080625_0.html. (Дата обращения 25.07.2019).

10. Петрова Н.В. Эволюция понятия «прецедентный текст» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия «Филология». 2010. № 2. С. 176-182.
11. Семкин М.А. Прецедентный топоним. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc.znanium.com/read/810571>. (Дата обращения 25.07.2019).
12. Хороним. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/w/index.php?search=Хороним&title=Службная%3AПоиск&go=Перейти> (Дата обращения 27.07.2019).
13. Шиповская А.А. и др. Репрезентация слота «родственные отношения» фрейма «бабушка» в русскоязычных прецедентных текстах юмористических жанров. // Филологические науки. Тамбов: «Грамота», № 12(90) 2018. Ч. 1. С. 188.
14. Benítez Grande-Caballero L. No a la gibraltarización de nuestra Patria: “Mr. Marshall, not welcome”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.infohispania.es/no-a-la-gibraltarizacion-de-nuestra-patria-mr-marshall-not-welcome/>. (Дата обращения 12.02.2019).
15. Bosque I., Demonte V. Gramática Descriptiva de la Lengua Española. Madrid: Espasa, 1999. p. 4696.
16. Gorraiz López G. Irak, el nuevo Vietnam de EE.UU. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.telesurtv.net/bloggers/Irak-el-nuevo-Vietnam-de-EE.UU.-20150907-0002.html> (Дата обращения 4.02.2019).
17. Manetto F. Las fuerzas de choque que arropan a Maduro. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elpais.com/internacional/2019/02/07/america/1549576689_267228.html (Дата обращения 9.02.2019).
18. Moliner M. Diccionario de uso del español. En dos tomos. Tomo 1. Madrid: Gredos, 2013. p. 1693.
19. Seco M., Andrés Puente O., Ramos González G. Diccionario del español actual, volumen II, Madrid: Aguilar. P. 4537.
20. Ventoso L. La argentinización. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.abc.es/opinion/abci-argentinizacion-201810140409_noticia.html (Дата обращения 15.10.2018).
21. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://damianbesares.blogspot.com/2013/04/etapa-4-detente-1973-1979.html> (Дата обращения 26.07.2019).
22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elpais.com/diario/2005/12/05/cvalenciana/1133813883_850215.html (Дата обращения 27.10.2018).
23. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elpais.com/diario/2006/06/19/opinion/1150668005_850215.html (Дата обращения 26.07.2019).
24. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fb.ru/article/357715/что-значит-gringo-i-kto-je-eto-na-samom-dele>. (Дата обращения 8.01.2019).
25. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lingvaflavor.com/pochemu-amerikantsev-nazyivayut-gringo/>. (Дата обращения 26.07.2019).
26. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.practicaespanol.com/palabras-en-la-prensa-libanizar/>. (Дата обращения: 21.06.2017).
27. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>. (Дата обращения 26.07.2019).
28. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://es.wikipedia.org/wiki/Balcanizaci%C3%B3n>. (Дата обращения 26.07.2019).
29. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lasherenciasolidadas.wordpress.com>. (Дата обращения: 21.09.2017).
30. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://context.reverso.net/перевод/испанский-русский/libanización>. (Дата обращения: 18.06.2017).
31. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ellitoral.com/index.php/diarios/2006/03/02/opinion/OPIN-06.html>. (Дата обращения: 3.07.2017).
32. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.monografias.com/trabajos83/feminismo-argentina/feminismo-argentina.shtml>. (Дата обращения 24.06.2017).
33. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elpais.com/diario/1995/04/21/opinion/798415205_850215.html. (Дата обращения 24.06.2017).
34. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.almacen51.com>. (Дата обращения: 3.07.2017).
35. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rebelion.org/noticia.php?id=56396>. (Дата обращения 22.06.2017).
36. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tiempoar.com.ar/nota/la-palestinizacion-de-los-mexicanos-por-sebastian-salgado>. (Дата обращения 27.07.2019).
37. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.abc.es/20101109/internacional/negociacion-sigue-nueva-york-20101109.html>. (Дата обращения 29.06.2017).
38. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://biblioteca.ccoo.cat/intranet-tmpl/prog/en/local_repository/documents/17274_35145.pdf. (Дата обращения 2.08.2019).
39. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.academia.edu/778306/Japonizar_Espa%C3%B1a_La_imagen_espa%C3%B1ola_de_la_modernizaci%C3%B3n_del_Jap%C3%B3n_Meiji. (Дата обращения 2.08.2019).
40. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.abc.es/hemeroteca/historico-03-04-2003/abc/Guerra/checkpoint-muerte_172083.html. (Дата обращения 21.06.2017).
41. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Разделы_Речи_Посполитой. (Дата обращения: 22.06.2017).
42. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.diccionario.ru#ixzz4l0kjkxql>. (Дата обращения: 24.06.2017).
43. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://diccionario.ru/sa/join_es_ru/moderno/abuela. (Дата обращения: 28.07.2019).

Сведения об авторе:

Мурзин Юрий Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, семантика, лексикология, фразеология. E-mail: yu.p.murzin@inno.mgimo.ru.

TOPONYMICAL DERIVATIVES AS THE ACTUALIZER OF PRECEDENT SITUATION (THE CASE OF THE SPANISH MASS MEDIA TEXTS)

Iu.P. Murzin

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *This work is devoted to the study of one of the means of actualization of the precedent situation in the Spanish language on the materials of journalism. It examines the verbs formed from the names with the productive causative suffix values **-izar**, and also their derivatives – a gerund, indicating the action, and nouns with the suffix **-ción**, expressing the action and result of action – value motivational framework.*

These means are derived from the names of countries and regions, where in certain periods of their history there have occurred certain events, which served as the basis for the emergence of new words denoting phenomena and processes, characteristic not only of these countries, but also in other regions of the world.

In contrast to the dictionary definitions of the nuclear meaning of these derivatives, their meaning when used as actualizers of the precedent situation is derived from the background, encyclopedic knowledge of the recipient or explicated in the context.

*Similar processes taking place in different countries may determine the synonymous nature of the respective derivatives. For example, the verbs **panamizar** and **gibraltarizar** bear the differential features of the precedent situation «colonization» in the economic and cultural spheres; derivatives **vietnamizar**, **somalización**, **balcanizar**, **libanizar** in their key value actualize a situation of «hostilities»; **balcanizar** and **polonizar** carry the meaning of «fragmentation of the state» and «termination of the existence of the subject».*

The results of this study can be used in courses on intercultural communication and cultural linguistics.

Key Words: *precedent, precedent phenomena, precedent toponym, derivatives, linguocultural community*

References

1. Gudkov D.B. Teoriia i praktika mezhkulturnoi kommunikatsii. [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow: ITDGG "Gnosis" Publ. 2003, 288 pp.
2. Gudkov D.B. Precedentniye fenomeny v tekstah politicheskogo diskursa [Precedent phenomena in the texts of political discourse]. Available at: http://evartist.narod.ru/text12/09.htm#з_18. (Accessed 12 January 2019).
3. Ispansko-russkii frazeologicheskii slovar' [Spanish-Russian phraseological dictionary] / E.I. Levintova, E.M. Volf, N.A. Movshovich, I.A. Budnitskaya; under E.I. Levintova supervision. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1985. 1080 pp.
4. Karaulov Iu.N. Russkii iazyk i iazykovaia lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Nauka Publ., 1987, p. 216.
5. Krasnykh V.V. "Svoi" sredi "chuzhikh": mif ili realnost'? ["Your" among "strangers": myth or reality?]. Moscow: ITDGG "Gnosis" Publ. 2003. 375 pp.
6. Kustova G.I. Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy iazykovogo rasshireniia [The types of derivative meanings and mechanisms of language extensions]. Moscow: Iazyki slavyanskoi kultury Publ., 2004. P.23.
7. Larionova M.V. Ispanskii gazento-publitsisticheskii diskurs: iskusstvo informatsii ili masterstvo manipulyatsii? [Spanish newspaper and journalistic discourse: the art of information or the skill of manipulation?]: monograph / Moscow State Institute of International Relations (University), Spanish Language Department. MGIMO-Universitet, 2015. 327 pp.

8. Latysheva V.L. Priznaki i funktsii pretsedentnykh fenomenov [Features and functions of precedent phenomena] // Vestnik IrGTU № 1 (48), 2011. pp. 296-300.
9. Levina E.M. Mozhet li byt' pretsedentnym toponim [Can a toponym be a precedent phenomenon]. Available at: https://revolution.allbest.ru/languages/01080625_0.html. (Accessed 27 July 2019).
10. Petrova N.V. Evolyutsiia ponyatiia "pretsedentny tekst" [Evolution of the concept of "precedent text"] // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya "Filologiya". 2010. № 2. P. 176-182.
11. Semkin M.A. Pretsedentnyi toponim [Precedent toponym]. Available at: <http://enc.znaniium.com/read/810571>. (Accessed 25 July 2019).
12. Khoronim. Available at: <https://ru.wikipedia.org/w/index.php?search=Хороним&title=Служебная%3АПоиск&go=Перейти>. (Accessed 27 July 2019).
13. Shipovskaya A.A. et al. Reprezentatsiia slota "rodstvennye otnosheniia" freyma "babushka" v russkoyazychnykh pretsedentnykh tekstakh yumoristicheskikh zhanrov [Representation of the slot "kinship" of the frame "grandmother" in the Russian-language precedent texts of humorous genres] // Filologicheskie nauki. Tambov: Gramota Publ., № 12(90) 2018. Part 1. P. 188.
14. Benítez Grande-Caballero L. No a la gibraltarización de nuestra Patria: "Mr. Marshall, not welcome". Available at: <https://www.infohispania.es/no-a-la-gibraltarizacion-de-nuestra-patria-mr-marshall-not-welcome/>. (Accessed 12 February 2019).
15. Bosque I., Demonte V. Gramatica Descriptiva de La Lengua Española. – Madrid: Espasa, 1999. – p. 4696.
16. Gorraiz López G. Irak, el nuevo Vietnam de EE.UU. Available at: <https://www.telesurtv.net/bloggers/Irak-el-nuevo-Vietnam-de-EE.UU.-20150907-0002.html>. (Accessed 4 February 2019).
17. Manetto F. Las fuerzas de choque que arropan a Maduro. Available at: https://elpais.com/internacional/2019/02/07/america/1549576689_267228.html (Accessed 9 February 2019).
18. Moliner M. Diccionario de uso del español. En dos tomos. Tomo 1. Madrid: Gredos, 2013. p. 1693.
19. Seco M., Andrés Puente O., Ramos González G. Diccionario del español actual, volumen II, Madrid: Aguilar. P. 4537.
20. Ventoso L. La argentinización. Available at: https://www.abc.es/opinion/abci-argentinizacion-201810140409_noticia.html. (Accessed 15 October 2018).
21. Available at: <http://damianbesares.blogspot.com/2013/04/etapa-4-detente-1973-1979.html> (Accessed 26 July 2019).
22. Available at: http://elpais.com/diario/2005/12/05/cvalenciana/1133813883_850215.html. (Accessed 27 October 2018).
23. Available at: http://elpais.com/diario/2006/06/19/opinion/1150668005_850215.html. (Accessed 9 March 2018).
24. Available at: <http://fb.ru/article/357715/chto-znachit-gringo-i-kto-je-eto-na-samom-dele>. (Accessed 8 January 2019).
25. Available at: <http://www.lingvaflavor.com/pochemu-amerikantsev-nazyvayut-gringo/>. (Accessed 26 July 2019).
26. Available at: <http://www.practicaespanol.com/palabras-en-la-prensa-libanizar/>. (Accessed 21 June 2017).
27. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Балканизация>. (Accessed 23 June 2017).
28. Available at: <https://es.wikipedia.org/wiki/зación>. (Accessed 23 June 2017).
29. Available at: <https://lasherenciasolvidadas.wordpress.com>. (Accessed 21 September 2017).
30. Available at: <http://context.reverso.net/перевод/испанский-русский/libanización>. (Accessed 18 June 2017).
31. Available at: <http://www.ellitoral.com/index.php/diarios/2006/03/02/opinion/OPIN-06.html>. (Accessed 3 July 2017).
32. Available at: <http://www.monografias.com/trabajos83/feminismo-argentina/feminismo-argentina.shtml>. (Accessed 24 June 2017).
33. Available at: http://elpais.com/diario/1995/04/21/opinion/798415205_850215.html. (Accessed 24 June 2017).
34. Available at: <http://www.almacen51.com>. (Accessed 3 July 2017).
35. Available at: <http://www.rebelion.org/noticia.php?id=56396>. (Accessed 22 June 2017).
36. Available at: <https://www.tiempoar.com.ar/nota/la-palestinizacion-de-los-mexicanos-por-sebastian-salgado>. (Accessed 27 July 2019).
37. Available at: <http://www.abc.es/20101109/internacional/negociacion-sigue-nueva-york-20101109.html>. (Accessed 29 June 2017).
38. Available at: http://biblioteca.ccoo.cat/intranet-tmpl/prog/en/local_repository/documents/17274_35145.pdf. (Accessed 2 August 2019).
39. Available at: http://www.academia.edu/778306/Japonizar_Espa%C3%B1a_La_imagen_espa%C3%B1ola_de_la_modernizaci%C3%B3n_del_Jap%C3%B3n_Meiji. (Accessed 2 August 2019).
40. Available at: http://www.abc.es/hemeroteca/historico-03-04-2003/abc/Guerra/checkpoint-muerte_172083.html. (Accessed 21 June 2017).
41. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Разделы_Речи_Посполитой. (Accessed 22 June 2017).
42. Available at: <http://www.diccionario.ru#ixzz4l0kjkxql>. (Accessed 24 June 2017).
43. Available at: <http://www.diccionario.ru#ixzz4l0kE65dl>. (Accessed 24 June 2017).

About the author:

Iurii Petrovich Murzin – PhD, Assistant Professor of the Spanish Language Department. MGIMO-University (Russia, Moscow). Research interests: cognitive linguistics, semantics, lexicology, phraseology.
E-mail: yu.p.murzin@inno.mgimo.ru.

* * *

МАНИПУЛИРОВАНИЕ СОБЕСЕДНИКОМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ

А.А. Тымбай

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Современная психология детально разработала вопросы типов манипуляций, способов манипулятивного воздействия и возможных приёмов защиты от него. В лингвистике, между тем, эта тема по-прежнему заслуживает особого внимания, поскольку следы технологий скрытого воздействия можно встретить практически в любом речевом акте. Статья содержит практический анализ стратегий речевого поведения участников на примере политического диалога, проведённый на основе записей интервью на политические темы. По мнению автора, смена ролей в диалоге является не просто технической формой осуществления коммуникации, а выражением стратегического планирования речи его участниками. От совпадения или столкновения коммуникативных тактик участников зависит, будет диалог кооперативным или конфликтным по своей природе, а главное – смогут ли его участники реализовать стоящие перед ними задачи. Из всего обширного инвентаря типов мены роли особого внимания заслуживают прерывания собеседника, поскольку они позволяют наиболее ярко проследить реализацию говорящими своих коммуникативных задач, таких как захват или удержание коммуникативной инициативы. В этом смысле прерывания собеседника могут рассматриваться в качестве тактик манипулирования как партнёром по диалогу, так и общественным мнением (в случае эфирных диалогов на политические темы). Результаты исследования могут быть интересны как студентам, обучающимся по специальности «журналистика», так и тем, чьей будущей профессией является дипломатия и международные отношения, поскольку важнейшим средством защиты от манипулятивного воздействия является способность участника коммуникации идентифицировать скрытые намерения собеседника.

Ключевые слова: *политический диалог, теледебаты, манипулятивное воздействие, технологии смены роли, прерывание партнёра, захват/удержание коммуникативной инициативы, защита от манипулирования*

Понятие «манипулирование» – психологический термин, означающий оказание скрытого влияния на людей. Согласно ряду исследователей, тот факт, что механизмы манипулирования, как правило, скрыты и неочевидны, порождает негативный или даже пренебрежительный контекст, в котором этот концепт функционирует как семантическая единица.

Согласно Е.Л. Доценко, современное и наиболее употребительное значение этого слова представляет собой своеобразную метафору, произошедшую от первого, исконного значе-

ния слова «манипуляция» (от лат. *manipulus*) и означающего обращение с предметами со специальным намерением или действие, производимое руками [2, с. 10]. По версии Л.В. Оконечниковой, переход от манипуляций с предметами к манипуляции сознанием произошёл в 20-х годах прошлого века в результате повсеместного использования данного термина для обозначения карточных фокусов, где целью иллюзиониста как раз и было отвлечение внимания аудитории для достижения желаемого эффекта [6, с. 5].

Своё прямое значение слово «манипуляция» сохранило, пожалуй, только в хирургии и косметологии. Зато его переносное значение вышло далеко за пределы обращения человека или животного с физическими объектами. Произошёл своеобразный переход от манипулирования предметами к манипулированию сознанием в контексте человеческого общения. Под объектами манипуляции теперь всё чаще понимаются живые люди, а средства манипулирования становятся всё более и более разнообразными.

Специалисты в области медиалингвистики и массовой коммуникации сосредоточили своё внимание на контекстно-содержательной стороне практики манипуляций. Анализируя работу новостных агентств, Ю.А. Ермаков выделяет следующие виды манипулирования общественным сознанием [4, с. 143]:

- пропаганда,
- дезинформация,
- умолчание,
- «фейки»,
- сенсационность,
- реклама,
- стереотипизация и др.

По мнению Л.Р. Дускаевой, журналисты часто используют сразу несколько видов манипулирования одновременно [3, с. 200]. Согласно исследователю, существуют устоявшиеся модели «рационального невежества» аудитории, на которых СМИ основывают способы подачи той или иной информации [3, с. 208].

В сфере межличностного общения В.Н. Панкратов делит все манипуляции на три группы: организационно-процедурные, логические и психологические [7, с. 21-35]. По своему характеру первые представляют собой фактические речевые действия, направленные на достижение определённой цели, например, срыв переговорного процесса. Вторые – это обман собеседника с использованием умышленных логических ошибок. Третьи – приёмы психологического свойства, такие как желание вызвать гнев собеседника или лесть с целью усыпить его бдительность и таким образом выиграть спор.

Если исходить из того, что манипулирование – это скрытый вид воздействия, ведущий к тому, что человек, на которого оно оказывается, в результате некоторых действий начинает принимать желания манипулятора за свои собственные, манипулятивное поведение говорящего должно стать предметом пристального изучения лингвистической прагматики.

В.Н. Сергеечева, например, выделяет такие виды манипулятивного воздействия, как убеждение, самопродвижение, внушение, принуждение и др. [8, с.96]. Большая часть из них совпадает с речевыми интенциями любого речевого вклада индивида в контексте речевого взаимодействия с другим индивидом или группой людей. Ситуация манипулирования сходна с речевой ситуацией вообще. Для неё важны физическое окружение, культурный фон, социальный контекст, канал связи, речевые установки участников. В ней есть манипулятор, то есть адресат, и объект воздействия, или реципиент. Отсюда можно сделать вывод о том, что манипулирование характерно для человеческого общения в целом, а значит, можно найти признаки манипуляции в любом речевом акте.

По мнению М.В. Ларионовой, говоря о специфических характеристиках газетно-публицистической дискурсивной практики, такие функции высказывания как информативная и воздействующая (читайте манипулятивная) разделить практически невозможно [5, с. 228]. Сообщая информацию, журналисты стремятся интегрировать в сознание адресата субъективную оценку, прикрывая её объективностью языковых средств.

Поскольку поиск манипулятивных технологий в тексте представляется нам задачей для более масштабного исследования, в данной работе нами был проведён пробный лингвистический эксперимент по поиску технологий манипулирования на материале политического диалога. Исходя из того, что мы считаем смену ролей в диалоге основой его структурной организации [9, с. 68-70], мы выдвинули гипотезу о том, что умышленное нарушение порядка смены ролей, то есть прерывание партнёра, может являться проявлением организационно-процедурных стратегий манипулирования, используемых его участниками.

При выборе материала для анализа перед нами возник вопрос, что именно считать политическим диалогом. Вслед за Т. Ван Дайком [1, с. 19], мы определили политический диалог как разговор между двумя людьми, где присутствуют две составляющие: его ведут политики (или один из собеседников – политик) на политические темы.

Беглое изучение термина «манипуляция» в контексте политологии показало, что у политологов, как и у психологов, этот термин также является довольно распространённым. Основ-

ное значение политических манипуляций – это скрытое управление или обработка. Ряд политологов считает, что слово «манипуляция» заменило некогда бытовавший в политическом словаре «макиавеллизм», означавший желание добиться поставленного результата любыми средствами. В контексте поставленной задачи, однако, нас интересовали только просодические и структурные особенности диалогической речи, такие как отсутствие смыслового центра высказывания, ввиду того что оно было прервано, или длительные паузы между репликами, которые обычно не характерны для условного немаркированного симметричного диалога.

Для аудиторского анализа были отобраны по 10 минут звучащих фрагментов следующих передач:

– BBC Hard Talk (General Secretary, Unite Union, UK - Len McCluskey) от 9 января 2019 года (общее время звучания: 23 мин.), видео доступно по ссылке: <https://www.bbc.co.uk/sounds/play/w3cswjg4>;

– The first Trump-Clinton presidential debate от 26 сентября 2016 года (общее время звучания 93 мин.), видео доступно по ссылке: www.youtube.com/watch?v=Iq37sj3GA7I;

– TED Woman, Jane Fonda - Lily Tomlin (A hilarious celebration of lifelong female friendship), 2015 года (общее время звучания 16 мин), видео доступно по ссылке: www.ted.com/talks/jane_fonda_and_lily_tomlin_a_hilarious_celebration_of_lifelong_female_friendship/discussion#t-566843.

Первые два фрагмента представляют собой классические примеры политического диалога (интервью действующего политика и теледебаты кандидатов на пост президента США), третий – контрольный образец обсуждения вопроса, не относящегося к политике.

Следует отметить, что ранее мы уже подробно изучали жанр политических дебатов и пришли к выводу, что при ряде допущений теледебаты являются прекрасными образцами статусного политического диалога [10, с. 105-115].

В качестве метода исследования был выбран аудиторский анализ. Электронно-акустический анализ материала не проводился в силу условно-предварительного характера работы.

Данные, полученные аудитором, позволили подсчитать количество речевых вкладов участников, число сделанных реплик, а также количество прерываний и наложений реплик. Главной оппозицией в фокусе исследования явилось

соотношение количества прерываний к числу «гладкой смены роли».

Гладкой сменой роли в диалоге мы считаем такую смену говорящего, при которой реплики не накладываются друг на друга и на их стыке не возникает длительной паузы. (Более подробно о типах смены роли смотрите в работе: Тымбай А.А. Просодическая составляющая процесса смены ролей в диалоге [11].)

В примере 1 говорящий 1 (Stephen Sackur) заканчивает свою мысль логически, грамматически и интонационно и говорящий 2 (Len McCluskey) своевременно начинает свой речевой вклад.

Пример 1.

SS: *You said you think those people will be disillusioned, do you think they will be angry if they wish that they've invested in their Brexit vote and potentially in their vote for Theresa May don't materialize in the form of a material improvement in their circumstance?*

LM: *I think they'll be furious. But, you know, sometimes I despair at the fact that people are even persuaded down this route...*

Следует отметить, что высказывание-стимул далеко не всегда имеет грамматическую форму вопроса. В примере 2 говорящий 2 (Hillary Clinton) начинает свой речевой вклад сразу после того, как ему становится ясен смысл высказывания собеседника (Donald Trump), т.е. прозвучало семантическое и интонационное ядро высказывания, хотя вопросом реплика 1 не является. В этом примере говорящий 2 стремится реализовать свою задачу: убедить собеседника и аудиторию теледебатов в своей правоте и просто использует любой удобный момент вступить в полемику.

Пример 2.

DT: *... he approved NAFTA, which is the single worst trade deal ever approved in this country.*

HC: *Incomes went up for everybody. Manufacturing jobs went up also in the 1990s, if we're actually going to look at the facts.*

В кооперативных диалогах подобная тактика экономии времени может реализовываться через наложения реплик. В примере 3 говорящему 2 (Jane Fonda) становится понятен смысл высказывания говорящего 1 (Lily Tomlin) и он начинает свой речевой вклад, не дожидаясь полного окончания реплики 1. В результате подобных действий возникает непродолжительный период одновременного говорения, который не наносит вреда смысловому содержанию комму-

никации и не является признаком конфликтной ситуации. Доказательством того, что говорящий 1 не воспринимает подобные наложения как нарушение гладкой смены роли является то, что он спокойно продолжает дискуссию, лишь слегка изменив траекторию хода своих мыслей.

Пример 3.

LT: When we knew we would be here today you sent me a lot of books about women, female friendships, and I was so surprised to see how many books, how much research has been done recently...

JF: And were you grateful?

LT: I was grateful.

От подобного рода наложений следует отличать прерывания собеседника. Прерывания являются мощнейшим инструментом манипулирования в диалоге и особенно распространены в диалогах на политические темы. В ходе эфирного диалога или теледебатов говорящие стараются манипулировать не только своим непосредственным собеседником, но и воздействовать на мнение всей аудитории, т.е. телезрителей.

В примере 4 говорящий 1 (телеведущий Stephen Sackur) ещё не закончил свою реплику, аудиторы не зафиксировали смысловую и интонационный центр высказывания, но говорящий 2 (политик Len McCluskey) захватывает коммуникативную роль и начинает свой речевой вклад, пытаясь существенным образом повлиять на ход дискуссии.

Пример 4.

SS: Yes, I should add, that for every person I spoke to who said they ...

LM: We're fighting for every seat and I think the manifesto is fantastic. If there was a Labour government and those policies were implemented, what a dramatic difference it would make to our nations. It would be like a breath of fresh air.

Подобное можно наблюдать и в примере 5. Говорящий 2 (Hillary Clinton) вклинивается в реплику говорящего 1 (Donald Trump) и после непродолжительного периода коммуникативной борьбы заставляет его замолчать, полностью перехватив инициативу.

Пример 5.

DT: And, Hillary, I'd just ask you this. You've been doing this for 30 years. Why are you just thinking

about these solutions right now? For 30 years, you've been doing it, and now you're just starting to think of solutions. I will bring...

HC: Well, actually...

DT: I will bring back jobs. You can't bring back jobs...

HC: Well, actually, I have thought about this quite a bit...

Следует отметить, что подобный метод повторения первых слов своей реплики с увеличивающейся громкостью является довольно распространённым способом захвата роли в англоязычном политическом дискурсе.

Необходимо помнить, однако, что не каждый речевой вклад в диалоге может считаться полноценной репликой. Если целью говорящего является выражение внимания, согласия и понимания собеседника и он не претендует на взятие коммуникативной роли, его речевой вклад ("Sure!", "Of course!" и др.) можно отнести к категории сигналов обратной связи.

В примере 6 аудиторы затранскрибировали 5 реплик, но в реальности перехода роли не происходит ни разу. Говорящий 1 (Lily Tomlin) продолжает развивать свою мысль, а говорящий 2 (Jane Fonda) просто выражает своё согласие с ходом мысли собеседника.

Пример 6.

LT: Wait, no, it's really important because this is another example of how women are overlooked, put aside, marginalized. There's been very little research done on us, even though we volunteered lots of times.

JF: That's for sure.

LT: This is really exciting, and you all will be interested in this. The Harvard Medical School study has shown that women who have close female friendships are less likely to develop impairments ... physical impairments as they age, and they are likely to be seen to be living much more vital, exciting...

JF: And longer .

LT: and joyful lives. But the most important part is they found...the results were so exciting and so conclusive ...the researchers found that not having close female friends is detrimental to your health, as much as smoking or being overweight.

Количественные результаты анализа было бы удобно представить в виде следующей таблицы:

Тип смены роли	Sackur - McCluskey	Trump - Clinton	Fonda - Tomlin
Количество реплик	32	25	50
Гладкая смена	18 (56%)	15 (60%)	33 (66%)
Прерывание	8 (25%)	5 (20%)	-
Сигнал обратной связи	2 (6%)	5 (20%)	9 (18%)

Тип смены роли	Sackur - McCluskey	Trump - Clinton	Fonda - Tomlin
Период одновременного говорения	4 (12%)	2 (8%)	8 (16%)
Длительная пауза	-	-	2 (4%) (смех, аплодисменты)

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Количество реплик в немаркированном диалоге в полтора раза превышает число реплик в диалоге на политические темы и в два раза – в дебатах (за тот же период времени). Это может быть объяснено тем, что в теледебатах время, выделяемое на ответ, жёстко регламентировано, и участники коммуникации стараются придерживаться установленных временных рамок. В политическом диалоге, в сравнении с обсуждением неполитической тематики, увеличение средней длины реплики примерно на треть может быть вызвано желанием говорящего более чётко аргументировать свою позицию, поскольку каждый речевой вклад в подобного рода дискурсе может расцениваться слушающим и аудиторией как своего рода политическое заявление. В целом можно сделать вывод о том, что с повышением статусности и формальности ситуации диалога средняя длина речевого вклада участников возрастает.

2. Касательно типов смены роли следует отметить, что во всех трёх диалогах количество реплик, сменявших друг друга без наложений и длительных пауз, было примерно одинаковым и составило в среднем 60%. Эту цифру можно считать нормой для кооперативных диалогов. Уменьшение доли гладкой смены роли свидетельствует либо об увеличении скорости протекания диалога, когда его участники стараются существенно сэкономить время обсуждения и начинают свои реплики, не дождавшись окончания реплики партнёра, либо о росте напряжённости в отношениях между партнёрами, что выражается в увеличении количества прерываний партнёра. Если количество гладкой смены роли составляет менее половины от общего числа реплик, диалог с большой вероятностью можно считать конфликтным, идущим вразрез с нормами кооперативного общения.

3. Особого внимания заслуживают прерывания партнёра. Интересно, что в предложенном материале немаркированного диалога аудиторы не отметили ни одного случая прерывания, хотя периоды одновременного говорения составили 16 % реплик, что в два раза превышает этот показатель в рамках политического диалога и теледебатов. В то же самое время в политически

маркированной речи прерывания составили от 20 до 25% от общего числа реплик. Такая разница в показателях, на наш взгляд, может быть свидетельством использования участниками политического диалога речевых стратегий захвата коммуникативной инициативы. Участник резко начинает свой речевой вклад, не дослушивая собеседника и не давая ему высказаться и аргументировать свою позицию.

В соответствии с классификацией Е.Л. Доценко, распоряжение инициативой, а в нашем случае – коммуникативной инициативой, наряду с наступлением на чужую психологическую территорию, преградами в дистанции и контакте, увеличением скорости речи для дестабилизации партнёра, направленности воздействия и асимметричности диалога, является важной переменной манипулятивного воздействия [2, с. 300]. Манипулятор использует перехват инициативы в диалоге, владение и распоряжение ею в качестве способа воздействия на собеседника и аудиторию в целом, что приобретает для него особую значимость в рамках телевизионной трансляции.

Прерывания партнёра в политическом диалоге являются техническим средством осуществления манипуляций. При этом социокультурная норма восприятия подобного материала, как правило, не трактует прерывание партнёра как грубое попрание правил ведения кооперативного общения (если, конечно, количество прерываний существенно не превышает 20-25% реплик). В политическом диалоге или дебатах прерывание, наоборот, воспринимается как выражение сильной позиции и имеет социальную поддержку.

4. В заключение хотелось бы сказать несколько слов о характере так называемых сигналов обратной связи в исследуемых образцах. Сигналы обратной связи – это короткие реплики партнёра типа “Yes”, “Sure”, целью которых является налаживание коммуникативного контакта, выражение внимания и понимания партнёра. Нормой считается 5% этих реплик, и примерно такой результат был получен в первом диалоге, где использование сигналов было нейтральным. По сравнению с ним, в нашем втором диалоге (теледебаты Trump-Clinton), а также в третьем (дружеское общение Fonda-Tomlin) количество

сигналов обратной связи возросло практически в 4 раза, до 18-20% соответственно. Удивительно, что при такой схожести цифровых показателей характер речевых вкладов был кардинально разным. Если в диалоге Фонда-Томлин участницы пытались продемонстрировать поддержку позиций друг друга и намеренно сопровождали часть реплик партнёра положительными оценочными комментариями (см. Пример 6), то в теледебатах Трамп-Клинтон (Пример 7) подобные комментарии носят выраженный негативный характер и направлены скорее в адрес телезрителей с целью сформировать отрицательный образ партнёра-конкурента.

Пример 7.

НС: ... *of what we heard Donald say has been about nuclear weapons... He even said, well, you know, if there were nuclear war in East Asia, well, you know, that's fine...*

DT: *Wrong.*

НС: ... *have a good time, folks.*

DT: *It's lies.*

НС: *And, in fact, his cavalier attitude about nuclear weapons is so deeply troubling. That is the number-one threat we face in the world...*

Как в первом, так и во втором случаях мишенью манипуляции становится общественное сознание. Ц. Ян считает, что какое-либо отсутствие честности в отношениях с аудиторией уже является признаком манипуляции [13, с. 155]. Явная критика политической позиции на примере теледебатов, осуществляемая с помощью критических оценочных комментариев, – признак активного манипулятора. Чрезмерное желание угодить, лести или признание собственного бессилия – признаки пассивного манипулятора.

Становясь пассивным манипулятором, участник отказывается быть до конца честным в отношениях с партнёром по диалогу, стараясь при этом понравиться аудитории.

Подводя итог проведённому эксперименту, следует отметить, что при всей приблизительности полученных данных, он позволяет сделать ряд совершенно определённых выводов относительно речевого поведения участников политического диалога. Как на семантическом, так и на структурном уровне участники коммуникации ведут стратегическую борьбу. Отступление от установленных норм и правил мены роли часто является намеренным и выражает желание участника оказать определённый вид воздействия на своего партнёра или на аудиторию.

По мнению ряда исследователей, манипулирование типично для современного общества в целом и объясняется характером межличностных отношений. Э. Шостром полагает, что манипулятор в той ли иной форме присутствует в каждом из нас [12, с. 160]. Представляется, что подобный подход можно вполне оправданно применить к изучению политического дискурса. В том или ином действии участников диалога неизменно присутствуют признаки манипулирования. Характерным для данного вида коммуникации является то, что у партнёра, на которого оказывается влияние, всегда есть возможность ответить на него симметричными средствами. Сутью любой манипуляции является скрытое воздействие, и если человек в состоянии распознать его, то и сама манипулятивная технология теряет смысл. Умение распознавать механизмы манипулирования – важнейший инструмент борьбы с ними.

Список литературы

1. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Либроком, 2013. 344 с.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. 344 с.
3. Дускаева Л.Р. Лингвопраксиологические особенности текста деловых газет // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018, Т. 15. № 2. С. 197-208.
4. Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: смысл, приёмы, последствия. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 203 с.
5. Ларионова М.В. Испанский газетно-публицистический дискурс. Искусство информации или мастерство манипуляции? М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2015. 328 с.
6. Оконечникова Л.В. Психология манипулирования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 30 с.
7. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация: Практическое руководство. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. 208 с.
8. Сергеечева В. Н. Практикум манипулятора. Выбор слабых мест. СПб.: Питер, 2002. 256 с.
9. Тымбай А.А. К вопросу о структурной организации диалога // Мир-Язык-Человек: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2014, С.68-74.

10. Тымбай А.А. Коммуникативные стратегии американских политиков (на примере избирательной кампании 2016) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018, Т. 9. №1. С. 105-123.
11. Тымбай А.А. Просодическая составляющая процесса смены ролей в диалоге. Saarbrücken: LAP, 2015. 172 с.
12. Шостром Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. Пер. с англ. Киев, 2003. 168с.
13. Ян Ц. Прагматическая программа текста лекции // Научный диалог. 2017, № 8. С. 154-167.

Сведения об авторе:

Тымбай Алексей Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент Кафедры английского языка №1 МГИМО МИД России (г. Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: прагматика, коммуникативная лингвистика, просодика и фонология английского языка. E-mail: tymbay@inbox.ru.

MANIPULATING A PARTNER IN A POLITICAL DIALOGUE

Alexey A. Tymbay

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *Types of manipulation, use of manipulative techniques and methods of protection from this kind of influence are a well-developed subject in modern psychology. In linguistics, however, this field of study deserves special attention as hidden manipulation can be traced practically in any speech act. The article contains practical analysis of speech strategies employed by the participants of a political dialogue. It is posited that turn taking in a dialogue is an epitome of strategical planning rather than a technical structuring mechanism. The convergence or disparity of the strategies used defines the cooperative or conflict nature of the dialogue as well as the successful implementation of the goals set by the speakers. Among the wide range of turn-transitions, interruptions of a partner deserve the closest attention as they demonstrate the speakers' attempts to grab or hold the communicative initiative. In this case interruptions can be viewed as ways to manipulate both the dialogue partner and in case of TV broadcasts the public opinion. The findings of the research can be found useful by students majoring in journalism as well as by those who study diplomacy and international relations because the ability to recognize the hidden intentions of a communication partner is the best method to protect oneself from being manipulated.*

Key Words: *political dialogue, TV debates, manipulative influence, turn-taking techniques, interruptions of a partner, grabbing/holding the communicative initiative, protection from manipulation*

References

1. Van Dijk T.A. Diskurs i vlast'. Reprezentatsiia dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii [Discourse and power. Domination in language and communication]. Moscow: Librokom, 2013. 344 p. (in Russian)
2. Dotsenko E.L. Psikhologiya manipulatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. Moscow: CHeRo, Izdatel'stvo MGU, 1997. 344 p. (in Russian)
3. Duskaeva L.R. Lingvopraksiologicheskie osobennosti teksta delovykh gazet [Linguistic peculiarities of newspaper texts]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura [Journal of St. Petersburg University. Language and literature]. 2018, T. 15. № 2. pp. 197-208. (in Russian)
4. Ermakov YU.A. Manipulatsiia lichnost'iu: smysl, priemy, posledstviia [Manipulating a person: ideas, tactics and consequences]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1995. 203 p. (in Russian)
5. Larionova M.V. Ispanskiy gazetno-publitsistichesky diskurs. Iskusstvo informatsii ili masterstvo manipulatsii? [Spanish media discourse. Art of informing or manipulating?] Moscow: Izd-vo «MGIMO-Universitet», 2015. 328 p. (in Russian)
6. Okonechnikova L.V. Psikhologiya manipulirovaniia [Psychology of manipulation]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2006. 30 p. (in Russian)

7. Pankratov V.N. Manipulatsii v obshchenii i ikh neutralizatsiia: Prakticheskoe rukovodstvo [Manipulation in communication. A guidebook]. Moscow: Izd-vo Instituta Psikhoterapii, 2001. 208 p. (in Russian)
8. Sergeecheva V. N. Praktikum manipuliatora. Vybory slabykh mest [A textbook of a manipulator. Looking for weak points]. St. Petersburg: Piter, 2002. 256 p. (in Russian)
9. Tymbai A.A. K voprosu o strukturnoi organizatsii dialoga [On the structure of a dialogue]. Mir-Iazyk-Chelovek: materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Proc. of the III Russian World – Language – Person conference]. 2014, pp. 68-74. (in Russian)
10. Tymbai A.A. Kommunikativnye strategii amerikanskikh politikov (na primere izbiratel'noi kampanii 2016 [Communicative strategies of American politicians, 2016 election campaign]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika [Journal of RUDN. Linguistics. Semiotics. Semantics]. 2018, V. 9. №1. pp. 105-123. (in Russian)
11. Tymbai A.A. Prosodicheskaiia sostavliaiushchaia protsessa meny roli v dialoge [Prosodic component in turn-taking]. Saarbrücken: LAP, 2015. 172 p. (in Russian)
12. Shostrom E.H. Chelovek-manipuliator. Vnutrennee puteshestvie ot manipulyatsii k aktualizatsii [A manipulative person. A trip from manipulation to its realization]. Kiev, 2003. 168p. (in Russian)
13. YAn C. Pragmaticheskaiia programma teksta lektsii [A pragmatic programme of a lecture]. Nauchny dialog [Scientific dialogue]. 2017, № 8. pp. 154-167. (in Russian)

About the author:

Alexey A. Tymbai – PhD, Assistant Professor of Department of the English Language №1, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interests: pragmatics, communicative linguistics, prosody and phonology of the English language. E-mail: tymbay@inbox.ru.

★ ★ ★

ЛЕКСИКА КОММЕРЧЕСКОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

К.А. Ульянова

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
Институт стран Азии и Африки,
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11

Деловой китайский язык – инструмент для осуществления российско-китайского взаимодействия в торгово-экономической сфере. В процессе этого взаимодействия на первый план выходит проблема выбора лексических средств в зависимости от конкретной ситуации общения. В статье рассматривается специальная лексика коммерческого китайского языка как звено в системе лексики делового китайского языка. Автор предпринимает попытку интегрировать подходы отечественных и китайских исследователей к классификации деловой лексики. Описываются основные словообразовательные модели для слов из второй части «Списка наиболее употребительных слов коммерческого китайского языка». 1422 лексические единицы второй части «Списка» стали предметом контент-анализа с целью определения частоты словоупотребления и частотности словообразовательных элементов. Приводятся принципы построения синонимических рядов и антонимических пар, иллюстрируется специфика таких явлений, как полисемия и омонимия в коммерческом китайском языке. Анализируются стилистические особенности таких категорий специальной лексики, как термины, неологизмы, заимствования, клише, вэньянизмы, формулы вежливости, эвфемизмы. В работе отражены основные тенденции развития лексической системы делового китайского языка: эволюция плана содержания лексики с точки зрения её перехода из сферы делового общения в сферу широкого употребления и обратный процесс. Предметная область «предпринимательская деятельность» представлена в виде фреймовой системы, что позволяет смоделировать последовательность отбора лексических единиц в сфере делового общения. Выбор лексических средств делового китайского языка осуществляется носителями с учётом стилистической дифференциации: статуса адресанта и адресата сообщения.

Ключевые слова: лексика коммерческого китайского языка, специальная лексика, книжный макростиль, деловой стиль, лексические и стилистические средства, словообразование, фрейм

Необходимость исследования делового китайского языка объясняется тем, что одним из приоритетных направлений российско-китайского сотрудничества остаётся взаимодействие в торгово-экономической сфере, в том числе на региональном уровне. Как известно, 2018-2019 годы объявлены годами российско-китайского межрегионального сотрудничества. К тому же, деловой язык активно пополняется неологизмами и заимствованиями,

отражающими современные реалии, что доказывает динамический характер языка.

Выбор стилистических средств языка напрямую зависит от коммуникативной ситуации. Китайские исследователи выделяют два основных стиля: разговорный 口语体 kǒuyǔtǐ и книжный 书面语 shūmiànyǔ, книжный стиль включает в себя официально-деловой [13, с. 61]. Деловой стиль реализуется в устной речи в ходе деловых переговоров, в письменной – в виде деловой переписки.

语体 yǔtǐ Стили китайского языка

口语体 kǒuyǔtǐ разговорный	书面语体 shūmiàn yǔtǐ книжный		
	1. 科研语体 kējī yǔtǐ научно-технический 2. 政论语体 zhēnglùn yǔtǐ публицистический 3. 文艺语体 wényì yǔtǐ художественный 4. 事务语体 shìwù yǔtǐ деловой		
	Юридический подстиль 法律语体 fǎlǚ yǔtǐ	Дипломатический подстиль 外交语体 wàijiāo yǔtǐ	Коммерческий подстиль 商务语体 shāngwù yǔtǐ

Предметом рассмотрения главным образом служит лексика коммерческого подстиля делового стиля китайского языка 商务汉语词汇 shāngwù hànyǔ cíhuì, относящаяся к книжному макропласту лексики 书面语词汇 shūmiànyǔ cíhuì.

Источниками для исследования послужили материалы корпуса Пекинского университета CCL [6], а также «Список наиболее употребительных слов коммерческого китайского языка (ККЯ)» (商务汉语常用词表 shāngwù hànyǔ chángyòng cíbiǎo, далее – «Список») [11]. Первая часть списка содержит 1035 единиц общеупотребительной лексики в сфере общественных отношений, вторая часть – 1422 единицы специальной лексики в области купли-продажи товаров и услуг, которые стали предметом контент-анализа.

Мы представим несколько подходов к типологии лексических единиц, учитывая парадигматический аспект: дифференциация лексики с точки зрения плана содержания (синонимия, антонимия) и с точки зрения плана выражения (омонимия), а также основные словообразовательные модели.

С точки зрения стилистики лексика делится в зависимости от сферы её употребления на общеупотребительную 通用词汇 tōngyòng cíhuì (не имеет стилистической окраски) и специальную профессиональную 专业词汇 zhuānyè cíhuì (относится к определённой сфере деятельности, стилистически окрашена)¹. В системе общеупотребительной лексики также выделяют нейтральную лексику 没有语体色彩的词汇 méiyǔ yǔtǐ sècǎi de cíhuì. Её отличие состоит в том, что для нейтральных лексических единиц можно привести стилистический сино-

ним с книжной или разговорной окраской из области специальной лексики. В рамках данной классификации лексика ККЯ в значительной степени относится к пласту специальной лексики.

Деловой китайский язык активно пополняется неологизмами и заимствованиями, отражающими современные реалии, и образует сложную динамическую систему, которая на лексическом уровне представлена следующими категориями специальной лексики:

1. термины 术语 shùyǔ: 销售 xiāoshòu сбыт, 抛售 pāoshòu распродажа, 询价 xúnjià коммерческий запрос, 报价 bàojià коммерческое предложение, 装运 zhuāngyùn отгрузка;

2. неологизмы 新词汇 xīn cíhuì: 猎头 liètóu поиск кадров, 建仓 jiàncāng открыть сделку, 头寸 tóucùn баланс;

3. заимствования 外来词 wàiláicí, преимущественно из японского языка: 商业 shāngyè коммерция, 企业 qǐyè предприятие, 国际 guójì международный, 生产 shēngchǎn производить. Из 64 заимствований, представленных в «Списке», только 8% – 5 слов пришли из английского языка, к примеру, 按揭 ànjiē (транскрипция англ. mortgage на группе диалектов юэ²) = 抵押 dīyā ипотека;

4. клише 套语 tàoyǔ: 赏光 shǎngguāng почитать присутствием, 幸会 xìng huì рад встрече, 见教 jiànjiào благодарен за Ваш совет, 笑纳 xiàonà позвольте преподнести;

5. вэньянизмы 文言词汇 wényán cíhuì, элементы классического китайского языка³: 钱行 qián xíng устраивать проводы, 久仰 jiǔyǎng рад знакомству (久仰大名 jiǔyǎng dà míng много о Вас слышал), 欣悉 xīn xī рад узнать, 顺颂 shùnsòng

¹ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М., 1976.

² Группа диалектов юэ распространена на территории современных провинций Гуанси и Гуандун. См. Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. М., 2014. С. 151.

³ Термин «вэньянь» употребляется применительно к китайскому письменному языку, воспроизводящему грамматические и лексические особенности раннеклассического (эпоха Чжаньго, V-III вв. до н.э.) и отчасти позднеклассического (эпоха Хань, 206 г. до н.э. – 220 н.э.) древнекитайских текстов. См. Завьялова О.И. Вэньянь / Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т.3: Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др. М., 2008. С.693-696.

желаю Вам (顺颂商祺 shùnsòng shāngqí удачи в бизнесе);

6. формы вежливости (ФВ) 礼貌用语 lǐmào yòngyǔ: 1) 敬辞 jìngcí служат для выражения уважения к собеседнику. Группа представлена рядом слогоморфем: 1.1) с общим значением «Ваш» по схеме ФВ + объект: 贵 guì (贵公司 guì gōngsī Ваша [уважаемая] компания), 尊 zūn (尊名? zūnmíng как Ваша [уважаемая] фамилия?), 大 dà (大函 dàhán Ваше письмо), 令 lìng используется в отношении родственников другой стороны (令亲 lìngqīn Ваши родные); 1.2) с общим значением «с уважением» по схеме ФВ + глагол: 恭 gōng (恭候 gōnghòu с почтением ожидаем), 惠 huì (惠寄 huìjì высылать), 奉 fèng (奉复 fèngfù имеем честь ответить), 光 guāng (欢迎光临 huānyíng guānglín добро пожаловать, досл. приветствуем Ваше посещение); 1.3) в официальном письме: 佳 jiā (时有佳音 shíyǒu jiāyīn ждём весточки от Вас), 台 tái (台鉴 táijiàn на Ваше рассмотрение); 2) 谦辞 qiāncí самоуничижительная лексика: 冒昧 màomèi осмелиться, 见笑 jiànxiào насмешишь. В составе этой группы следует выделить категорию названий для 1-го лица 自称 zìchēng с общим значением «мой»: 敝 bì (敝姓 bìxìng моя фамилия), 拙 zhuō (依我拙见 yī wǒ zhuōjiàn по моему [скромному] мнению), 寒 hán (寒舍 hánshè мой [скромный] дом). Лексическая сочетаемость таких морфем ограничена.

7. эвфемизмы 婉辞 wǎncí: 告便 gàobiàn просить разрешения выйти.

Наиболее многочисленную группу образуют сложносокращённые слова (缩略词 suōlüècí), доля которых достигает 13 % (185 слов) во второй части «Списка»: 市价 shìjià рыночная стоимость (сокр. от 市场价格 shìchǎng jiàgé), 免税 miǎnshuì беспошлинный (сокр. от 免缴税款 miǎnjiǎo shuikuǎn), 商务 shāngwù коммерческий (сокр. от 商业事务 shāngyè shìwù), 购销 gòuxiāo купля-продажа (сокр. от 购进销售 gòujìn xiāoshòu).

Выделим основные стилистические особенности лексики ККЯ:

1. Специальный характер лексики, её ограниченность по сфере употребления. Так, для описания сделки 交易 jiāoyì в разговорном стиле употребляются слова 卖 mài продавать, 买 mǎi покупать, 给 gěi давать; в официально-деловом

стиле это следующие лексические единицы: 买入 mǎirù закупать, 卖出 màichū продавать, 买方 mǎifāng покупатель (сторона сделки), 卖方 màifāng продавец (сторона сделки), 零售 língshòu розница, 销售 xiāoshòu сбыт, 营销 yíngxiāo маркетинг, 售货 shòuhuò реализовывать продукцию, 购买 gòumǎi покупать, что определяет стандартизированность деловой речи⁴.

2. Лексическая система ККЯ носит динамический характер. Эволюция лексики коммерческого китайского языка происходит по мере развития предпринимательской деятельности в области производства, коммерции и финансов, появляются соответствующие неологизмы – новые слова, впервые образованные для наименования новых предметов или явлений, а также уже имеющиеся в языке лексические единицы, получившие новый смысл, если их новизна ощущается носителями [3, с. 57-58]. Именно эти две категории слов представлены в словарях неологизмов, ежегодно издающихся в Китае, а также в списках слов интернет-проекта 汉语盘点 hànyǔ pándiǎn [10]. Анализ данных источников показал, что большая часть неологизмов ККЯ относится к сфере деятельности фондовых рынков как динамично развивающейся отрасли: 场外配资 chǎngwài pèizī внефондовое инвестирование, 上市 shàngshì первичное размещение акций, 牛市 niúshì «бычий» рынок (характеризуется тенденцией роста цен), 熊市 xióngshì «медвежий» рынок (характеризуется тенденцией падения цен).

3. В деловой речи встречается значительное количество элементов вэньяня, относящихся к книжному макростилю. Особенность этих лексических единиц заключается в том, что у таких выражений существует эквивалент, относящийся к разговорному стилю.

4. Употребление однозначных терминов. Так, при переводе терминов из области международной торговли с китайского языка на русский язык можно найти однозначный эквивалент: 拍卖 pāimài аукцион, 抛售 pāoshòu распродажа, 抵押 dīyā залог, 销售 xiāoshòu сбыт. Особенность употребления терминов в деловом китайском языке заключается в том, что односложные слова разговорного стиля могут образовывать двусложные слова, относящиеся к книжному макростилю. К примеру, 走 zǒu употребляется в

⁴ Под стандартизованностью речи понимается специализация языковых средств в соответствии со стилями речи. Стандартом в данном случае выступает такое использование автоматически воспроизводимых языковых средств, которое связано с достижением определённого положительного стилистического эффекта. См. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2006.

Категория лексики	Деловой стиль	Разговорный стиль	Пример
套语 tàoyǔ клише	恕 shù просить прощения	原谅 yuánliàng	恕不送 shù bù yuǎn sòng извините, что дальше не провожаю
	借光 jièguāng разрешите пройти	让我过去 ràng wǒ guòqù	请借光让让路 qǐng jièguāng ràngràng lù разрешите пройти
文言词汇 wényán cíhuì вэньянизмы	接风 jiēfēng устраивать обед в честь прибывшего	宴请 yànqǐng	给你接风 Gěi nǐ jiēfēng Приглашаю тебя на приветственный обед
敬辞 jìngcí формы вежливости	拜访 bàifǎng нанести визит	访问 fǎngwèn	拜访亲友 bàifǎng qīnyǒu навестить родных и друзей
	诸位 zhūwèi господа! (обращение)	各位 gèwèi	诸位有什么意见, 欢迎提出 Zhūwèi yǒu shénme yìjiàn, huānyíng tíchū Пожалуйста, выскажите свое мнение
谦词 qiāncí самоуничижительная лексика	哪里 nǎlǐ Вы преувеличиваете (в ответ на похвалу)	Ситуативная замена: 谢谢 xièxie, 过奖了 guòjiǎng le	- 唱得很好! chàng dé hěn hǎo Хорошо пели! - 哪里, 哪里! Nǎlǐ Что Вы!

разговорном стиле в значении «идти», 行 xíng – в книжном макростиле в том же значении. Однако, именно морфема 走 zǒu образует такие слова делового стиля, как 走俏 zǒuqiào пользоваться спросом, 走强 zǒuqiáng рост цен, 走货 zǒuhuò отправлять товар, 走账 zǒuzhàng провести через бухгалтерию. Более того, термины, изначально употреблявшиеся исключительно в сфере делового взаимодействия, со временем приобретают коннотацию, связанную со сферой повседневного общения: 报销 bàoxiāo возврат расходов (向财务科报销 xiàng cáiwùkē bàoxiāo подавать в финансовый отдел заявление о возврате денежных средств) – исчезать, растворяться (敌人马上报销了 dírén mǎshàng bàoxiāo le войско врага рассеялось); 买单 mǎidān оплачивать счёт – перен. расплачиваться (你必须为你的过错买单 nǐ bìxū wèi nǐ de guòcuò mǎidān ты должен расплачиваться за свои ошибки); 打折扣 dǎ zhékòu делать скидку – уклоняться (你要说到做到, 不能打折扣 nǐ yào shuōdào zuòdào, bù néng dǎ zhékòu ты должен держать слово, не уклоняясь от своих обещаний).

5. Лексика ККЯ представлена существительными, обозначающими понятия (股票 gǔpiào акции, 基金 jījīn фонд, 期货 qīhuò фьючерс, 库房 kùfáng склад, 广告 guǎnggào реклама) и глаголами, описывающими процесс сделки (买进 mǎijìn закупать, 卖出 màichū продавать, 抛售 pāoshòu распродавать, 投入 tóurù инвестировать, 贷款 dàikuǎn кредитовать), описательных прилагательных немного (畅销 chāngxiāo ходовой (о товаре), 公平竞争 gōngpíng jìngzhēng справедливая конкуренция, 特约商店 tèyuē shāngdiàn специальный магазин).

6. Имеется много антонимических пар, которые именуют стороны сделки и процесса купли-продажи: 买方 mǎifāng покупатель – 卖方 màifāng продавец, 买入 mǎirù закупать – 卖出 màichū продавать, 购货 gòuhuò покупать товар – 售货 shòuhuò продавать товар, 亏 kuī убыток – 盈 yíng прибыль, 赚 zhuàn продавать с прибылью – 赔 péi нести убытки, 跌 diē падать (о ценах) – 涨 zhǎng расти (о ценах), 进口 jìnkǒu импортировать – 出口 chūkǒu экспортировать, 竞买 jìngmǎi покупать на аукционе – 竞卖 jìngmài продавать с аукциона, 雇员 gùyuán наёмный работник – 雇主 gùzhǔ работодатель, 加价 jiājià повышать цену – 减价 jiǎnjià сбавлять цену, 顺差 shùncā активный торговый баланс – 逆差 nìchā пассивный торговый баланс, 上市 shàngshì котироваться на бирже – 退市 tuìshì исключить акции из котировального списка.

7. Междисциплинарный характер лексики. Лексика ККЯ в большей степени связана с разговорной лексикой, нежели лексика в сфере науки и техники, медицины. ККЯ обслуживает деловые взаимоотношения партнёров и представляет собой язык для специальных целей, тесно связанный с разговорным китайским языком. Такая лексика, как 保修 bǎoxiū сервисное обслуживание, 报销 bàoxiāo возврат расходов, 查询 cháxún спрашивать, 昂贵 ángguì дорогостоящий, 半价 bànjià скидка 50%, 超重 chāozhòng перевес, 筹备 chóubèi подготавливать, 分期 fēnqī рассрочка, 公证 gōngzhèng заверять нотариально, 寄存 jìcún отдавать на хранение – депонировать, 折扣 zhékòu скидка – учёт векселя, 传真 chuánzhēn факс, 费用 fèiyòng издержки, 接待 jiēdài принимать (гостей) – принимать (посе-

тителей в учреждении), 捐助 *juānzhù* помогать материально – делать пожертвования, 买单 *mǎidān* оплачивать счёт, 扭转 *niǔzhuǎn* поворачивать – менять (ситуацию), 品牌 *pǐnpái* бренд, 签约 *qiānyuē* подписывать договор, 清查 *qīngchá* учёт – инвентаризация изначально появилась в языке для общих целей⁵.

Из 1422 слов второй части «Списка» только 5 слов состоят из одного слога (单纯词 *dānchúncí*): 亏 *kuī* нести убытки, 陪 *péi* компенсировать, 赊 *shē* брать в кредит, 税 *shuì* налог, 债 *zhài* долг; далее мы будем рассматривать словообразование многосложных слов (复合词 *fùhécí*).

Основные словообразовательные модели рассматриваются в работах отечественных (А.А. Хаматова [4], И.Д. Кленин, В.Ф. Щичко [2]) и китайских исследователей (Жэнь Сюэлян [7], Сунь Чансюй [8]): словосложение, аффиксация и полуаффиксация, фонетическое и семантическое словообразование, конверсия, морфемная контракция.

Наиболее продуктивными способами словообразования в ККЯ являются следующие:

Словосложение – соединение слов или основ слов. 1200 сложных слов второй части «Списка» ($\approx 85,79\%$) образованы по следующим моделям⁶:

Подчинительная (атрибутивная) модель (偏正式 *piānzhèngshì*): один компонент определяет другой – 749 слов ($\approx 52,67\%$): 电汇 *diànhuì* электронный денежный перевод, 广告 *guǎnggào* объявление (广 широко + 告 объявлять).

Сочинительная (копулятивная) модель (联合式 *liánhéshì*): компоненты находятся в равноправных отношениях – 182 слова ($\approx 12,8\%$): 生产 *shēngchǎn* производить, 资金 *zījīn* средства.

Глагольно-объектная модель (动宾式 *dòngbīnshì*): предикативная основа + объект – 216 слов ($\approx 15,19\%$): 交货 *jiāohuò* поставлять товар (交 передавать + 货 товар), 破产 *pòchǎn* обанкротиться (破 тратить + 产 состояние).

Дополнительная модель (补充式 *bǔchōngshì*): предикативная основа + дополнительный член результата (结果补语 *jiéguǒ bǔyǔ*) или направления (趋向补语 *qūxiàng bǔyǔ*) – 39 слов ($\approx 2,74\%$): 卖出 *màichū* продавать.

Субъектно-предикативная модель (主谓式 *zhǔwèishì*): предметная основа вступает с глагольной или качественной основой в субъектно-предикативные отношения – 14 слов ($\approx 0,98\%$): 国有 *guóyǒu* государственный (国 государство + 有 иметь).

Сложнокорращённые слова «Списка» образованы по принципу морфемной контракции – выпадения из многосложного слова значимых компонентов [2, с. 129] путём сжатия по принципу соединения начальных морфем (购销 *gòuxiāo* купля-продажа *сокр.* от 购买 и 销售 *gòumǎi hé xiāoshòu*) или соединения начальной морфемы первого слова с начальной и конечной морфемами второго слова (贸促会 *màocùhuì* Китайский комитет содействия развитию международной торговли *сокр.* от 中国国际贸易促进会 *zhōngguó guójì màoùyì cùjìnhuì*), а также опущения (差价 *chājià* ножницы цен *сокр.* от 商品差价 *shìchǎng chājià*)⁷.

Аффиксация и полуаффиксация – образование новых слов путём сложения существующих в языке основ и аффиксов/полуаффиксов. 37 слов «Списка» ($\approx 2,6\%$) образованы с помощью следующих наиболее частотных полуаффиксов: 率 *lǜ* (生产率 *shēngchǎnlǜ* производительность), 量 *liàng* (产量 *chǎnliàng* объём продукции), 家 *jiā* (厂家 *chǎngjiā* завод).

В качестве общей тенденции отметим наличие слогоморфем, способных образовать семантический ряд двусложных слов. Так, морфема 商 *shāng* образует следующие слова: 1) сема «торговля»: 商务 *shāngwù* коммерция, 商业 *shāngyè* торговля, 商品 *shāngpǐn* товар, 商场 *shāngchǎng* универсам, 商店 *shāngdiàn* магазин, 商厦 *shāngshà* торговый центр, 商标 *shāngbiāo* торговая марка, 商行 *shāngháng* торговый дом, 商号 *shānghào* торговое предприятие, 商户 *shānghù* предприниматель, 商会 *shānghuì* торговая палата, 商机 *shāngjī* возможности для бизнеса, 商家 *shāngjiā* бизнесмен, 商检 *shāngjiǎn* товарная экспертиза, 商界 *shāngjiè* бизнес-круги, 商铺 *shāngpù* торговая лавка, 商情 *shāngqíng* конъюнктура рынка, 商社 *shāngshè* коммерческое предприятие, 商用 *shāngyòng* в коммерческих целях, 商战 *shāngzhàn* торговая война; 2) сема «обсуждать»: 商洽 *shāngqià* договариваться, 商量 *shāngliang* сове-

⁵ Понятие «язык для общих целей» (LGP) находится в тесной связи с понятием «язык для специальных целей» (LSP), в который включается деловой язык. См. Strevens P. Special purpose language learning: A perspective // Language Teaching and Linguistics Abstracts. 1977. № 10. P. 145-163.

⁶ Словообразовательные модели выделены на основании классификации, предложенной китайским исследователем Гэ Бэньи в работе Сяньдай ханьюй цыхуэйсюэ (Лексикология современного китайского языка). Цзинань, 2002.

⁷ Разновидности морфемной контракции перечислены в справочнике Ли Сицзун, Сунь Ляньфэнь. Справочник сокращений. Шанхай, 1986.

товаться, 商谈 shāngtán вести переговоры, 协商 xiéshāng консультироваться; 3) сема «торговец»: 客商 kèshāng иностранный предприниматель, 服务商 fúwù shāng поставщик услуг, 经销商 jīngxiāoshāng дилер, дистрибьютор.

Приведём данные по наиболее частотным словообразовательным элементам «Списка» (учитываются атрибутивная и глагольно-объектная модели как наиболее распространённые).

Слогоморфема	Частота словоупотреблений	Частотность	Слогоморфема	Частота словоупотреблений	Частотность
业 yè	28	1,96	投 tóu	5	0,35
产 chǎn	27	1,89	提 tí	5	0,35
销 xiāo	25	1,75	收 shōu	5	0,35
税 shuì	24	1,68	招 zhāo	4	0,28
市 shì	19	1,33	增 zēng	4	0,28
资 zī	18	1,26	开 kāi	4	0,28
货 huò	16	1,12	还 huán	4	0,28
账 zhàng	15	1,05	转 zhuǎn	3	0,21
债 zhài	13	0,91	折 zhé	3	0,21
券 quàn	12	0,84	退 tuì	3	0,21
利 lì	11	0,77	升 shēng	3	0,21
值 zhí	10	0,70	上 shàng	3	0,21
费 fèi	10	0,70	入 rù	3	0,21
务 wù	9	0,63	清 qīng	3	0,21
权 quán	9	0,63	付 fù	3	0,21
贷 dài	8	0,56	创 chuàng	3	0,21
单 dān	8	0,56	出 chū	3	0,21
息 xī	7	0,49	征 zhēng	2	0,14
售 shòu	7	0,49	违 wéi	2	0,14
报 bào	6	0,42			

Слогоморфемы могут относиться к разряду общеупотребительных, но приобретать значение, ограниченное по сфере употребления. Морфема 盘 pán (основное значение «тарелка, диск») образует следующие сочетания: 开盘 kāipán открыть торги, 收盘 shōupán заканчивать торги, 询盘 xúnpan запрос, 报盘 bàopán коммерческое предложение, 买盘 mǎipán индекс цен для желающих приобрести акции, 卖盘 màipán индекс цен для желающих продать акции, 崩盘 bēngpán обвал фондового рынка, 抛盘 pāopán продавать акции по сниженной цене; 盘 pán в вышеуказанных сочетаниях приобретает значение «котировка», но встречается также в сочетаниях, выпадающих из семантического ряда: 楼盘 lóupán строящееся торговое здание, 盘点 pándiǎn = 盘货 pánhuò учёт товаров, 盘活 pánhuó задействовать, активизировать (применительно к имуществу, капиталу).

Китайский язык отличается высокой степенью омонимичности как односложных, так и

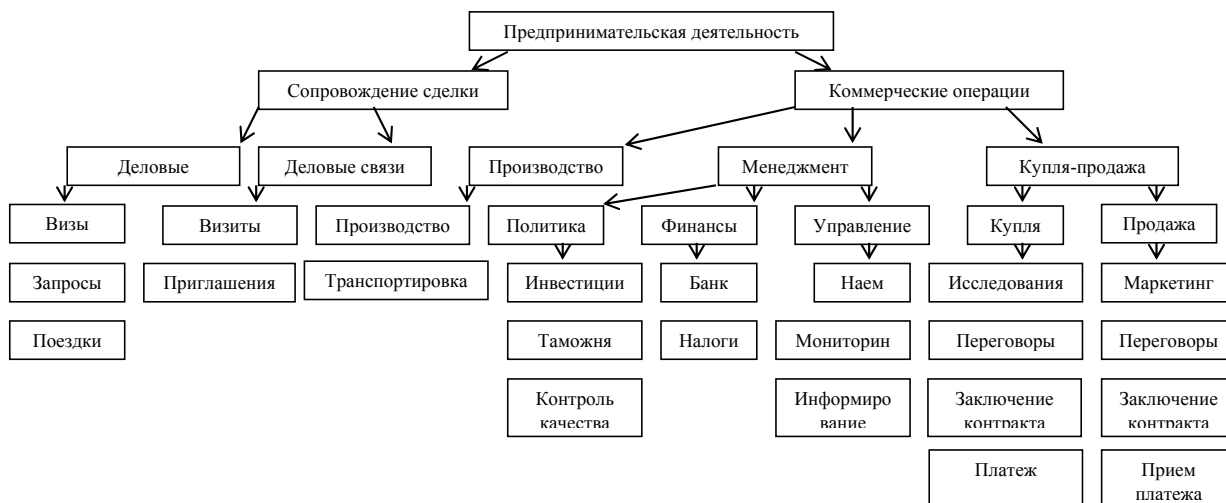
двусложных слов, что связано с ограниченным числом китайских слогов и их повторяемостью⁸. Лексика делового китайского языка не является исключением в плане наличия омонимов. Следует обратить внимание на следующие омонимичные синонимы: глагол «составлять» 制定 zhìdìng (глагол присоединяет объект сравнительно большого масштаба, 制定法律 zhìdìng fǎlǜ составлять законопроект) – 制订 zhìdìng (составлять конкретный текст, 制订合同 zhìdìng héttong составлять текст договора); модальный глагол «необходимо» 需要 xūyào (присутствует сема «не хватать», «требоваться») – 须要 xūyào (сема «обязательно нужно»); омофоны 权力 quánlì (власть) – 权利 quánlì (права). Возможна ошибочная замена иероглифа во фразеологических оборотах чэньюй: 厉行节约 вместо 厉行节约 lìxíng jiéyue жёсткая экономия, 投机捣把 вместо 投机倒把 tóujī dǎobǎ спекулировать, 恰如其份 вместо 恰如其分 qià rú qí fèn своевременный, сбалансированный [12, с. 188].

⁸ Анализ данных словарей китайского языка доказывает большую степень его омонимичности по сравнению с английским языком. См. Хаматова А.А. Омонимия в современном китайском языке. М., 2006.

Что касается формального представления предметных областей, языковая семантика допускает различные способы такой формализации. Та или иная предметная область может быть представлена в виде семантической сети, таблицы или фрейма. Так, китайский исследователь У Хайянь анализирует лексику ККЯ с позиций фреймовой семантики [9]. Под фреймом мы подразумеваем когнитивную структуру, знание которой ассоциировано с концептами, представленными словами, а также определённым способом синтаксического выражения [5, с. 75]. Дополняя данный подход, мы исходим из принципа, сформулированного представителями Московской семантической школы о том, что семантические свойства лексики проявляются в её сочетаемости как «языковом поведении» [1]. Фреймовый подход позволяет структурировать и описать семантические поля лексических единиц, использующихся в процессе делового взаимодействия.

Лексика делового китайского языка может быть классифицирована в соответствии с её

применением в различных областях предпринимательской деятельности, которая не ограничивается сферой торговли, а включает управление человеческими ресурсами, медиапланирование, управление предприятием, маркетинг, сопровождение сделки и пр.⁹ Представим семантическое поле «предпринимательская деятельность» в виде фреймовой системы, где элементы следующего уровня (деловые поездки, деловые связи, производство, менеджмент, купля-продажа) образуют макрофреймы, которые распадаются на 7 фреймов (визы, запросы, поездки, визиты, приглашения, производство, транспортировка) и 14 микрофреймов без учёта дублирования. Каждый из слотов фреймовой системы задаётся семантическими ролями: агенс – субъект действия, пациенс – объект, претерпевающий изменения в ходе события, результат – создаваемый объект и пр. [5, с. 81-84]; семантические роли определяются, прежде всего, синтаксическими ролями.

В качестве примера рассмотрим микрофрейм «переговоры». Синтаксическая валентность улавливается на основе синтаксических связей

компонентов в структуре предложения. Для фрейма переговоры выделяются следующие семантические роли: субъект, объект, способ, результат.

Определение 定义 dīngyì	Процесс коммуникации между сторонами-субъектами экономической деятельности в целях достижения экономической выгоды и удовлетворения интересов сторон путём консультаций, соглашения, сотрудничества, манипуляций. 经济实体各方为了自身的经济利益和满足对方的需要, 通过沟通、协商、妥协、合作、策略等各种方式, 把可能的商机确定下来的活动过程。 Jīngjì shí tǐ gè fāng wéi le zìshēn de jīngjì lìyì hé mǎnzú duìfāng de xūyào, tōngguò gōutōng, xiéshāng, tuōxié, hézuò, cèlüè děng gè zhǒng fāngshì, bǎ kěnéng de shāngjī quèdìng xiàláide huódòng guòchéng	
Ключевые элементы 核心元素 héxīn yuánsù	Субъект 行为方 xíngwéifāng	Субъект экономической деятельности 经济实体 jīngjì shí tǐ
	Объект 对象 duìxiàng	Экономическая выгода 经济利益 jīngjì lìyì

⁹ Коммерческая деятельность представляет собой часть предпринимательской деятельности на товарном рынке и не охватывает процесс изготовления товара или оказания услуги. См. Третьяк С.Н. Коммерческая деятельность. Часть I. Основы теории и организации: Учеб. пособие / Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 1999.

Неключевые элементы 非核心元素 fēi héxīn yuánsù	Способ 方式 fāngshì	Проект 方案 fāng'àn, соглашение 协议 xiéyì
	Результат 结果 jiéguǒ	Взаимная выгода 双赢 shuāngyíng, решение 决策 juécè, новые возможности 商机 shāngjī
Связанные лексемы 词元 cíyuán	Общение 沟通 gōutōng, консультации 协商 xiéshāng, компромисс 妥协 tuǒxié, сотрудничество 合作 hézuò, закупки 收购 shōugòu, запрос 询盘 xúnpán, уступки 让步 ràngbù, обещания 承诺 chéngnuò, заключение сделки 成交 chéngjiāo, поставка товара 交货 jiāohuò, страхование 保险 bǎoxiǎn, арбитраж 仲裁 zhòngcái, требование компенсации 索赔 suǒpéi	

Представление лексических единиц в виде фреймовой структуры позволяет систематизировать знания о типичных коммуникативных ситуациях в сфере делового общения и спрогнозировать определённые сценарии развития подобных ситуаций.

На сегодняшний день сохраняется потребность в создании открытого корпуса деловых текстов на китайском языке в силу необходимости выявления процентного соотношения общеупотребительной и специальной лексики делового китайского языка. Фреймовый подход к анализу лексических единиц может служить вспомогательным средством для достижения максимальной эффективности коммуникации, так как слоты фреймовой системы напрямую соотносятся с лексическим минимумом, используемым в моделируемой коммуникативной ситуации.

Таким образом, лексика делового китайского языка в значительной степени представлена функционально-стилистическими синонимами с частично совпадающими компонентами¹⁰. Вы-

бор лексических единиц синонимических рядов связан со статусами адресанта и адресата¹¹. Коммуникативное задание в ситуации нижестоящий-вышестоящему – подчеркнуть уважительное отношение к последнему: 妥否, 请批示 tuǒfǒu, qǐng pīshì *если приемлемо, прошу утвердить*. В обратной ситуации категоричность высказывания выражается формулами 此令 cǐlìng *настоящим предписывается*, 此复 cǐfù *о чём сообщая в ответ*, 希认真贯彻执行 xī rènzhēn guànrèn zhíxíng *рассчитываю на надлежащее выполнение*. При равноправии статусов коммуникантов используются формы выражения нейтральной вежливости: 盼函复 pàn hánfù *надеюсь получить ответ*, 为荷 wéi hè *досл. не сочтите за труд*, 为盼 ... wéi pàn *на что и надеюсь*. Нарушение стилистических норм проявляется в виде немотивированного смешения книжной и разговорной лексики, что приводит к возникновению проблем в процессе деловой коммуникации. Поэтому выбор лексических средств должен осуществляться с учётом статуса партнёров по коммуникации.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: том I. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд. М., 1995.
2. Кленин И.Д., Щичко В.Ф. Лексикология китайского языка. М., 2013.
3. Лавренюк Е.В. Неологизмы в современном китайском языке // Научный диалог. 2016. – № 7 (55). С. 56-67.
4. Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка. М., 2003.
5. Fillmore Ch.J., Atkins B.T. Toward a frame-based lexicon: the semantics of RISK and its neighbors // Frames, Fields and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization. Hillsdale, 1992. P. 75-102.
6. CCL юйляоку цзяньсо ситун (Лингвистический корпус Пекинского университета CCL) [Электронный ресурс] // Бэйцзин дасюэ чжунго юйянь яньцзю чжунсинь (Центр лингвистических исследований Пекинского университета). URL: <http://ccl.pku.edu.cn/corpus.asp> (дата обращения: 05.08.2019).
7. Жэнь Сюэлян. Ханьюй цзаоцзыфа (Словообразование китайского языка). Пекин, 1981.
8. Сунь Чансюй. Ханьюй цыхуэй (Лексика китайского языка). Чанчунь, 1956.
9. У Хайянь. Шаньгу ханьюй цыхуэй яньцзю (Исследование лексики коммерческого китайского языка). Пекин, 2014.

¹⁰ Согласно точке зрения В.И. Горелова, лексические синонимы КЯ подразделяются на оттеночно-смысловые, экспрессивно-стилистические и функционально-стилистические. См. Горелов В.И. Лексикология китайского языка. М., 1984.

¹¹ Китайская деловая корреспонденция в зависимости от статусов адресанта и адресата делится на жанры 下行 xiàxíng (вышестоящий адресует письмо нижестоящему), 平行 píngxíng (статусы адресанта и адресата равны), 上行 shàngxíng (нижестоящий адресует письмо вышестоящему). См. Дэн Кэминь. Инъюн сецзо цзифа чжияо (Основные сведения о практике деловой переписки). Кайфэн, 1993.

10. Ханьюй паньдянь: 2018 нянь ши да ванло юнъюй фабу (10 интернет-неологизмов 2018 года) // Министерство образования КНР. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201812/t20181219_364094.html (дата обращения: 05.08.2019).
11. Шанъу ханьюй чанъюнцзи бяо (Список общеупотребительных слов коммерческого китайского языка) // Шанъу ханьюй каоши даган (Программа экзамена по деловому китайскому языку ВСТ). Пекин, 2006.
12. Юэ Хайсян. Гунвэнь сецзо жумэнь (Введение в составление официальных документов). Пекин, 2010.
13. Ян Дэфэн. Ханьюй юй вэньхуа цзяоци (Связь китайского языка и культуры). Пекин, 2012.

Сведения об авторе:

Ульянова Ксения Анатольевна – соискатель кафедры китайской филологии ИСАА МГУ (Россия, Москва), старший преподаватель. Сфера научных и профессиональных интересов: стилистика китайского языка, деловой китайский язык. E-mail: liulang689@gmail.com.

THE LEXIS OF BUSINESS CHINESE LANGUAGE: SEMANTIC DESCRIPTION

Ksenia A. Ulyanova

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University,
11, Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia

Abstract: *Business Chinese is a tool for trade and economic cooperation between Russia and China. During such interaction the lexical choice problem depending on the circumstances of a specific communication situation comes to the fore. This article deals with the business Chinese special words as a part of the lexical system of business Chinese. The author attempts to integrate Russian and Chinese researchers' approaches to the classification of business vocabulary. The main kinds of word formation are described for words from the second part of the "List of the common business Chinese words". 1422 words from the second part of the "List" became the subject of content analysis in order to determine the frequency of usage and relative frequency for word-formation elements. The author provides some ways of synonymic and antonymic rows formation, illustrates the specificity of polysemy and homonymy in business Chinese. The stylistic features of such special words as terms, neologisms, loan words, clichés, elements of Classical Chinese (wenyan), formulas of politeness, euphemisms are analyzed. This paper reflects the main trends in the development of business Chinese lexical system: the evolution of the words' content plane in terms of words transition from the sphere of business communication to the wide usage and vice versa. The subject field of "entrepreneurial activity" is presented in the form of a frame system that makes it possible to model the sequence of word usage in business communication. The lexical choice in business Chinese is made by native speakers considering stylistic differentiation of words according to the status of the addresser and the addressee.*

Key Words: *business Chinese lexis, special words, official macrostyle, business style, lexical and stylistic means, word formation, frame*

References

1. Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy: tom I. Leksicheskaia semantika (sinonimicheskie sredstva iazyka) [Selected works: vol. I. Lexical semantics (synonymic means of language)]. 2nd edition. M., 1995.
2. Klenin I.D., Shchichko V.F. Leksikologiya kitaiskogo iazyka [Lexicology of the Chinese language]. M., 2013.
3. Lavrenyuk E.V. Neologizmy v sovremennom kitaiskom iazyke [Neologisms in modern Chinese language] // Nauchny dialog [Scientific Dialogue]. – 2016. № 7 (55). P. 56-67.
4. Khamatova A.A. Slovoobrazovanie sovremennogo kitaiskogo iazyka [Word formation in modern Chinese language]. M., 2003.
5. Fillmore Ch.J., Atkins B.T. Toward a frame-based lexicon: the semantics of RISK and its neighbors // Frames, Fields and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization. Hillsdale, 1992. P. 75-102.

6. CCL yuliaoku jiansuo xitong [Peking University CCL online corpus] // Beijing daxue zhongguo yuyan yanjiu zhongxin [Center for Chinese Linguistics of Peking University]. URL: <http://ccl.pku.edu.cn/corpus.asp> (date of access: 5 August 2019).
7. Ren Xueliang. Hanyu zaozifa (Slovoobrazovanie kitaiskogo iazyka) [Word formation in Chinese language]. Beijing, 1981.
8. Sun Changxu. Hanyu cihui (Leksika kitaiskogo yazyka) [Chinese language lexis]. Changchun, 1956.
9. U Haiyan. Shangwu hanyu cihui yanjiu (Issledovanie leksiki kommercheskogo kitaiskogo yazyka) [Research on business Chinese lexis]. Beijing, 2014.
10. Hanyu pandian: 2018 nian shi da wangluo yongyu fabu (10 internet-neologizmov 2018 goda) [10 newly created internet words] // Ministerstvo obrazovaniia KNR [Ministry of education of PRC]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201812/t20181219_364094.html (date of access: 5 August 2019).
11. Shangwu hanyu changyongci biao (Spisok obshcheupotrebitel'nykh slov kommercheskogo kitaiskogo yazyka) [List of the common business Chinese words] // Shangwu hanyu kaoshi dagang (Programma ekzamina po delovomu kitaiskomu yazyku BCT) [The BCT outlines]. Beijing, 2006.
12. Yue Haixiang. Gongwen xiezuo rumen (Vvedenie v sostavlenie ofitsial'nykh dokumentov) [Introduction to official documents preparation]. Beijing, 2010.
13. Yan Defeng. Hanyu yu wenhua jiaoji (Svyaz' kitaiskogo yazyka i kul'tury) [Chinese language and culture]. Beijing, 2012.

About the author:

Ksenia A. Ulyanova – postgraduate student of the Department of Chinese Philology, senior lecturer, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: stylistics of Chinese language, business Chinese language. E-mail: liulang689@gmail.com.

* * *

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ПРИЁМЫ ДЕЗИНФОРМАЦИИ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ АНТИРОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ЗАГОЛОВКАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ОСВЕЩЕНИЯ «ДЕЛА СКРИПАЛЕЙ» В ПЕРИОД С МАРТА ПО ОКТЯБРЬ 2018 ГОДА)

Т.А. Фомина, Е.Д. Буцык

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья посвящена описанию лингвопрагматических аспектов моделирования дискурса антироссийской пропаганды в заголовочных конструкциях массмедийных текстов. В исследовании рассматривается освещение «дела Скрипалей» и его языковая репрезентация в англоязычных новостных источниках, таких как «Гардиан» (The Guardian), Би-би-си (BBC), Си-эн-эн (CNN), «Политико» (Politico), «Миррор» (The Mirror), «Дэйли Мэйл» (The Daily Mail), «Нью Зиленд Геральд» (The New Zealand Herald), «Геральд» (The Herald). Выявлено, что одним из эффективных и широко применяемых в СМИ методов манипулятивного воздействия является дезинформирование читателя, сопровождающееся несоответствием между содержанием новостной публикации и заголовком к ней. В статье приведена классификация используемых приёмов с точки зрения способа их языковой реализации и степени дезинформирования читателя: полное информационное замещение, частичное информационное замещение, манипулирование фактами, избирательное цитирование, приём ложной логической увязки, выделение коммуникативно значимых элементов за счёт актуального членения предложения. В результате применения подобного спектра манипулятивных приёмов англоязычные издания формируют желаемое отношение мирового сообщества к рассматриваемому событию, актуализируя негативный образ России и российского лидера в контексте их возможной причастности к «делу Скрипалей».

Ключевые слова: «дело Скрипалей», англоязычные СМИ, заголовок, дезинформация, манипулятивное воздействие, пропаганда, полное информационное замещение, частичное информационное замещение

Изучение проблемы манипулирования сознанием людей в массмедийном пространстве становится всё более актуальным, учитывая современные политические реалии и уровень напряжённости международных отношений. Ещё в середине прошлого века

возник термин «психологическая война», подразумевающий «комплекс пропагандистских мероприятий» [9, с. 280], реализуемых в СМИ, и стало очевидным смещение информативного функционала массмедийного текста в сторону манипулятивного. Как справедливо отмечает

М.В. Ларионова, в информационном пространстве «коммуникация не только отражает политическую реальность, но и участвует в её создании, преобразовании, изменяясь вместе с ней» [10, с. 81]. По мнению многих других исследователей массмедийного дискурса, авторская интерпретация, комментарий и оценка окружающей действительности в СМИ способствуют «созданию определённого идеологического фона» или «системы идеологического воздействия» [4; 5]. С этой целью могут использоваться, среди прочего, и вербальные средства, которые «корректируют» имеющийся у получателя сообщения фрейм того или иного события сообразно прагматическим намерениям редакции. Моделирование событий при помощи лингвистических средств, как правило, не воспринимается читателем как явная манипуляция [6; 7; 8] и, на наш взгляд, наиболее продуктивно реализуется в заголовочных конструкциях новостных текстов.

Эффективность воздействия на массового адресата непосредственно через заголовки новостных статей обусловлена следующими факторами: во-первых, воздействие на уровне заголовка является концентрированным и комплексным; во-вторых, в масштабах современного массмедийного пространства заголовки служат для читателя неким ориентиром при поиске и отборе предпочтительных источников информации и релевантного материала; в-третьих, как отмечают многие исследователи современного политического дискурса, возрастает тенденция к получению информации из СМИ с помощью просмотрового чтения, только из заголовков (как известно, в стилистике декодирования начало текста считается одной из его «сильных» позиций). Таким образом, заголовки часто трактуются в современной лингвистике не только как знак, репрезентирующий текст, но и как «особый смысловой центр, задействованный в трансляции» ценностей [3, с. 155].

Большинством исследователей выделяются в первую очередь такие базовые функции газетного заголовка как номинативно-информативная (сообщение о факте) и рекламно-экспрессивная (или воздействующая). По мнению А.А. Сафонова, «газетные заголовки, в том числе именно такого характера, могут трактоваться как полные высказывания, а не просто назывные группы» [13, с. 205]. Следовательно, представления адресата о происходящих событиях в мире, отношении к тем или иным явлениям во многом обусловлены авторскими образами и интерпретациями,

транслируемыми в заголовках к публикациям в СМИ. Стремясь создать наиболее эффективные заголовки, привлекающие внимание читателя, СМИ зачастую прибегают к «передёргиванию», то есть искажению фактов. В работах многих современных исследователей в области лингвистики и журналистики дезинформация, или обман, приводится как один из методов пропаганды и неотъемлемых характеристик СМИ (С.Г. Кара-Мурза, Ю.В. Щербатых, Г.В. Вирен и др.). Согласно Г.В. Вирену, в практике современных СМИ можно выделить следующие приёмы информационной войны: полная дезинформация, сокрытие существенной информации, преувеличение или преуменьшение с целью дезинформации, смещение понятий и т. д. [2, с. 16-80].

Помимо фабрикации фактов (прямой лжи), как справедливо полагает С.Г. Кара-Мурза, более тонко и дозированно можно манипулировать общественным мнением и реализовывать пропагандистские цели с помощью «технологии изменения смысла слов», заключающейся, к примеру, в «конструировании» газетного заголовка из обрывков высказывания, когда сама по себе цитата не является ложью, но приобретает иную трактовку, если вырвана из контекста [9, с. 284]. (О современных представлениях о семантике слова на уровне языка и речи с учётом работы сознания носителя языка см. напр. [11; 12].) Таким образом, манипулятивное воздействие в текстах СМИ может сопровождаться несоответствием между содержанием заголовочной конструкции и содержанием непосредственно самой новостной публикации с целью дезинформирования читательской аудитории. Ниже будут рассмотрены языковые способы реализации такого манипулятивного воздействия, направленного на создание антироссийской пропаганды, на материале новостных статей, освещающих «дело Скрипалей», и предложена классификация используемых приёмов.

Большинство манипулятивных приёмов, выявленных на уровне рассмотренных заголовочных конструкций и непосредственно текстов статей, основаны на **модели референции**. Вслед за Н.Д. Арутюновой, под референцией мы понимаем «отнесённость актуализированных (включённых в речь) имён, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» [1, с. 411]. Остановимся более подробно на приёмах, относящихся к содержательному компоненту текста:

1. Полное информационное замещение или информационная подмена, то есть абсолютное несоответствие содержания заголовочной конструкции содержанию новостной публикации. Сравним:

RUSSIA'S LAVROV: UK AT FAULT IN SKRIPAL CASE

Russian Foreign Minister Sergei Lavrov accused Britain of destroying evidence from the Skripal poisoning case, claiming the actions of the British government and authorities suggest "consistent physical extermination of the evidence" [19].

Очевидно, что содержание заголовочной конструкции подразумевает предъявление обвинений Великобритании в отравлении Скрипалей со стороны России. Однако непосредственно в тексте статьи Сергей Лавров указывает лишь на уничтожение Великобританией улик по этому делу, не выдвигая прямых обвинений в сторону Соединённого Королевства. Манипулятивный приём информационного замещения в данном случае реализуется посредством лексического приёма информационного противоборства – использования негативно окрашенной лексики (... *UK AT FAULT*) в заголовочной конструкции с целью дезинформирования читателя и создания негативного образа министра иностранных дел России, который, в соответствии с содержанием заголовка, безосновательно обвиняет Великобританию в причастности к «делу Скрипалей».

2. Частичное информационное замещение может быть реализовано следующим образом:

1) употребление лексики с негативной коннотацией в заголовочной конструкции противопоставлено использованию категории субъективной модальности в тексте статьи:

BRITISH PRIME MINISTER THERESA MAY BLAMES RUSSIA FOR EX-SPY SERGEI SKRIPAL'S POISONING

British Prime Minister Theresa May says it's "highly likely" Russia was responsible for the poisoning of ex-spy Sergei Skripal [15].

На уровне заголовочной конструкции Тереза Мэй выдвигает прямые обвинения в адрес России в отравлении Скрипалей (... *BLAMES RUSSIA FOR EX-SPY SERGEI SKRIPAL'S POISONING*), однако в тексте статьи премьер-министр Великобритании делает лишь «осторожные» предположения о возможной причастности РФ к инциденту (... *it's "highly likely" Russia was responsible for the poisoning of ex-spy Sergei Skripal*). Таким образом реализуется манипулятивная цель редакции издания «Нью Зиланд Геральд»: дезин-

формирование читателя непосредственно на заголовочном уровне и актуализация негативного образа России.

2) употребление негативно окрашенной лексики в заголовочной конструкции статьи противопоставлено использованию категории оценочности в тексте статьи:

UK DEFENCE SECRETARY WARNS 'THE WORLD IS BECOMING A DARKER PLACE' AND VLADIMIR PUTIN IS TO BLAME

The world is "becoming a darker place" thanks in part to the "malign" influence of Vladimir Putin, the Defence Secretary has warned [25].

На уровне заголовка министр обороны Великобритании напрямую обвиняет российского президента в ухудшении климата мирового сообщества (... *VLADIMIR PUTIN IS TO BLAME*), однако в тексте статьи Гэвин Уильямсон утверждает, что обострение международной обстановки лишь частично связано с негативным влиянием России, в частности, российского президента (... *thanks in part to the "malign" influence of Vladimir Putin, the Defence Secretary has warned*). Таким образом, манипулятивная цель редакции издания «Миррор» вновь достигается за счёт дезинформирования читательской аудитории уже непосредственно на заголовочном уровне, формируя отрицательный образ российского лидера в сознании интерпретатора сообщения.

3) употребление формы действительного залога в заголовочной конструкции противопоставлено пассивизации перформатива в тексте статьи:

IF RUSSIA POISONED EX-SPY SKRIPAL HE'D BE DEAD, BOASTS PUTIN

The president said: 'God grant him good health. If a military-grade poison had been used, the man would have died on the spot' [16].

THANK GOD SERGEI SKRIPAL RECOVERED... IF WE POISONED HIM HE'D HAVE DIED ON THE SPOT! PUTIN TAUNTS BRITAIN AFTER POISONED RUSSIAN SPY IS RELEASED FROM HOSPITAL

Vladimir Putin has taunted Britain ... suggesting the Russian spy would have 'died on the spot' if he had been attacked with a military-grade toxin [20].

Мы полагаем, что, вследствие употребления формы действительного залога на уровне заголовочной конструкции, в сознание читателя внедряется образ России как предполагаемого причастного лица к «делу Скрипалей» (... *IF RUSSIA POISONED EX-SPY SKRIPAL*). При этом употребление личного местоимения *we* в заголовке в

сочетании с формой действительного залога (... *IF WE POISONED HIM*) ещё в большей степени усиливает эффект манипулятивного воздействия на читателя. Исходя из текста статьи, если бы Скрипаль подвергся воздействию данного вещества, он бы не выжил (... *the Russian spy would have 'died on the spot' if he had been attacked with a military-grade toxin*), что по смысловому содержанию не равнозначно содержательному наполнению заголовочной конструкции статьи. Таким образом, употребление формы действительного залога в представленных заголовках и последующая пассивизация перформатива в тексте статей является одним из способов реализации манипулятивного приёма воздействия на читательскую аудиторию редакции издания «Дэйли Мэйл».

4) использование лексического приёма синекдохи (определение части через целое) в заголовочной конструкции:

MARINA LITVINENKO: *RUSSIANS IN UK FEEL 'VERY UNSAFE' AFTER NERVE AGENT ATTACK*

"If you accept people for political asylum ... like Sergei, like Sasha, and, you know, you have many people in the UK for the same reason. Now how are they made to feel after what happened to this man? Only insecure and very unsafe" [17].

Очевидно, что слова вдовы Литвиненко, приведённые в тексте статьи, относятся не ко всем российским гражданам, проживающим на территории Соединённого Королевства, а лишь к тем, кто получил или находится в поиске политического убежища в Великобритании. Мы полагаем, что приём синекдохи в данном случае используется с целью преувеличения негативных отголосков покушения на Скрипалей и создания атмосферы всеобщего страха в связи с возможным повторением подобных событий.

Рассмотрим ещё один пример, демонстрирующий реализацию приёма частичного информационного замещения:

NAMES OF 'RUSSIAN SUSPECTS' IN SKRIPAL CASE PUBLISHED BY UK DON'T MEAN ANYTHING TO US: MOSCOW

"Names as well as photos (of the suspects) published in the media don't mean anything to us," Maria Zakharova, a spokeswoman for the ministry, said later in the day [18].

В соответствии с заголовочной конструкцией, «имена и фотографии подозреваемых в «деле Скрипалей», опубликованные Великобританией», ни о чём не говорят официальным пред-

ставителям МИД РФ. Однако в тексте статьи директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ Мария Захарова указывает на публикации в средствах массовой информации в целом, не ссылаясь на причастность непосредственно британских СМИ к распространению подобной информации. Так, манипулятивный приём частичного информационного замещения в заголовке реализуется с помощью «завуалированного» приёма синекдохи (обозначение целого через его часть): «UK» (Великобритания; британские СМИ) – «the media» (СМИ), в результате чего акцентируется противостояние между РФ и Соединённым Королевством в ходе расследования «дела Скрипалей».

5) Манипулирование фактами, реализуемое с помощью преувеличения численных данных в заголовочной конструкции («война цифр»). Как справедливо полагает С.Г. Карамурза, «число – один из главных объектов манипуляции, так как оно, в отличие от слова или метафоры, обладает авторитетом точности и беспристрастности» [9, с. 451]. В качестве примера приведём следующий заголовок:

ALMOST 100 POLICE HAVE RECEIVED PSYCHOLOGICAL HELP AFTER SALISBURY ATTACK

Численные данные «почти 100» (речь идёт о количестве сотрудников полиции, которым потребовалась психологическая помощь после инцидента в Солсбери) в заголовочной конструкции противопоставлены «более 90» (имеется в виду также количество сотрудников полиции и персонала, обратившихся за медицинской помощью) в тексте статьи:

"We have had over 90 of our officers and staff come forward to receive support through the Trim process" [14].

Фактически количественные данные «почти 100» и «более 90» равнозначны, однако заявленное в заголовке количество пострадавших (*ALMOST 100 POLICE*) оказывает «шокирующий» эффект на интерпретатора сообщения ещё до прочтения полного текста статьи. Таким образом реализуется одна из манипулятивных целей редакции издания «Гардиан»: преувеличить в сознании читателя масштабы негативных последствий инцидента в Солсбери.

Наряду с содержательным фактором, важную роль в «желаемой» интерпретации новостного сообщения играет и фактор композиционной структуры текста. Под композицией, вслед за А.А. Даниловой, мы понимаем «группировку

языковых блоков в целях максимального воздействия на аудиторию. К композиции относятся синтаксические способы организации текста, в первую очередь риторические приёмы расположения» [4, с. 45]. Помимо описанных выше манипулятивных приёмов, основанных на модели референции, на уровне заголовочных конструкций был выявлен ряд приёмов, построенных на **композиционной модели**:

1. Избирательное цитирование. В качестве заголовка из контекста вырывается наиболее эмоционально окрашенная или шокирующая цитата, которая в новом контексте может трактоваться читателем иначе, как требуется автору статьи. В качестве примера приведём следующий заголовок:

TRUMP: RUSSIA LIKELY POISONED EX-SPY, 'BASED ON ALL EVIDENCE'

Из заголовка следует, что президент США, основываясь на всех доказательствах, считает, что российская сторона вполне может быть причастна к покушению на Скрипалей. Однако в тексте статьи Дональд Трамп ссылается на точку зрения премьер-министра Великобритании Терезы Мэй, с которой у него предстоит встреча, а собственное мнение по поводу причастности или непричастности России к данному инциденту он будет готов сформировать лишь имея на руках все факты:

"It sounds to me like it would be Russia, based on all the evidence they have," Trump told reporters outside the White House. "It sounds to me like they believe it was Russia and I would certainly take that finding as fact." Trump added: "As soon as we get the facts straight, if we agree with them, we will condemn Russia or whoever it may be" [24].

Используя выборочное цитирование, автор заголовка искажает слова президента США и актуализирует стереотипы, представляющие Россию в качестве общепризнанного в мировом сообществе агрессора.

2. Совмещение в контексте одной заголовочной конструкции нескольких невзаимосвязанных событий с целью их ложной логической увязки. Сам по себе такой заголовок является двусмысленным, но имплицитно заложенная в нём логическая связка «причина-следствие» кажется очевидной, и читатель трактует заголовок именно с точки зрения взаимообусловленности упомянутых событий. В качестве примера приведём несколько газетных заголовков, касающихся награждения одного из подозреваемых в покушении на Скрипалей званием Героя России:

SKRIPAL SUSPECT 'WAS MADE HERO OF RUSSIA' BY PRESIDENT PUTIN [22];

SKRIPAL ATTACK: SECOND SALISBURY SUSPECT 'DECORATED' BY PUTIN [21].

Заголовки сформулированы таким образом, что факт причастности подозреваемого к делу Скрипалей и присвоение ему звания Героя России становятся взаимосвязанными, в то время как в тексте публикации поясняется, что звание было присвоено Руслану Боширову (Анатолию Чепиге) в 2014 году, то есть задолго до событий в Солсбери:

He has served in Chechnya and Ukraine and was made a "Hero of the Russian Federation" in 2014 [22].

Приём ложной увязки также использован в следующем заголовке:

RUSSIA TESTED NERVE AGENT ON DOOR HANDLES BEFORE SKRIPAL ATTACK, UK DOSSIER CLAIMS.

Композиционная соотнесённость в заголовке информации о проводимых в РФ пробах нервнопаралитического вещества на дверных ручках и факта покушения на Скрипалей наводит читателя на взаимосвязь между этими событиями, тем самым создаётся впечатление, что покушение было спланировано. Обозначение нервно-паралитического вещества *nerve agent* употреблено в единственном числе, таким образом имплицитно подразумевается «Новичок». В тексте статьи приводятся слова Марка Седвилла, советника по национальной безопасности Великобритании, свидетельствующие о том, что «Новичок» был одним из тестируемых Россией веществ и пробы могли проводиться задолго до момента покушения:

He also said: "During the 2000s, Russia commenced a programme to test means of delivering chemical warfare agents ... This programme subsequently included investigation of ways of delivering nerve agents, including by application to door handles.<...> Russia has produced and stockpiled small quantities of novichoks under the same programme" [20].

3. Выделение коммуникативно значимых элементов за счёт актуального членения предложения, изменение порядка слов в целях экспрессивности:

UK DEFENCE SECRETARY WARNS 'THE WORLD IS BECOMING A

DARKER PLACE' AND VLADIMIR PUTIN IS TO BLAME.

В заголовочной конструкции в качестве манипулятивного приёма использован экспрессивный синтаксис, с помощью которого имплицит-

но акцентируется негативная роль президента РФ в контексте событий в мировом сообществе. Рема (*VLADIMIR PUTIN*) вынесена в начало второй части заголовочной конструкции, в то время как в самой статье использовано нейтральное предложение, где тема предшествует реме:

The world is "becoming a darker place" thanks in part to the "malign" influence of Vladimir Putin, the Defence Secretary has warned [25].

Таким образом, одной из отличительных особенностей освещения англоязычными СМИ событий, связанных с «делом Скрипалей», является активное использование в заголовочных конструкциях манипулятивного приёма дезинформации, основанного на моделях референции

и композиции. Редакции англоязычных СМИ намеренно конструируют заголовки, не соответствующие тексту публикации на содержательном и композиционном уровнях. С помощью описанных выше лексических и синтаксических приёмов реализуются следующие цели: преувеличение последствий инцидента в Солсбери и актуализация в сознании читателя негативного образа России и стереотипов, представляющих РФ в качестве общепризнанного в мировом сообществе агрессора; создание атмосферы всеобщего страха в связи с возможным повторением подобных событий; дискредитация российского президента.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 411.
2. Вирен Г.В. Современные медиа: приёмы информационных войн: учеб. пособие для вузов. М: Аспект Пресс, 2017. 128 с.
3. Грицкевич Ю.Н. Влияние заголовка на построение и реализацию политического дискурса в масс-медийном пространстве // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Псков: Псковский государственный университет. 2015. №1. С. 154–161.
4. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2011. 232 с.
5. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: УРСС Эдиториал, 2005. 288 с.
6. Дружинин А.С. Когнитивно-прагматические особенности контрафактивных грамматических конструкций в американском предвыборном дискурсе 2000–2012 гг.: дисс. ... канд. филол. н. М.: МГИМО-Университет, 2014. 181 с.
7. Дружинин А.С. Когнитивно-прагматические особенности контрафактивных грамматических конструкций в американском предвыборном дискурсе 2000–2012 гг.: автореферат дисс. ... канд. филол. н. М.: МГИМО-Университет, 2014. 20 с.
8. Зароченцева А.С., Новиков Д.Н. Лингвокогнитивные и прагматические аспекты моделирования событий типа «международный конфликт» (на примере освещения освобождения городов Мосул и Алеппо в 2016 году) в «Экономист» // Магия ИННО: Новые измерения в лингвистике и лингводидактике: материалы Третьей научно-практической конференции (Москва, 24–25 марта 2017 г.). М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 231–237.
9. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 832 с.
10. Ларионова М.В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции?: монография / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. испанского языка // М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 81.
11. Новиков Д.Н. О пределах семантического варьирования слова // Филологические науки в МГИМО. М.: МГИМО-Университет. 2005. №21. С. 41–53.
12. Новиков Д.Н. К биокогнитивным основаниям лексической семантики: так где же живут слова и их значения? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 571. С. 101–114.
13. Сафонов А.А. Стилистика газетных заголовков // Стилистика газетных жанров / под ред. Д.Э. Розенталя. М., 1981. С. 205–227.
14. Almost 100 Police Have Received Psychological Help After Salisbury Attack [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/may/17/almost-100-police-have-received-psychological-help-after-salisbury-attack-wiltshire-force> (Дата обращения 17 мая 2018 г.).
15. British Prime Minister Theresa May Blames Russia for Ex-spy Sergei Skripal's Poisoning [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.nzherald.co.nz/world/news/article.cfm?c_id=2&objectid=12011556 (Дата обращения 13 марта 2018 г.).
16. If Russia Poisoned Ex-spy Skripal He'd be Dead, Boasts Putin [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.iol.co.za/news/world/if-russia-poisoned-ex-spy-skripal-hed-be-dead-boasts-putin-15056755> (Дата обращения 19 мая 2018 г.).
17. Marina Litvinenko: Russians in UK Feel 'Very Unsafe' After Nerve Agent Attack [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2018/03/08/europe/marina-litvinenko-russia-poisoning-intl/index.html> (Дата обращения 9 марта 2018 г.).
18. Names of 'Russian Suspects' in Skripal Case Published by the UK don't mean anything to us: Moscow [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.google.ru/amp/s/www.herald.co.zw/names-of-russian-suspects-in-skripal-case-published-by-uk-dont-mean-anything-to-us-moscow/amp/> (Дата обращения 6 сентября 2018 г.).

19. Russia's Lavrov: UK at Fault in Skripal Case [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.google.ru/amp/s/www.politico.eu/article/russian-foreign-minister-sergei-lavrov-skripal-case/amp/> (Дата обращения 29 июня 2018 г.).
20. Russia Tested Nerve Agent on Door Handles Before Skripal Attack, UK Dossier Claims [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/apr/13/russia-tested-nerve-agent-on-door-handles-before-skripal-attack-uk-dossier-claims> (Дата обращения 13 апреля 2018 г.).
21. Skripal Attack: Second Salisbury Suspect 'Decorated' by Putin [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-45801154> (Дата обращения 9 октября 2018 г.).
22. Skripal Suspect 'was Made Hero of Russia' by President Putin [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-45656004> (Дата обращения 27 сентября 2018 г.).
23. Thank God Sergei Skripal Recovered... if we Poisoned Him He'd Have Died on the Spot! Putin Taunts Britain After Poisoned Russian Spy is Released From Hospital [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-5744187/Former-Russian-spy-Sergei-Skripal-released-Salisbury-hospital.html> (Дата обращения 18 мая 2018 г.).
24. Trump: Russia Likely Poisoned Ex-spy, 'Based on All Evidence' [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2018/03/13/europe/trump-russia-spy-intl/index.html> (Дата обращения 13 марта 2018 г.).
25. UK Defence Secretary Warns 'the World is Becoming a Darker Place' and Vladimir Putin is to Blame [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.mirror.co.uk/news/politics/uk-defence-secretary-warns-the-12285946> (Дата обращения 1 апреля 2018 г.).

Сведения об авторах:

Фомина Татьяна Анатольевна – преподаватель кафедры английского языка №1, МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, исследование политического дискурса в рамках когнитивистики. E-mail: wesna85@bk.ru.

Буцык Елизавета Дмитриевна – преподаватель кафедры английского языка №1, МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: гендерные исследования, политический дискурс, когнитивная лингвистика. E-mail: l.butsyk@ya.ru.

MANIPULATION TECHNIQUES OF DISSEMINATING MISINFORMATION AS A MEANS OF GENERATING ANTI-RUSSIAN PROPAGANDA IN THE ENGLISH LANGUAGE MEDIA HEADLINES: A CASE STUDY OF THE 2018 SALISBURY ATTACK AS DEPICTED IN THE ENGLISH-LANGUAGE NEWS STORIES

Tatiana A. Fomina, Elizaveta D. Butsyk

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The paper attempts to describe a number of linguistic and pragmatic aspects of modeling the anti-Russian discourse in the English language media headlines. The authors focus on the coverage of the Skripal poisoning case and the specific language means employed by a range of English-language news sources, such as The Guardian, BBC, CNN, Politico, The Mirror, The Daily Mail, The New Zealand Herald, The Herald. The results of the study indicate that one of the most effective and widespread media manipulation techniques is misinformation accompanied by a discrepancy between the headline and the content of the article. The research seeks to classify manipulation techniques according to the way of their actualization in the language and the degree of misinformation: full fabrication, partial fabrication, manipulated content, selective quoting, false connection, emphasizing communication relevant elements by means of the actual division of the sentence. The implementation of such manipulation techniques is*

aimed at shaping public opinion on the incident at issue in order to promote a negative image of Russia and its leader in terms of their alleged involvement in the Skripal attack.

Key Words: *the Skripal case, English-language media, headline, misinformation, manipulation, propaganda, full fabrication, partial fabrication*

References

1. Arutiunova N.D. Referentsiia [Reference] // *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M., 1998, p. 411.
2. Viren G.V. *Sovremennye media: priemy informatsionnykh voyn: ucheb. posobie dlia vuzov* [Contemporary Media: Technologies of Information Wars: Manual for University Students]. M.: Aspect Press Publ., 2017, 128 p.
3. Gritskevich Y.N. Vliianie zagolovka na postroenie i realizatsiiu politicheskogo diskursa v mass-mediinom prostranstve [The Impact of Title on the Construction and Implementation of Political Discourse in Mass Media]. // *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»* [Scientific Journal of Pskov State University. 'Socio-Humanitarian Studies']. Pskov, Pskov State University, 2015, no. 1, pp. 154–161.
4. Danilova A.A. *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoi informatsii* [Verbal Manipulation in Mass Media]. M.: Dobrosvet KDU Publ., 2011, 232 p.
5. Dobrosklonskaia T.G. *Voprosy izucheniia mediatekstv: Opyt issledovaniia sovremennoi angliiskoi mediarechi* [The Study of Media Texts. Modern English Media Speech Studying Experience]. M.: URSS Editorial, 2005, 288 p.
6. Druzhinin A.S. *Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti kontrafaktivnykh grammaticheskikh konstruktssii v amerikanskom predvybornom diskurse 2000-2012 gg.: diss. ... kand. filol. n. M.: MGIMO-Universitet, 2014. 181 p.*
7. Druzhinin A.S. *Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti kontrafaktivnykh grammaticheskikh konstruktssii v amerikanskom predvybornom diskurse 2000-2012 gg.: avtoreferat diss. ... kand. filol. n. M.: MGIMO-Universitet, 2014. 20 p.*
8. Zarochentseva A.S., Novikov D.N. *Lingvokognitivnye i pragmaticheskie aspekty modelirovaniia sobytii tipa «mezhdunarodnyi konflikt» (na primere osveshcheniia osvobodzheniia gorodov Mosul i Aleppo v 2016 godu) v «Economist»* [A Cognitive-Pragmatic Description of 'International Conflict' Event Modelling: A Case Study of the 2016-2017 Mosul and Aleppo Liberation Operations as Depicted by the Economist] // *Magiia INNO* [The Magic of Innovation]. M.: MGIMO (U), 2017, pp. 231–237.
9. Kara-Murza S.G. *Manipulatsiia soznaniem* [Manipulation of Consciousness]. M.: Eksmo Publ., 2005, 832 p.
10. Larionova M.V. *Ispanskii gazetno-publitsisticheskii diskurs: iskusstvo informatsii ili masterstvo manipulatsii?* [Spanish journalistic discourse: information or manipulation?]. M.: MGIMO (U), 2015, p. 81.
11. Novikov D.N. *O predelakh semanticheskogo var'irovaniia slova. Filologicheskie nauki v MGIMO* [On the scope of word meaning variation. Philological Sciences in MGIMO], 2005, no. 21, pp. 41–53.
12. Novikov D.N. *K biokognitivnym osnovaniim leksicheskoi semantiki: tak gde zhe zhivut slova i ikh znacheniiia?* / D.N. Novikov // *Vestnik MGLU*, 2009, no. 571, pp. 101–114.
13. Safonov A.A. *Stilistika gazetnykh zagolovkov* [Stylistics of Newspaper Headlines] // *Stilistika gazetnykh zhanrov* [Stylistics of Newspaper Genres] (Ed. Rozental D.E.). M., 1981, pp. 205–227.
14. *Almost 100 Police Have Received Psychological Help After Salisbury Attack.* Available at: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/may/17/almost-100-police-have-received-psychological-help-after-salisbury-attack-wiltshire-force> (accessed 17 May 2018).
15. *British Prime Minister Theresa May Blames Russia for Ex-spy Sergei Skripal's Poisoning.* Available at: https://www.nzherald.co.nz/world/news/article.cfm?c_id=2&objectid=12011556 (accessed 13 March 2018).
16. *If Russia Poisoned Ex-spy Skripal He'd be Dead, Boasts Putin.* Available at: <https://www.iol.co.za/news/world/if-russia-poisoned-ex-spy-skripal-hed-be-dead-boasts-putin-15056755> (accessed 19 May 2018).
17. *Marina Litvinenko: Russians in UK Feel 'Very Unsafe' After Nerve Agent Attack.* Available at: <https://edition.cnn.com/2018/03/08/europe/marina-litvinenko-russia-poisoning-intl/index.html> (accessed 9 March 2018).
18. *Names of 'Russian Suspects' in Skripal Case Published by the UK don't mean anything to us: Moscow.* Available at: <https://www.google.ru/amp/s/www.herald.co.zw/names-of-russian-suspects-in-skripal-case-published-by-uk-dont-mean-anything-to-us-moscow/amp/> (accessed 6 September 2018).
19. *Russia's Lavrov: UK at Fault in Skripal Case.* Available at: <https://www.politico.eu/article/russian-foreign-minister-sergei-lavrov-skripal-case/> (accessed 29 June 2018).
20. *Russia Tested Nerve Agent on Door Handles Before Skripal Attack, UK Dossier Claims.* Available at: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/apr/13/russia-tested-nerve-agent-on-door-handles-before-skripal-attack-uk-dossier-claims> (accessed 13 April 2018).
21. *Skripal Attack: Second Salisbury Suspect 'Decorated' by Putin.* Available at: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-45801154> (accessed 9 October 2018).
22. *Skripal Suspect 'was Made Hero of Russia' by President Putin.* Available at: <https://www.bbc.com/news/uk-45656004> (accessed 27 September 2018).
23. *Thank God Sergei Skripal Recovered... if we Poisoned Him He'd Have Died on the Spot! Putin Taunts Britain After Poisoned Russian Spy is Released From Hospital.* Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-5744187/Former-Russian-spy-Sergei-Skripal-released-Salisbury-hospital.html> (accessed 18 May 2018).
24. *Trump: Russia Likely Poisoned Ex-spy, 'Based on All Evidence'.* Available at: <https://edition.cnn.com/2018/03/13/europe/trump-russia-spy-intl/index.html> (accessed 13 March 2018).

25. UK Defence Secretary Warns 'the World is Becoming a Darker Place' and Vladimir Putin is to Blame. Available at: <https://www.mirror.co.uk/news/politics/uk-defence-secretary-warns-the-12285946> (accessed 1 April 2018).

About the authors:

Tatiana A. Fomina – Lecturer at English Language Department No. 1, MGIMO, (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, cognito-linguistic discourse analysis. E-mail: wesna85@bk.ru.

Elizaveta D. Butsyk – Lecturer at English Language Department No. 1, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: gender studies, political discourse, cognitive linguistics. E-mail: l.butsyk@ya.ru.

* * *

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ВИДОВЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСАХ

Е.В. Лимарова, Е.Е. Соколова

Российский государственный социальный университет,
129226 г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

Статья посвящена описанию семантических и прагматических факторов, влияющих на выбор говорящим определённой грамматической формы в англоязычном и русскоязычном дискурсах, на примерах, заимствованных из двух переводных версий произведения М. Митчелл «Унесённые ветром». Средства выражения аспектуальности, включающие в себя видовые формы глагола, являются неотъемлемым компонентом содержательной стороны текста и требуют для своего описания учёта целого комплекса факторов, обладающих референциальными характеристиками, что является теоретической предпосылкой данной статьи. Основу исследования составили положения теории релевантности Г. Рейхенбаха, Д. Спербера и Д. Вилсона. Проанализированные примеры, заимствованные из русскоязычного и англоязычного дискурса, подтверждают гипотезу о том, что совокупность референциальных характеристик разных компонентов структур может описывать аспектуальную ситуацию как стативную, хабитуальную, инхоативную или, наоборот, точечную. Этими компонентами являются сами видовые формы глагола, наречия времени, лексико-семантический характер глагола, а также прагматика, отражающая контекст употребления той или иной грамматической формы, включая видение и интерпретацию говорящим действительности. Эти особенности, в свою очередь, могут способствовать выдвиганию дискурсивной информации или созданию фона для важных событий. Статья может быть полезна учёным, занимающимся контрастивными лингвистическими исследованиями дискурса, а также когнитивной лингвистикой.

Ключевые слова: референция, теория релевантности, аспект, дискурс, прагматика, точка отсчёта, фоновая информация, выдвигание

Семантическая сфера грамматической категории аспектуальности, представляющей интерес для отечественных и зарубежных лингвистов, ещё не полностью изучена, так как с развитием таких направлений в лингвистике, как когнитология, исследователи придерживаются точки зрения о том, что выбор видовых форм зависит не только от объективных обстоятельств событий действительности. На выбор определённой грамматической формы для описания отдельной ситуации не может оказывать влияние концептуализация говорящим – интерпретатором событий реального

мира. В свою очередь, сформированная концептуальная структура может быть описана в языке разными способами в зависимости от разных точек зрения на неё с позиции говорящего-наблюдателя.

Точка зрения или точка отсчёта (R) представляет собой отношения между наблюдателем и наблюдаемым объектом, процессом или событием, то есть ситуации действительности могут различаться на основе прямого, физического восприятия [4].

В нарративном дискурсе точка отсчёта R является текущим моментом линии повество-

вания, локализующей повествователя-наблюдателя или героя, выполняющего функцию повествователя, на оси времени. Различия между аспектуальными значениями, таким образом, сводятся к разнице позиций наблюдателя-говорящего, сменой его точки наблюдения R (перспективы). Перспектива наблюдателя определялась исследователями как «психологическая точка зрения» (psychological point of view) [11], «точка зрения» [5; 6], а также как «пункт наблюдения» (vantage point) [9], однако в каждом случае авторы так или иначе соотносили её с пространственно-временными отношениями между пунктами наблюдения в дискурсе либо с отношением героя повествования к описываемым событиям, «видения» им своего положения в контексте описываемых событий.

Автор-наблюдатель может изменять свою точку зрения в зависимости от того, задействован ли он в описываемых событиях, переживает их мысленно или физически, или он дистанцирован от описываемой ситуации и рассматривает её в ретроспективе [7]. Параметр точки отсчёта не фиксирован, он может перемещаться в зависимости от позиции наблюдателя, соответственно, перспектива его наблюдения за происходящим может быть актуальной происходящим событиям, когда говорящий мысленно помещает себя в хронотоп событий повествования [1], а может быть нерелевантной по отношению к текущему моменту. Целью данной статьи является подтверждение гипотезы о том, что положение точки отсчёта (наблюдателя) оказывает влияние на выбор глагольных форм при описании аспектуальной ситуации. Выбор эксплицитного материала обусловлен сложностью и масштабностью сюжета романа Маргарет Митчелл «Унесённые ветром», хронология событий которого представлена на протяжении двенадцати лет с 1861 года по 1873 год. Не случайно Герберт Уэллс считал, что «Роман «Унесённые ветром» скроен намного лучше, чем произведения многих глубоко почитаемых классиков».

Методологической базой статьи явилась теория Г. Рейхенбаха о точке отсчёта, а также положения теории релевантности Д. Спербера и Д. Вилсона [10], получившей своё развитие в работах Л. де Соссюра [8].

Точка отсчёта в языковой структуре может быть задана следующими средствами: а) комбинацией лексико-грамматических свойств глагола (EN), б) грамматических форм (А: *Continuous/Indefinite*), а также с) лексических и грамматиче-

ских значений наречий (ТА). Референциальная точка R как концептуальное понятие, определяющее позицию наблюдателя-повествователя, может быть определена исходя из фоновых знаний, а также контекста.

Поскольку перевод художественной литературы является творческим процессом, то представляется интересным выделить и отметить те языковые средства, с помощью которых может быть выражена категория аспекта в английском языке, а также способы передачи этих средств в русском переводе (в нашем случае – Т. Кудрявцева и Е. Диденко).

Алгоритм анализа примеров включает в себя следующие этапы: сначала приводится оригинал предложения с выделенной в нём аспектной формой, затем следуют переводы Т. Кудрявцевой и Е. Диденко и даётся характеристика анализируемого нами аспектуального значения.

1. But **most of the time** she was riding about the town, **making** the rounds of builders, contractors and carpenters [12, с. 179]. В данном предложении присутствуют два средства выражения аспекта: ТА «most of the time» и А, выраженный формой Continuous. Из-за наложения референциальных характеристик компонентов действие, описываемое в структуре, представлено не как непрерывный процесс, а хабитуальное (habitual), совершаемое с определённой периодичностью: 1) *Но ещё больше времени она тратила, разъезжая по городу: наведывалась к строителям, подрядчикам и плотникам* [3, с. 178]. Лексический аспект в русскоязычном переводе передан при помощи фразы «ещё больше времени», которая выражает длительность процесса, глагол же переведён формой несовершенного вида (НСВ). 2) *Однако основную часть дня она проводила в разъездах по городу, нанося визиты строителям, подрядчикам, плотникам* [2, с. 179]. Здесь так же, как и в первом варианте перевода, глагольный аспект передан в форме НСВ, а также указателем длительности процесса основную часть дня.

2. Frank **had always disliked** (1) him, even when he **had done business** (2) with him before the war [12, с. 170]. В обоих случаях в результате интерпретации аспектуальные ситуации, описываемые в структурах, представляют собой некий результат, но при этом нет ощущения завершенности действия, его полноты, на что также указывает ТА «always». В русскоязычной версии аспект выражен следующим образом: 1) *Он и до войны, когда вёл дела с Батлером (2), недолго бивал его (1)* [3, с. 170]. В переводе Т. Кудряв-

цевой использованы глаголы в прошедшем времени НСВ, так как нет необходимости в данном случае переводить действие как результативное, достигшее своего предела. 2) **Никогда** Батлер не нравился Фрэнку (1), даже когда у них были совместные дела (2) ещё до войны [2, с. 170]. Другой переводчик также выразила аспект при помощи глаголов в форме НСВ, а также при помощи антонимичного перевода с использованием лексемы **никогда**, указывающей на процессность действия.

3. “My dear, I know what you **are thinking**. You’re **thinking**, ‘Here stands an impractical fool talking tommyrot about dead gods when living people are in danger.’ Isn’t that true?” [12, с. 69]. Компонент структуры EN (to think) является глаголом, который не принято употреблять в длительной видовременной форме. Однако диалог между героями романа Эшли и Скарлетт экспрессивен. Персонаж высказывает предположение о мыслях Скарлетт в описываемый период времени и маркирует своё предположение, а неуверенность видовременной формой Continuous. Переводчики, в свою очередь, видят семантику предложения так: 1) – Хорошая моя, я знаю, о чём вы **сейчас думаете**. Вы **думаете**: «Какой же он непрактичный дурак и болтун, несёт всякую чушь про мёртвых богов, в то время как живые люди – в опасности». Ведь правда, вы так думаете? [3, с. 69]. Т. Кудрявцева использовала ТА «сейчас», так как речь идёт о процессе, происходящем в определённый момент времени. И использование вида соответствует аспектуальному значению, переданному в оригинале: 2) – Моя дорогая, я знаю, о чём вы **думаете**. Вы **думаете**: «Неисправимый и бестолковый идиот несёт чушь о мёртвых богах, когда живым людям угрожает опасность». Разве не так? [2, с. 69].

4. His manner was so casual when he **was sounding** the death knell of Tara [12, с. 20]. Здесь автор, на наш взгляд, использует длительную форму глагола «to sound» EN, традиционно не употребляющуюся в длительной видовой форме Continuous (A), для привлечения внимания читателя к тому, как Скарлетт воспринимает слова собеседника, сказанные тоном, который ей был не по нраву, а также выражения экспрессивности. И в русском языке ситуация передана так: 1) Да как он может говорить таким небрежным тоном, когда **каждое его слово – всё равно что похоронный звон по Таре!** [3, с. 22]. Аспектуальное значение, переданное длительной формой, в русском языке не выражено. 2) Как он может

так спокойно рассуждать о потере Тары? [2, с. 22]. Оба переводчика сочли нужным не переводить дословно это предложение, поэтому форма A (Continuous) выражена не глаголом, а использованы приёмы сравнения и даже опущения некоторой информации.

5. **Already** Frank and Pitty **were begging** her not to expose herself – and them – to embarrassment [12, с. 173]. Использован компонент A (Continuous), потому что автор ставит перед собой цель отразить протекание ситуации, а лексема ТА «already» в данном случае выражает процессность действия. 1) **Теперь уже** и Фрэнк с тётёй Питти **умоляли** её не позорить себя – да и их [3, с. 172]. Аспект переведён при помощи неопределённого глагола НСВ, а также с помощью сочетания «теперь уже», которое означает наступление какого-либо состояния/действия. 2) И Фрэнк, и Питти **хором умоляли** её не выставлять себя – да и их тоже! – в неловком свете [2, с. 173]. В этом переводе нет лексического средства передачи аспекта, но при этом использован неопределённый глагол, обозначающий длительность протекания действия.

6. The fat captain **was muttering** through his cigar to the merry-eyed officer [12, с. 110]. Глагольный аспект здесь выражен длительной формой глагола «to mutter», что говорит о том, что автор стремилась выразить длительность действия. Переводчики же видят аспектуальную ситуацию по-разному: 1) Толстяк-капитан, не вынимая изо рта сигареты, **буркнул** шустроглазому офицеру... [3, с. 110]. Т. Кудрявцева выразила аспект глаголом совершенного вида (СВ) однократного действия, основываясь, по видимому, на предположении, что на фоне одного действия не происходит другое и что действие достигло своего предела. 2) Пожёвывая сигару, толстый капитан что-то **шептал** славному офицеру с весёлыми глазами [2, с. 110]. Другой переводчик выразил аспект формой НСВ, что в данном случае точнее передаёт семантику действия.

7. Melly and he **were always talking** such foolishness, poetry and books and dreams and moonrays and star dust [12, с. 75]. В данном примере присутствует лексический показатель категории аспекта. Использование ТА «always» противоречит самой природе длительной формы. Однако в данном случае автор преследует цель выразить раздражение и негодование Скарлетт касательно тем для обсуждения между Эшли и Мелани. Переводы следующие: 1) Эшли с Мелани **вечно болтают** о всяких глупостях – стихи,

книги, мечты, лунный свет, звёздная пыль... [3, с. 75]. 2) Мелли и Эшли **всегда говорили** о подобных глупостях: о стихах, книгах, мечтах, о лунных лучах и звёздной пыли [2, с. 75]. Оба переводчика выразили лексический и грамматический показатель аспекта путём использования неопределённого глагола НСВ, хотя и в разном времени, и путём лексемы – показателя кратности.

8. “You **are just putting on** this indignant front because you think it’s proper and respectable” [12, с. 166]. Длительная форма глагола А использована для передачи состояния героя, на которого направлен акт речи. Лексическим средством выражения аспекта является наречие ТА «just». Сравним работы разных переводчиков: 1) – **Просто вы изображаете возмущение, потому что вам кажется так правильнее и респектабельнее** [3, с. 166]. 2) – **Ваше негодование напускное, ведь вы полагаете, что именно так следует себя вести респектабельным дамам** [2, с. 167]. В варианте 1 видим неопределённый глагол НСВ настоящего времени и лексему «просто», что очень точно передаёт аспект в английском языке, в варианте 2 глагол отсутствует, как отсутствует и лексическое средство передачи характера протекания действия.

9. Of course, Frank **was making** a little more money **now** (1), but Frank **was always ailing** (2) with colds and frequently forced to stay in bed for days [12, с. 180]. Обе аспектуальные ситуации выражены компонентом А (Continuous): в примере (1) есть указатель времени/длительности, в примере (2) присутствует функция экспрессии, выражающая негодование Скарлетт относительно здоровья Фрэнка. 1) **Да, конечно, Фрэнк теперь начал понемногу делать** деньги (1), но Фрэнк **так подвержен простуде** (2) и часто вынужден по многу дней проводить в постели [3, с. 180]. В случае (1) аспект выражен в русском языке формой СВ прошедшего времени + инфинитив НСВ, а также при помощи наречия «теперь», а в случае (2) глагол отсутствует, и аспект выражен при помощи лексемы «так», усиливающей значение всего предложения в целом. 2) **Конечно, теперь Фрэнк стал зарабатывать** немного больше (1), но он **то и дело простужался** (2), и ему приходилось **оставаться в постели целыми днями** [2, с. 180]. Лексема ТА «now» переведена как «те-

перь», глагольный аспект передан конструкцией СВ прошедшего времени + инфинитив НСВ, в случае (2) наречие «always» переведено сочетанием «то и дело», означающим кратность действия, а глагол выражен формой НСВ.

На основе анализа примеров из произведения М. Митчелл «Унесённые ветром» на предмет обоснования выбора автором глагольного аспекта, а также на выявление лексических и грамматических способов выражения аспектуального значения в русском языке, мы пришли к следующим выводам:

- выбор глагольного аспекта Т (Continuous и Perfect) напрямую зависит от поставленных автором целей. Так, если перед автором стоит цель выразить процесс действия, обратить внимание реципиента на продолженность совершения действия, создать фон для совершения другого действия или же показать, как меняется описываемая в произведении ситуация, необходимо использование формы Continuous. Использование этой формы не несёт в себе цели отразить результат некоего процесса, так как в семантике глаголов в такой форме результативность не предполагается;

- при переводе видовременной формы Continuous с английского языка на русский используются, в основном, глаголы несовершенного вида, конструкции типа глагол-связка + инфинитив несовершенного вида/предикатив (категория состояния, выраженная кратким прилагательным), а также причастия и деепричастия (также стоящие в форме несовершенного вида), что помогает передать длительность описываемого автором процесса;

- для выражения глагольного аспекта (А) в английском языке используются лексические показатели кратности, длительности, непрерывности действия, его незавершённости/завершённости, срока, типа протекания действия, фазовости, процессности и интенсивности действия. Выбор лексических средств также зависит от целей автора и используемого грамматического аспекта, в свою очередь переводчик для более точного выражения категории аспекта в русском языке передаёт эти лексические показатели посредством наречий.

Список литературы

1. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Монография. М.: Наука, 1982. 368 с.
2. Митчелл М. Унесённые ветром/ (перевод Е. Диденко). М.: Эксмо, 2010. 768 с.
3. Митчелл М. Унесённые ветром / (перевод Т. Кудрявцевой). М.: Правда, 1991. 592 с.
4. Bull W. Time, tense and verb: a study in theoretical and applied linguistics, with particular attention to Spanish/ W. Bull. Berkeley, Los Angeles: University of Calif. Press, 1971. 120 p.
5. Dowty, D. The effects of aspectual class on the temporal structure of discourse: semantics or pragmatics? *Linguistics and philosophy*, 1986. № 9, P. 37-61.
6. Fleishmann S. Discourse functions of tense-aspect oppositions in narrative. *Linguistics*, 1995. № 23. P. 851 - 882.
7. Janssen Th.A.J.M. Tenses and Demonstratives: Conspecific Categories. In R. Geiger & B. Rudzka-Ostyn, ed. *Conceptualizations and Mental Processing in Language*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. P. 741-783.
8. Saussure L. Temps et pertinence Éléments de pragmatique cognitive du temps/L. Saussure. De Boeck&Larcier. Éditions Duculot, 2003. pp. 321.
9. Sells P. Binding Resumptive Pronouns/P. Sells// *Linguistics and Philosophy*. № 10. pp. 261-298.
10. Sperber, D. & Wilson, D. Relevance: Communication and Cognition/ D. Spelberr & D. Willson. Oxford: Blackwell, 1986. pp. 279.
11. Uspensky B. Poetics of Composition: the Structure of the Artistic Text and Typology of a Compositional Form. University of California Press, 1973. pp. 181.
12. Mitchell M. Gone with the Wind. Pan Books, 2008. 472 p.

Сведения об авторах:

Лимарова Елизавета Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Российского государственного социального университета. E-mail: limarovaev@rgsu.net.

Соколова Елена Евгеньевна – доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук, Российского государственного социального университета. E-mail – selenal2@mail.ru.

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF VERBAL ASPECTUALITY IN ENGLISH AND RUSSIAN DISCOURSES

E.V. Limarova, E.E. Sokolova

Russian State Social University,
Wilhelm Pieck Str., 4, build. 1, Moscow, Russian Federation 129226

Abstract: *The relevance of the proposed article stems from the scientific interest in investigation of different means of conceptual organization of knowledge in the process of production and interpretation of English and Russian utterances. Thus, it aims at establishing the role of aspect in English and Russian discourse through interpreting aspectual situations which are analyzed at the level of sentences and textual fragments borrowed from two translation versions of M. Mitchell's novel "Gone with the Wind".*

The theoretical framework for the research is provided by Relevance theory as developed in recent works on procedural meaning to handle H. Reichenbach's symbolic logic for tense and aspect and Relevance theory proposed by D. Sperber and D. Wilson. We suggest that the following means are involved in expressing the type of action: a combination of lexical and grammatical properties of the verb; grammatical forms of the verb; meanings of time adverbs. These means are capable of characterizing R, a conceptual notion, which can be inferred by contextual assumptions.

Systematization of referential relations among the above mentioned components taking into account the influence of pragmatic interpretive component and contextual analysis of informational organization of discourse proves the hypothesis that referential characteristics being combined contribute to the description of a discourse situation as stative, habitual, inchoative or punctual.

The article will be interesting for researchers in contrastive and cognitive linguistics.

Key Words: *reference, relevance theory, aspect, discourse, pragmatics, reference point, background information, foreground*

References

1. Zolotova G.A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative aspects of the Russian syntax: Monographii, Moscow, Nauka. 1982. 368 s.
2. Mitchell M. Gone with the wind. Moscow, Eksmo, 2010. 768 p. (Russ. ed. Didenko E.: Mitchell M. Unesennye vetrom. Moscow, Eksmo, 2010. 768 s.)
3. Mitchell M. Gone with the wind. Moscow, Pravda, 1991. 592 p. (Russ. ed. Kudriavtseva T.: Mitchell M. Unesennye vetrom. Moscow, Pravda. 1991. 592 s.)
4. Bull, W. Time, tense and verb: a study in theoretical and applied linguistics, with particular attention to Spanish/ W. Bull. Berkeley, Los Angeles: University of Calif. Press, 1971. 120 p.
5. Dowty, D. The effects of aspectual class on the temporal structure of discourse: semantics or pragmatics?/ D. Dowty// Linguistics and philosophy. 1986. № 9. P. 37-61.
6. Fleishmann, S. Discourse functions of tense-aspect oppositions in narrative/ S. Fleishmann// Linguistics. 1995. № 23. P. 851 - 882.
7. Janssen, Th.A.J.M. Tenses and Demonstratives: Conspecific Categories/Th.A.J.M. Janssen. Conceptualizations and Mental Processing in Language. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. P. 741-783.
8. Saussure, L. Temps et pertinence Éléments de pragmatique cognitive du temps/ L. Saussure. De Boeck&Larcier. Éditions Duculot, 2003. 321 p.
9. Sells, P. Binding Resumptive Pronouns/ P. Sells// Linguistics and Philosophy. № 10. P. 261-298.
10. Sperber, D. & Wilson, D. Relevance: Communication and Cognition/ D. Sperber & D. Wilson. Oxford: Blackwell, 1986. 279 p.
11. Uspensky, B. Poetics of Composition: the Structure of the Artistic Text and Typology of a Compositional Form/ B. Uspensky. University of California Press, 1973. 181 p.
12. Mitchell, M. Gone with the Wind/ M. Mitchell. Pan Books, 2008. 472 p.

About the authors:

Limarova Elizaveta Valerjevna – PhD, Associate Professor of Linguistics and Interpreting Department, Russian State Social University. E-mail: limarovaev@rgsu.net.

Sokolova Elena Evgenjevna – Associate Professor of English Philology Department, Russian State Social University. E-mail – selena12@mail.ru.

* * *

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «СМЫСЛ \leftrightarrow ТЕКСТ» КАК ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

И.Т. Прокофьева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

В статье предпринята попытка обобщить опыт обучения переводу с бенгальского языка на русский и с русского на бенгальский с использованием ряда аспектов лингвистической модели «Смысл \leftrightarrow Текст», созданной И.А. Мельчуком ещё в 1970-е годы. В основе теории перевода, являющей собой поле междисциплинарного исследования, лежит прежде всего лингвистическая теория, и представления об устройстве и функционировании языка определяют выбор стратегии обучения переводу как особому виду речевой деятельности. Теория И.А. Мельчука, по разным причинам оказавшаяся не в полной мере востребованной в своё время, обладает, на взгляд автора, значительным потенциалом, что позволяет использовать, в том числе и для практических целей, многие её компоненты, главным из которых является выделение так называемых лексических функций. Подобный подход позволяет минимизировать количество немотивированных лексических элементов, сведя их к набору полных существительных, остальные же предлагается рассматривать в качестве функций этих исходных элементов. Кроме того, структурирование лексики, приводящее к минимизации исходных элементов благодаря выделению и использованию лексических функций, представляется особенно удобным и экономным в наиболее стандартизированной в лексическом отношении сфере – в языке политики.

Ключевые слова: теория перевода, бенгальский язык, лингвистическая основа перевода, модель «Смысл \leftrightarrow Текст», синтез, анализ, лексическая функция, атрибутивные и предикативные конструкции, толково-комбинаторный словарь, переводческий словарь

Перевод как особый вид речевой деятельности предполагает передачу содержания текста языка оригинала (ЯО, в терминологии А. В. Федорова – исходный язык, ИЯ [6, с. 13]) средствами языка перевода (ЯП, по Федорову и Комиссарову – переводящий язык, ПЯ [6, с. 13; 2, с. 43]), а потому теория перевода, являясь, безусловно, потенциальным полем междисциплинарного исследования, включающим

культурно-исторический, антропологический, семиотический, психологический и другие компоненты, не может не опираться прежде всего на лингвистическую модель. И выбор её из всего множества известных языковых концепций и построений, привлекавший и продолжающий привлекать специалистов, является ключевым вопросом и на практике – в процессе обучения переводу¹, так как и сам процесс, и даже тради-

¹ Нам представляется важным подчеркнуть принципиальное различие между теорией и практикой перевода, чётко проводимое в работах теоретиков и сформулированное в работе В.Н. Комиссарова: «В широком смысле термин “теория перевода” противопоставляется термину “практика перевода” и охватывает любые концепции, положения и наблюдения, касающиеся переводческой практики, способов и условий её осуществления, различных факторов, оказывающих на неё прямое или косвенное воздействие... В более узком смысле “теория перевода” включает лишь собственно теоретическую часть переводоведения и противопоставляется его прикладным аспектам» [2, с. 33].

ционный набор упражнений, призванный выработать и автоматизировать необходимые переводческие навыки, базируется на определённом взгляде на язык и его устройство. В этой статье не ставится задача внести лепту в теорию, наша цель куда скромней и конкретней – показать, как при решении чисто прагматической задачи обучения основам переводческой деятельности можно использовать элементы лингвистических теорий, ранее не рассматриваемых в контексте проблем перевода.

При обучении переводу моделируется два процесса: анализа, то есть вычленение смысла, содержания текста, созданного на ЯО, и синтеза – порождения текста на ЯП, адекватно выражающего выявленный смысл. Именно поэтому в качестве основы для обучения переводу разумным представляется использование не чисто дескриптивных или чисто порождающих моделей языка, а тех из них, что устанавливают связь между процессами анализа (толкования) и синтеза (порождения, генерирования).

В этой статье мы попытаемся показать практические возможности использования в обучении переводу некоторых положений теории выдающегося отечественного лингвиста И.А. Мельчука, названной им моделью «Смысл \leftrightarrow Текст» (СТ) и созданной в СССР во второй половине прошлого века. В начале своей книги «Опыт теории лингвистических моделей “Смысл \leftrightarrow Текст”» автор утверждает, что «естественный язык – это особого рода преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы» [4, с. 9] (именно двоякое функционирование модели и вызвало появление в её названии двунаправленной стрелки). В приведённом высказывании достаточно изменить порядок предложенных операций (переработка заданных текстов в соответствующие им смыслы, а затем выявленных смыслов – в соответствующие им тексты) и в первом случае вести речь о текстах на ЯО, а во втором – на ЯП, и мы получаем не что иное, как лингвистическую модель перево-

да с языка на язык. В любом случае, мало какая другая лингвистическая теория столь чётко продемонстрировала (хотя в явном виде и не декларировала) сходство построенной в её рамках модели с сущностью переводческого процесса и предлагала, по сути, пути поиска алгоритмов выделения смыслов и законов выражения их языковыми структурами.

Предложенную исследователем модель устройства и функционирования языка можно считать переломной, в некотором смысле венчающей достижения отечественного структурализма и едва ли не впервые вовлекающей в его орбиту не только, пусть значительный, но все же ограниченный набор грамматических явлений, но и фактически безграничную сферу лексики, вокруг которой строятся почти все современные – постструктуральные – лингвистические модели. По разным «внелингвистическим» причинам теория Мельчука оказалась не оценённой в полной мере и что самое главное – не востребованной в рамках тех задач, которые ставились не только перед ней, но и перед большинством других подобных направлений того времени – обеспечение лингвистической базы машинного перевода². Впрочем, прикладное значение разработанной и продолжающей разрабатываться Мельчуком, а также его единомышленниками и последователями теории было бы неверно сводить только к вполне отвечающей духу времени попытке создания компьютерных программ, поскольку некоторые компоненты предложенной модели в значительной степени не просто пригодны в процессе подготовки переводчиков, но и способны его систематизировать и интенсифицировать. Из разных аспектов теории Мельчука (семантический, поверхностно-синтаксический, глубинно-синтаксический, глубинно-морфологический и др.) в статье будет затронут лишь один – лексический, вернее, в терминологии создателя модели, компонент лексических функций (ЛФ), ставший одной из основ составления толково-комбинаторного словаря³. Кроме того, будут продемонстрированы практические возможности использования разработанной нами

² Вскоре после выхода книги «Опыт теории лингвистических моделей “Смысл \leftrightarrow Текст”» (первое издание появилось в 1974 г.) Мельчук уехал в Канаду, в результате чего на родине его книги и идеи, а главное – ссылки на их автора, были фактически запрещены, а на Западе не нашли понимания. Западные школы (например – американские) продолжали развивать положения порождающей грамматики, восходящие к идеям Н. Хомского (т.е. интерес концентрировался на правилах порождения чисто грамматических – морфологических и синтаксических – структур без учёта семантики их наполнения), а лингвистика в канадских университетах и вовсе находилась на периферии гуманитарной науки. Подробнее о судьбе книги и её автора см. [4, с. 315 – 346].

³ О задачах, особенностях, организации всего толково-комбинаторного словаря (ТКС) и отдельных его статей см. [3, с. 1 – 15].

на основе модели СТ методики обучения переводу с бенгальского языка⁴ на русский и с русского языка на бенгальский, используемой уже несколько десятилетий в процессе преподавания бенгальского языка в МГИМО и ставшей методической основой учебника бенгальского языка для старших курсов [5].

Использование модели Мельчука в процессе обучения переводу позволяет минимизировать количество немотивированных лексических элементов, сводя их к набору полнозначных существительных, остальные же предлагается рассматривать в качестве функций этих исходных элементов. Заметим, что структурирование лексики, как раз и приводящее к минимизации исходных элементов благодаря выделению и использованию лексических функций, представляется особенно удобным и экономным в сфере языка политики, наиболее стандартизированного (наряду с языком науки), отличающегося наибольшим числом устойчивых словосочетаний, а обучение переводу в нашем университете фокусируется именно вокруг него.

Может возникнуть вопрос, не устарела ли модель СТ за несколько десятилетий. Наши соотечественники, работающие в западных университетах, И. Большаков и А. Гельбух, отвечая на него, отметили актуальность теории, особо выделив именно ту её часть, которая избрана нами в качестве темы статьи, – выделенный И. Мельчуком набор ЛФ: «Только в модели СТ даны исчисления лексических функций... Это неотъемлемое и очень важное для модели средство синонимического варьирования предложений. Быть может, оно является наиболее важной особенностью модели, играющей ключевую роль в её механизме синтеза (генерации текста), по глубине проработки не имеющей аналога в генеративной традиции. Именно с помощью синонимического варьирования производится поиск реализуемых на поверхности синтаксических вариантов данного семантического представления **при переводе с одного языка на другой** (выделение наше. – И.П.). Лексические функции позволяют также стандартизовать семантическое представление, уменьшив разнообразие узлов

в нём» [1]. Важно при этом не путать введённое Мельчуком понятие ЛФ и понятие валентности: если первое подразумевает «качественную» семантическую сочетаемость ключевого слова, то второе, корректно применимое лишь к глаголу или предикативному имени, характеризует «количественную» сочетаемость слова: возможность присоединения к нему некоторого числа актантов ситуации, названной этим глаголом или предикативным именем: субъекта, прямого объекта, косвенного объекта, адресата, бенефицианта и т.д. вне зависимости от их конкретного лексического наполнения.

Мы, как и исследователи и последователи Мельчука, считаем его главной заслугой и центральной частью модели СТ построенную, а скорее – выявленную им систему ЛФ, под которыми понимаются семантически мотивированные импликации в лексической структуре языка. «С формальной точки зрения лексическая функция есть функция, аргументом которой являются некоторые слова и словосочетания данного языка, а значениями – множества слов и словосочетаний этого же языка» [4, с. 78], реализующие при этом слове его потенциальные семантически мотивированные комбинаторные возможности.

В процессе преподавания перевода на бенгальский язык используется лишь часть из выделенных Мельчуком функций, некоторые были определённым образом преобразованы, исходя из практических задач и особенностей, в том числе – частотности употребления и порождения их в бенгальском языке, часть используемых в процессе обучения переводу предложены нами.

Остановимся в качестве примера на основных, наиболее частотных из используемых нами на практике ЛФ. Большинство из них моделируют и структурируют область атрибутивных и предикативных сочетаний. Среди атрибутивных стандартными, а потому обязательными при обучении переводу, являются функции:

1) *Magn* (от лат. *magnus* — «большой»), обозначающая высокую степень/интенсивность, максимальное проявление качества определяемого имени⁵:

⁴ Бенгальский язык – один из крупнейших языков мира по числу говорящих (около 300 млн чел., государственный язык Народной Республики Бангладеш и один из официальных языков Индии) – относится к индоевропейской языковой семье, но, находясь на периферии области распространения языков этой семьи (самый восточный из индоевропейских языков) и гранича с ареалом сино-тибетских и аустразиатских языков, приобрёл ряд формально-типологических и контентивно-типологических черт, резко отличающих его даже от индоарийских собратьев.

⁵ *Magn* – одна из наиболее употребляемых функций, используемая «практикующими» переводчиками, и давно и прочно вошедшая в арсенал отечественных переводческих терминов.

анализ (ключевое, в терминологии Мельчука – заглавное, слово) – *тщательный*,
молчание – *полное, абсолютное, гробовое*,
признание – *всеобщее*,
благодарность – *глубокая*,
позиция – *твёрдая*,
вероятность – *большая, стопроцентная*,
аплодисменты – *бурные, продолжительные*.

2) *AntiMagn* – противоположна функции *Magn*, выражает минимальное проявление качества:

позиция – *шаткая*,
перемирие – *шаткое*,
аплодисменты – *жидкие*.

3) *Bon* (от лат. *bonus* – «хороший») – выражает положительное качество, положительную оценку имени/предиката говорящим:

влияние – *благотворное*,
политика – *разумная*,
приговор – *справедливый*,
гордость – *законная*,
предложение – *заманчивое*.

4) *AntiBon* – ЛФ, противоположная *Bon*, т.е. маркирует отрицательное качество, негативное отношение говорящего к имени/предикату:

политика – *непоследовательная, опасная*,
влияние – *отрицательное, тлетворное*.

При выделении функций *Bon* и *AntiBon* в бенгальском и русском политическом нарративе мы столкнулись с явлением, названным нами гиперсемантизацией политической лексики, под которой понимается присутствие дополнительного значения оценки (тех самых ЛФ *Bon* и *AntiBon*) в самих ключевых словах. Так, например, *пособник*, синоним слова *помощник*, уже содержит негативную оценку, а потому семантически может быть представлен как *AntiBon* слова *помощник*. То же с парами *сателлит* – *союзник*, *вояж* – *визит*, *мятеж* – *восстание*⁶ и рядом других.

Специфически, в данном случае – на уровне словообразования, могут реализоваться ЛФ *Bon* и *AntiBon* и в бенгальском языке. Примером наращивания смысла, то есть реализации ЛФ на словообразовательном уровне, является использование префиксов *su=* и *ku=*, придающих соответственно позитивное или негативное отношение к понятию, выраженному словом: *khyāti* – *известность, слава*, *sukhyāti* – *известность, доброе имя*; *kikhyaṭi* – «*дурная слава*». Для адекватного перевода, подразумевающего

среди прочего и передачу эмоции, обязательно следует учитывать возможность потенциально-го присутствия оценки, маркированной на словообразовательном уровне, как в бенгальском, или специально не маркированном, но, как в русском, изначально включающим сему оценки (в приведённых примерах – отрицательной, т.е. ЛФ *AntiBon*) в ключевое слово.

Лексические функции упорядочивают и систему предикатов (глаголов и предикативных имен).

Самыми частотными из них являются:

1) *Func* (от лат. *functio* – «исполнение»), называющая действие, «исполняемое», совершаемое «ключевым» словом: понятием/предметом, обозначаемым существительным (ключевое слово является его субъектом):

война – *идёт*,
мир – *царит*,
возмездие – *настигает*.

2) *Oper* (от лат. *operor* – «совершать») – действие, совершаемое над понятием/предметом, обозначаемым существительным, являющимся прямым объектом при *Oper*:

война – *вести*,
меры – *принимать*,
шаги – *предпринимать*,
мир – *поддерживать*.

3) *Constr* (от лат. *construo* – «строить») – действие, в результате которого понятие/предмет начинает существовать:

война – *начинать, развязывать*,
меры – *разрабатывать*.

4) *Destr* (от лат. *destruo* – «разрушать») – действие, в результате которого понятие/предмет перестаёт существовать:

война – *заканчивать*,
закон – *отменять*.

В системе функций *Constr* и *Destr* целесообразно подразделять функции, относимые к субъекту (*FuncDestr/Constr*) и к объекту (*OperDestr/Constr*).

Ср. *война началась* – *войну развязать*,
война окончилась – *войну завершить*.

Выделение ЛФ *Constr* и *Destr* из ряда ЛФ *Oper* чрезвычайно важно для бенгальского языка, где от семантики глагола зависит выбор окончания (нулевого или = *ke*) так называемого объектного падежа (отчасти совмещающего значения русских дательного и винительного).

⁶ Вспомним хотя бы известное двустишие С. Маршака: *Мятеж не может кончиться удачей,*
В противном случае его зовут иначе.

5) Conv (от лат. *conversio* – «преобразование») – конверсив, то есть слово, обозначающее то же отношение, что и ключевое, но рассмотренное «в ином направлении», то есть с перестановкой тех же актантов (участников описываемой ситуации) на другие места, с «взаимозаменяемой» синтаксических ролей одних и тех же участников ситуации:

покупать – продавать (покупка – продажа),

бояться – пугать (ролями в данных примерах меняются субъект и объект).

Кроме атрибутивных и предикативных функций целесообразно выделять универсальные лексические функции, равно применимые к разным частям речи:

1) Syn – синоним, то есть слово, совпадающее с ключевым словом по смыслу:

огромный – громадный – невероятных размеров;

2) Anti – антоним, т.е. слово, обозначающее предмет, свойство, состояние или действие, «противоположное» предмету, свойству, состоянию или действию, обозначенному ключевым словом:

трудный – лёгкий, простой,

враг – друг,

противник – союзник.

3) Correl (от лат. *correlatio* – «соотношение, взаимосвязь») – коррелят, т.е. слово, обозначающее соотносительное понятие, неантонимически противопоставленное лексическому элементу, входящему в тот же семантический класс:

физический – моральный,

частный – государственный.

Возможно совмещение разных функций в одном слове, тогда мы имеем дело с составными функциями, как, например, в уже приведённых нами FuncConstr или OperDestr. Возможны и другие сочетания ЛФ, например, FuncConstrMagn в сочетании *разразился кризис* (так как *разразиться*, а не *начаться* может только *серьёзный/глубокий кризис*). Эту возможность сочетания функций особенно важно учитывать в процессе перевода, так как ЯО и ЯП могут обладать разным лексическим, в том числе и метафорическим, потенциалом.

Наборы функций являются универсальными как для русского, так и для бенгальского языка, но различаются способами реализации, а пото-

му создание упорядоченной системы ЛФ в ЯО и ЯП, несмотря на кажущуюся сложность, структурирует и систематизирует и, как следствие, упрощает систему, а значит интенсифицирует и процесс предпереводческой подготовки (предварительное изучение лексики с учётом потенциально свойственных каждой лексеме ЛФ), и собственно обучение переводу.

Работа над обучением переводу заключается в том числе и в составлении каждым студентом особого переводческого бенгальского словаря, использующего в качестве словника набор наиболее употребимых существительных, которые «обрастают» набором стандартных ЛФ, возможных при конкретном имени⁷. В качестве примера приведём часть статьи (касающуюся исключительно ЛФ) подобного словаря, напомним при этом, что переводы предлагаются только для удобства читателей, так как вся необходимая для обучающихся информация уже содержится в названии самих функций.

Yuddha (война)

Magn: *dirghadiner (долгая), raktakṣayī (кровопролитная),*

Bon: *puṣṭa (справедливая), rabitra (священная),*

AntiBon: *anuyāya (несправедливая),*

Func: отсутствует,

Oper: *cālāna (вести),*

FuncConstr: *ṣuru haoṃa (начинаться),*

FuncConstrAntiBon: *bādhā (*развязываться),*

OperConstr: *ṣuru karā (начинать),*

OperConstrAntiBon: *bādhāna (развязывать),*

FuncDestr: *ṣeṣ haoṃa (прекращать),*

OperDestr: *ṣānti/yuddhabirati ghaṣaNa karā (объявлять мир/перемирие),*

Syn: *sāmarik andolan (военная кампания),*

Anti: *ṣānti (мир).*

Дополнительно в словаре могут приводиться наиболее частотные сочетания ключевого слова, не являющиеся его ЛФ, но выражающие сущностные для него характеристики. В нашем случае это: *mukti/svādhīnatā/uranibeṣbīrodhī (освободительная, за независимость, антиколониальная)*. Кроме того, обязательно указывается послелог, употребляемый при ключевом слове. В нашем случае это *biruddhe (против)* и никогда *sāthe/sange (с)*, так как эти бенгальские послелоги не настолько многозначны, как соот-

⁷ Так называемый переводческий словарь включает лишь часть ТКС, а именно – ЛФ и синтаксические валентности предикатов, выполняющих функции определённых ЛФ, с обязательным указанием флексий и предлогов (в русском)/послелогов (в бенгальском), используемых при оформлении «синтаксических ролей» участников ситуации (актантов).

ветствующие им в ряде контекстов русский «с» или английский «with», и не означают взаимности (ср. русск. война Восточного Пакистана с Западным), а лишь совместность (переведи мы дословно данное в качестве примера словосочетание, получили бы совершенно иной смысл: война Восточного Пакистана в союзе с Западным Пакистаном против кого-то третьего, не названного в предложении).

Вне поля этого словаря остаются лишь окказиональные сочетания, перевод которых представляет собой отдельную проблему и не рассматривается в этой статье. Сюда же попадают индивидуальные, новые, метафоры и индивидуальное эмоционально мотивированное употребление лексики из других стилистических сфер. Работа над составлением личного переводческого словаря ведётся студентом на протяжении всего времени обучения переводу и, как показывает преподавательский опыт, продолжается многими выпускниками уже во время их дальнейшей работы.

Многолетний опыт анализа качества переводов, в том числе и после приёма экзаменов по бенгальскому языку в разных организациях, показал, что большинство допускаемых ошибок (особенно в письменном и устном переводе на бенгальский язык) имеют своим источником не незнание грамматики или лексики (последнее отчасти компенсируется возможностью использовать словари), а именно слабое владение принципами лексической сочетаемости в самых, казалось бы, несложных местах. В качестве примера приведу запомнившийся мне случай перевода словосочетания *оглушительный успех* как *успех, приводящий к глухоте (ставший причиной глухоты)*, где причиной ошибки стало неумение увидеть в определении *оглушительный* всего лишь способ выражения высокой степени *успеха* (в терминологии ЛФ – функции Magn). Ещё более грустную картину дают так называемые компьютерные или он-лайн словари, однако множество подобных ошибок, традиционно относимых преподавателями к разряду *буквализ-*

мов, или *калькированного перевода*, можно было бы избежать, если бы изначально были выделены и систематизированы потенциальные ЛФ.

Коль скоро речь зашла о том, что максимальное число ошибок допускается в переводе на бенгальский язык, закончим статью замечанием, если не дезавуирующим роль лингвистической теории в обучении переводу, то некоторым образом ограничивающим (а может быть, дополняющим?) её. Известные теории перевода, традиционно выделяя ЯО (ИЯ) и ЯП (ПЯ), принципиально не концентрируют внимание на том, что один из этих языков является родным для переводчика, а другой – иностранным, и перевод с ЯО на ЯП временами подразумевают перевод с родного языка на иностранный, а иногда – наоборот. А.Д. Швейцер, например, в своём классическом труде отмечает, что теория перевода (а не практическое обучение ему!) видит в переводчике билингва, то есть человека, равно владеющего двумя языками. Проблема разделения «родного – иностранного» в теоретическом отношении интересна разве что психолингвистам⁸. Оппозиция «родной – иностранный» отсутствует и у Мельчука, что в его случае тоже вполне объяснимо, так как его задача – построить модель языка, а не модель перевода. Различение «родного» и «иностранного» учитывается в другом жанре – в руководствах, учебниках и методических пособиях по переводу. Степень владения родным и иностранным языками различна (факт, сознательно упускаемый теоретиками, строящими идеальную модель перевода), что важно учитывать особенно в университетах, подобных МГИМО, где умение переводить является важным, если не главным, показателем знания иностранного языка (экзаменационные требования обязательно включают перевод в качестве основного вида работы), но задача подготовки профессиональных переводчиков, способных осуществлять разные виды перевода на любых, в том числе и высшем, уровнях не ставится. Однако, как показывает жизнь, большинство из выпускников МГИМО вынуждены, по край-

⁸ Ссылаясь на немецкого психолингвиста В. Вильса, Швейцер в разделе, посвящённом роли психолингвистики в теории перевода, отмечает, что «оптимальным направлением перевода является направление «иностранного языка – основной (т.е. родной. – примечание наше. И.П.) язык». Это объясняется тем, что при билингвизме (а компетенция переводчика является компетенцией билингва) компетенция в сфере основного языка интернализуется в более высокой степени, чем компетенция в сфере второго языка. Исходя из доминирующей роли компетенции в сфере основного языка, можно сделать вывод о том, что при направлении «иностранного языка – основной язык» существует большая вероятность точного анализа и адекватного преодоления переводческих трудностей (что, разумеется, не исключает полностью возможности успешного перевода в обратном направлении). При этом при переводе в направлении «иностранного языка – основной язык» трудности рецептивного характера, связанные с анализом исходного текста, проявляются в большей мере, чем трудности репродуктивного характера, связанные со структурированием конечного текста на языке перевода» [7, с. 26].

ней мере на начальном этапе своей дипломатической службы, исполнять роль переводчиков. Поэтому преподаватели традиционно, осознанно или неосознанно, «подменяют» классическую теоретическую дихотомию ЯО – ЯП на «русский (родной) – иностранный» и опять же почти интуитивно используют разные типы подготовительных упражнений при обучении переводу с иностранного (в нашем случае – бенгальского) языка на русский и с русского на иностранный. Перевод с иностранного языка является аналогом процесса *анализа* (выявления смысла), тогда как перевод с родного языка на иностранный – аналог *синтеза* (генерирования текста). И как синтез, так и анализ не являются полностью зеркальными процессами, хотя бы потому, что используют разные и противоположно направленные механизмы (достаточно сравнить многочисленные аналитические, или дескриптивные, и порождающие грамматики, ничем друг друга не напоминающие). Переходя от лингвистических аналогий к бытовым, сравним перевод с иностранного на родной с разматыванием клубка, а перевод с родного на иностранный – с наматыванием. Как при разматывании клубка надо найти кончик нити и совершать прерывистый ряд поступательных движений, а в наматывании рука совершает вращательные движения, так и в переводе с иностранного и родного используются, а значит – должны тренироваться, разные «движения»: в переводе с иностранного – исходным «кончиком нити» является предикат (как правило, выраженный глаголом), а затем «разматываются» связанные с ним сначала актанты, а потом сирконстанты; при переводе на иностранный центром, постепенно обрастающим грамматическими связями, является центральная смысловая лексема (как правило – имя), либо самостоятельная, либо с любой из её лексических функций. Вот в этом процессе и является практически незаменимой модель И.А. Мельчука. Выбор исходного элемента в разнонаправленных видах перевода особенно важен при подготовке и выполнении давно вошедших в преподавательский оборот подготовительных переводческих упражнений типа

«снежный ком», предполагающих поэтапное наращивание элементов вплоть до образования полного, грамматически правильного предложения или целого абзаца. Так, в переводе с иностранного языка логично начинать «снежный ком» с предиката, тогда как в переводе с родного – это практически бесполезно – невозможно, например, начать переводческую цепочку с русского глагола *принимать*, если неизвестно, какова будет следующая ступень: *закон, гостя, лекарство* или *верительные грамоты*. В бенгальском языке, например, для этих случаев используются четыре разных глагола (*grahaN karā, sambardhana jānāna, khāoyā, neoyā*). Однако если начать с любого из приведённых существительных, возможные предикативные ЛФ которых известны обучающимся, цепочка выстраивается легко и логично. Таким образом, напрашивается вывод, что описанный нами опыт построения системы ЛФ применим, скорее, для перевода на иностранный язык.

Описанный в статье фрагмент методики обучения переводу, опирающейся на языковую модель Мельчука, после многолетней апробации в аудиторной работе со студентами сначала ИСАА МГУ, а затем МГИМО был использован её автором в учебнике бенгальского языка для старших курсов [5]. Неожиданное понимание эта методика вызвала в Бангладеш, где в ноябре 2017 году автору довелось рассказывать на научной конференции, посвящённой изучению иностранных языков, о принципах обучения переводу на родной для бангладешцев язык. Как позднее выяснилось, директор Института языков Даккского университета, на базе которого и проводилась конференция, закончил в своё время Монреальский университет и писал диссертацию под руководством профессора Мельчука. Впрочем, автор надеется, что продемонстрированные возможности использования «старых» теорий в новом контексте и для новых, частных и чисто прагматических задач могут показаться интересными или даже полезными не только для тех, чьи теоретические пристрастия формировались под влиянием замечательного русского лингвиста.

Список литературы

1. Большаков И.А., Гельбух А.Ф. Модель «Смысл←→Текст». Тридцать лет спустя. Режим доступа: <https://www.gelbukh.com/CV/Publications/2000/Forum-MTM>. (Дата обращения: 15 мая 2019 г.).

2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
3. Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл \leftrightarrow Текст» / И.А. Мельчук. М. Вена: Школа «Языки русской культуры», 1995. 682 с.
4. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \leftrightarrow Текст» / И.А. Мельчук. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 345 с.
5. Прокофьева И.Т., Калинина Ю.С. Бангладеш: история и политика. Учебник бенгальского языка для старших курсов / И.Т. Прокофьева, Ю.С. Калинина. М: МГИМО-университет, 2016. 515 с.
6. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы) / А.В. Федоров. М.: Издательский дом «Филология три»; СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 416 с.
7. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. М.: Наука, 1988. 215 с.

Сведения об авторе:

Прокофьева Ирина Тенгизовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва). Научные интересы: лингвистика, индийская филология, история культуры Южной Азии. E-mail: iprok@mail.ru.

THE ‘MEANING \leftrightarrow TEXT’ LINGUISTIC MODEL AS THE THEORETICAL BASIS FOR INTERPRETERS’ TRAINING

Irina T. Prokofieva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *In the article devoted to the problems of training translators from Bengali into Russian and from Russian to Bengali, the author proceeds from the presumption that the basis of translation theory, which is a field of interdisciplinary research, lies primarily in the linguistic theory and the ideas that the structure and functioning of a language determine the choice of a translators’ training strategy. As a theoretical basis of translators/interpreters’ training, the author suggests using some components of the linguistic model created by I.A. Melchuk in the 1970s.*

This theory, for various reasons, was not fully claimed, but its potential is so great that it seems possible to use many of its components, and the main of them is the system of so-called lexical functions. The approach allows to structure the lexical fund of both (foreign and native) languages and reduce the number of unmotivated lexical elements to a limited set of nouns, while other words can be considered as functions of these initial elements. In addition, the structuring of vocabulary leading to the minimization of the initial elements due to the selection and use of lexical functions, is particularly convenient and economical in the field of so-called political language.

Key Words: *translation theory, Bengali Language, linguistic basis of translation, the ‘Meaning \leftrightarrow Text’ model, synthesis, analysis, lexical function, attribute and predicative constructions, explanatory combinational dictionary, translators’ dictionary*

References

1. Bolshakov I.A., Gelbukh A.F. Model’ ‘Smysl \leftrightarrow Tekst’. Tridtsat’ let spustia [The ‘Meaning \leftrightarrow Text’ Model. Thirty Years Later]. Available at: <https://www.gelbukh.com/CV/Publications/2000/Forum-MTM>. (Accessed: 15 May, 2019 г.).
2. Komissarov V.N. Teoriia perevoda (lingvisticheskie aspekty) [The Theory of Translation (Linguistic Aspects)] / V. N. Komissarov. M.: Vysshiaia shkola, 1990. 253 p.
3. Mel’chuk I.A. Russkiiy iazyk v modeli “Smysl \leftrightarrow Tekst” [Russian Language in the ‘Meaning \leftrightarrow Text’ Model] / I.A. Mel’chuk. M.–Vein: Shkola ‘Iazyki Russkoy Kultury’, 1995. 682 p.

4. Mel'čuk I.A. Opyt teorii lingvisticheskikh modeley 'Smysl \leftrightarrow Tekst' [Towards the Theory of the 'Meaning \leftrightarrow Text' Linguistic Model] / I.A. Mel'čuk. M.: Shkola 'Iazyki Russkoy Kultury', 1999. 345 p.
5. Prokofieva I.T., Kalinina Y.S. Bangladesh: istoriia i politika. Uchebnik bengal'skogo iazyka dlia starshikh kursov [Bangladesh: History & Politics. The Bengali Language Textbook for Advanced Students] / I.T. Prokofieva, Y.S. Kalinina. M: MGIMO-universitet, 2016. 515 p.
6. Fedorov A.V. Osnovy obschey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) [Fundamentals of General Theory of Translation (Linguistic Problems)] / A.V. Fedorov. M.: Isdatelskiy dom "Filologiya tri". SPb: Filologicheskii fakultet SPbGU, 2002. 416 p.
7. Schweitzer A.D. Teoriia perevoda: Status, problem, aspekty [Translation Theory: Status, Problems, Aspects] / A.D. Schweitzer. M.: Nauka, 1988. 215 p.

About the author:

Prokofieva Irina T. – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Indo-Iranian and African Languages, MGIMO-University (Russia, Moscow). Spheres of Interest: linguistics, Indian philology, history of South Asian culture. E-mail: iprok@mail.ru.

* * *

АЛЛЮЗИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РОМАНАХ *PAST IMPERFECT* ДЖУЛИАНА ФЕЛЛОУЗ И *RULES OF CIVILITY* АМОРА ТАУЛИЗ (В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ)

Т.А. Ивушкина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В центре исследовательского внимания находятся аллюзивные элементы (аллюзии и цитаты) в произведениях двух современных писателей – Джулиана Феллоуз (Julian Fellowes) “Past Imperfect” (Великобритания) и Амора Таулиз (Amor Towles) “Rules of Civility” (США). Впервые применяется социолингвистический подход с целью установления корреляционной зависимости между двумя переменными – аллюзивными элементами в художественном тексте и социальным статусом персонажа/автора; впервые проводится сопоставительный анализ аллюзивных элементов в произведениях британской и американской литературы XXI века для выявления общих и их культурно-специфических разновидностей. Материалом для исследования послужили произведения авторов – выпускников престижных университетов Великобритании и США, изнутри знакомых с языком и культурой высших классов и ярко воссоздающих в своих романах социальную картину общества. На материале двух романов установлено, что аллюзивные элементы (аллюзии и цитаты) являются свойством речи представителей высших классов, а художественные произведения, изобилующие аллюзиями, предназначены для читателей с высоким уровнем образования и социального статуса. Выявлены разновидности аллюзий, а также общие и характерные только для британской или американской литературы аллюзии, что даёт возможность увидеть особенности формирования двух культур, а также отражение происходящих в XXI веке процессов глобализации.

Ключевые слова: аллюзия, разновидности аллюзий, художественная литература XXI века, социолингвистический подход, сопоставительный анализ, литература Великобритании, литература США, высшие классы

1. Введение

Не будет преувеличением сказать, что аллюзии принадлежат к одному из самых привлекательных для исследования разделов филологии: с античных времён они изучаются с разных позиций и на материале самых разных жанров [1; 5; 7; 9; 10; 11; 12; 14], что доказывает особую роль, которую они играют прежде всего в художественном тексте.

Однако, несмотря на достаточное количество работ в этой области, по мнению В.П. Москвина, «аллюзия считается одной из наименее определённых категорий стилистики». Прежде всего, по мнению учёного, из-за недостаточно чёткого разведения таких приёмов, как: 1) текстовая аллюзия; 2) эпитроп; 3) аппликация» [8, с. 37]. В своей статье «К уточнению понятия “аллюзия”» В.П. Москвин дифференцирует эти понятия следующим образом: если «эпитроп» (греч. ἐπιτροπή –

намёк, букв. «поворот к чему-л.») – это «фигура отсылки» нелитературного характера, фигура косвенного сообщения, часто используемая для характеристики предмета или явления и в целях эфемистического намёка, то «текстовая аллюзия» – это завуалированная и краткая отсылка к другому литературному произведению, которая является «номинативной свёрткой исходного текста или его фрагмента». Апликация же, по мнению учёного, «состоит в использовании фрагмента известного адресату текста без ссылки на источник» [8, с. 40].

Поскольку эпитроп не является отсылкой к литературному произведению, а грань между аллюзиями и апликациями довольно тонкая (наличие или отсутствие ссылки на источник), в научных исследованиях, как правило, не делаются подобные разграничения. Тем более что при изучении художественного текста, как в нашем случае, наиболее важным представляется тот уровень знаний и образованности англичанина (персонажа/автора), который необходим для узнавания источника ссылки и «дешифровки» заложенной автором информации, и в конечном счёте – для понимания художественного замысла произведения, что неизбежно приводит к понятию «филологический вертикальный контекст», который был введён И.В. Гюббенет в соавторстве с О.С. Ахмановой ещё в 1977 году в статье «Вертикальный контекст как филологическая проблема» [2; 7]. Под вертикальным контекстом понимается определённый объём историко-филологического характера, имплицитно заложенный в художественном произведении и не выводимый непосредственно из текста самого произведения (в отличие от горизонтального контекста). Аллюзии и цитаты, согласно И.В. Гюббенет, – это одна из разновидностей историко-филологического вертикального контекста, наряду с идиомами, пословицами и поговорками, топонимами и антропонимами, и использованием французского языка, которые требуют особых знаний и усилий со стороны читателя/слушателя для более полного и адекватного понимания текста.

Аллюзии изучаются и с позиции интертекстуальности, под которой подразумевается включение в текст инородного текста (поэзии, писем, дневников) или фрагментов других текстов в виде аллюзий, реминисценций и цитат. Аллюзивные элементы рассматриваются как смена речи автора, как диалог культур и суть нашего существования (по определению Бахтина) [3; 4]. Проблемы интертекстуальности (термин Ю.

Кристовой введён в 1967 году) в настоящее время активно изучаются в работах как зарубежных, так и российских филологов [1; 4; 6; 11; 13; 18].

2. Материал и цели исследования

В данной статье аллюзивные элементы рассматриваются как часть филологического вертикального контекста. По своей природе аллюзии и цитаты сложны для «дешифровки» и требуют от читателя/адресата высокого уровня образованности, это та часть художественного текста, которая рассчитана на взыскательного и интеллектуального читателя с классическим образованием. В наших ранних исследованиях [8; 16; 17], проведённых на основе анализа английской художественной литературы XIX–XX вв., аллюзии и цитаты отмечались в качестве одной из основных характеристик социальной идентификации представителей высших классов Великобритании. Данное исследование является продолжением социолингвистического анализа аллюзивных элементов в английской художественной литературе XXI века и началом сопоставительного анализа аллюзий и цитат в современной британской и американской художественной литературе с целью выявления корреляции между двумя переменными – аллюзиями и социальным статусом говорящего или пишущего (персонажа или автора), и подтверждения универсальной социальной природы и знаковости аллюзивных элементов. На основе анализа аллюзий в двух романах – британского писателя Джулиана Феллоуз *The Past Imperfect* (2008) [15] и американского писателя Амора Таулиз *Rules of Civility* (2012) [19] – ставится цель определения разновидностей аллюзивных элементов, используемых в современной литературе, и на основе сопоставительного анализа аллюзий и цитат в двух культурах – выявление общего «ядра» и культурно-специфических аллюзивных элементов в анализируемых романах.

Следует особо остановиться на выборе произведений художественной литературы для проведения исследования. Для нас принципиальным был отбор авторов: прежде всего они должны быть выпускниками классических университетов с образцовым классическим образованием. Джулиан Феллоуз (Julian Alexander Kitchener-Fellowes, Baron Fellowes of West Stafford) – английский актёр, новеллист, режиссёр и сценарист, известный как автор романов *Snobs*, *Gosford Park*, автор сценария к сериалу

Downtown Abbey, пэр, член Палаты лордов, обучался в частной школе, обучался и преподавал английскую литературу в Кембридже, в Magdalene College. Амор Таулиз окончил Йельский университет и получил степень магистра в Стэнфордском университете. Писатели соответствуют классическому уровню образования. Во-вторых, писатели должны хорошо знать высшее общество изнутри, чтобы воспроизводить все характерные тонкости речи и поведения его представителей, а также всего социально неоднородного общества. В-третьих, произведения для анализа должны быть близкими по содержанию. Отобранные для исследования романы соответствуют этим требованиям: в них обрисовываются высшие классы британского общества и те неизбежные процессы в их социальном поведении, которые были вызваны демократическими процессами и усилением роли средних классов общества. В американском романе в центре внимания находятся амбициозные средние классы, стремящиеся подняться «вверх» по социальной лестнице с помощью инструкций и пособий для карьеристов, и результаты, которых они достигают. Интересно название романа – *Rules of Civility*: оно является аллюзией к переписанным Джорджем Вашингтоном в возрасте 16 лет правил, сочинённых французскими иезуитами в 1595 году, *110 Rules of Civility & Decent Behaviour in Company and Conversation* [20], и вошедших в роман в качестве приложения.

3. Анализ материала

Анализ двух романов позволил выбрать аллюзии и цитаты, систематизировать их и на этой основе выделить определённые классы аллю-

зивных элементов, как общие для британского и американского романов, так и отмеченные только в одном из них. На основе проведённого анализа были выявлены следующие группы аллюзивных элементов, которые можно назвать общими для двух культур:

А. АЛЛЮЗИИ К БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1) Уильям Шекспир

Аллюзии к произведениям Уильяма Шекспира остаются релевантными для художественной литературы XXI века. В своих исследованиях вертикального контекста на материале художественной литературы XX века И.В. Гюббенет отмечала самый высокий уровень употребления аллюзий к работам известного британского драматурга. По двум современным романам трудно обозначить место Шекспира среди цитируемых писателей и произведений, однако можно утверждать, что отсылки к персонажам и гению Шекспира встречаются как в британской, так и в американской литературе. В романе Феллоуз образ шекспировской Титании из пьесы «Сон в летнюю ночь» всплывает для характеристики главной героини романа Сирины – самой яркой представительницы аристократического общества, чтобы показать её оторванность от реальности и потерянность, потерянность высших классов в целом, вызванную социальными изменениями в обществе, и в следствии этого – авторскую боль и чувство разочарования. В романе *Rules of Civility* с гигантом Шекспира сравнивается один из самых популярных комедийных актёров Америки – Groucho из Max Brothers, самой известной в первой половине XX века комедийной семьи с Бродвея.

BRITISH	AMERICAN
Julian Fellowes' <i>The Past Imperfect</i>	Amor Towles's <i>The Rules of Civility</i>
It is still an offence to me that, of all people on earth, she should have married Andrew Summersby. How could my goddess have married this clottish beast of burden willingly? At least Shakespeare's Titania chose Bottom when she was on drugs. My Titania picked her Bottom when stone-cold sober and with her eyes wide open [15, p.232-233].	It was <i>A Day at the Races</i> . In typical Marx Brothers fashion, the stiff and sophisticated made early appearances, establishing a sense of decorum, which the audience politely abided. But at the entrance of Groucho, the crowd sat up in their seats and applauded – like he was a Shakespearean giant returning to the stage after a premature retirement [19, p.29].

2) Джейн Остен, сёстры Бронте и Чарльз Диккенс

Следует подчеркнуть особое место Джейн Остен среди цитируемых авторов. Без аллюзий к её личности, произведениям или героиням редко обходится художественное произведение, в центре повествования которого жизнь аристократического общества или мелкопоместного

дворянства. Объяснением этому является настолько тонкое и детальное воспроизведение уклада жизни, манеры речи, поведения и культуры данной социальной прослойки в целом, что отсылки к тексту писательницы способны вызывать социально значимые ассоциации и смыслы, не требующие комментариев для тех, кто является «своим».

British Julian Fellowes' <i>The Past Imperfect</i>	American Amor Towles's <i>The Rules of Civility</i>
1. There is a moment in <i>Pride and Prejudice</i> when Elizabeth Bennet catches sight of her sister who has returned with the dastardly Wickham, rescued from disgrace by the efforts of Mr. Darcy. 'Lydia was Lydia still', she comments. Well, Damian Baxter was Damian still. That is, while the broad and handsome young man with the thick curls and the easy smile had vanished and been replaced by a hunched figure resembling no one but so much as Doctor Manette, I could detect that distinctive, diffident stutter masking a deep and honed sense of superiority, and I recognized at once the old, patronizing arrogance in the flourish with which he held out his bony hand. I smiled. 'How very nice of you,' I said [15, p. 12-13]. 2. 'What have you come as?' Lucy was <u>dressed in a Jane Austen</u>, white frock, high-waisted and pure, with a ribbon round her throat and her artificial ringlets sewn with tiny, white silk roses. She looked artful rather than innocent, but charming nonetheless [Ibid., p. 132].	1. She eyed the bedside table. – Look at this, she groaned. <i>Charlotte Brontë. Emily Brontë. Jane Austen</i>. Tinker rehabilitation plan. But didn't they all die spinsters? – I think Austen did. – Well, the rest of them might as well have. The remark caught me so off guard that I burst out laughing. Eve laughed too. She laughed so hard that her hair fell over her face. It was the first good laugh the two of us had had since the first week of the year [19, p. 73-74]. 2. – Dickens. Remember that day in June when you spying on me at the Plaza? You had one of these novels in your bag and it triggered some fond memories. So I dug up an old copy of <i>Great Expectations</i>. I hadn't opened the book in thirty years. I read it cover to cover in three days. – What did you think? – It was great fun, of course. The characters, the language, the turns of events. But I must admit that this time around, the book struck me as a little Miss Havisham's dining room: a festive chamber which has been sealed off from time. It's as if Dickens's world was left at the altar [Ibid., p. 285].

В приведённых примерах из британского романа (пример 1) встречаем аллюзию к Лидии, героине романа Джейн Остен *Pride and Prejudice*, для подчёркивания аристократизма главного героя романа – Дамиана, который, хотя и не принадлежал по крови к высшим классам общества, смог стать одним из их ярких представителей и сохранил, как и Лидия после эпизода своего «спасения», гордость и чувство превосходства, несмотря на рак, до неузнаваемости изменившего его физически. В этом же отрывке Дамиан сравнивается с доктором Мане из романа Чарльза Диккенса *A Tale of Two Cities*, чтобы передать состояние изгоя, в котором находились оба персонажа, стоицизм обоих и одинаковую участь – в результате постигшую их смерть. Аллюзии к творчеству Чарльза Диккенса и его произведениям объясняются непревзойдённым талантом писателя и его мастерством в изображении бедных и обездоленных британского общества на фоне процветающего класса аристократии XIX века. Во втором примере метонимия 'dressed in a Jane Austen' передаёт моральную чистоту как писательницы, так и её героинь. Для понимания этой аллюзии читатель должен быть хорошо знаком с жизнью и творчеством известной английской писательницы.

Пример 1 из американского романа свидетельствует о том, что Джейн Остен, сёстры Бронте и Чарльз Диккенс являются писателями в списке обязательных для прочтения всеми, кто стремится к социальному успеху. Это подтверждает мысль о том, что культура высших классов британского общества наиболее ярко представлена в творчестве указанных писателей и аллю-

зии служат знаками социального положения и статуса. Ссылка на Чарльза Диккенса и его роман *Great Expectations* (пример 2) наполняется новым содержанием и передаёт «большие надежды» и ожидания героев изменить свою жизнь к лучшему, стать другими, социально более успешными. Однако вновь перечитанный героиней роман Чарльза Диккенса, с которым связаны воспоминания о прошлом, через гостиную мисс Хэвишем, ставшей символом полного морального и физического упадка и деградации, передаёт детские болезненные воспоминания героини о разводе своих родителей и его последствиях.

3) Агата Кристи

Агата Кристи (Dame Agatha Mary Clarissa Christie, Lady Mallowan), яркая представительница высших классов Великобритании, получившая орден британской империи за вклад в литературу, самая известная писательница, создавшая незабываемые детективы с Эркюлем Пуаро и Мисс Марпл. Популярность Агаты Кристи и аллюзии к её персонажам объясняются остро сюжетными детективами с незабываемыми развязками, не поддающимися разгадке читателем. Главной особенностью её рассказов является их непредсказуемость: всё, что нас окружает, оказывается не тем, чем казалось. Это мысль отражается в отрывке из романа Амора Таулиз антономазией *Agatha Christies*.

Аллюзия к Эркулю Пуаро в британском романе выражает авторскую иронию к внешнему виду и манерам водителя, который поразил автотора своей наигранностью и неестественностью, всем своим видом и манерой говорить напоминающего одного из персонажей Агаты Кристи.

British	American
...I found myself approached by a uniform chauffeur – or rather someone who looked like an actor playing a chauffeur in an episode of <i>Hercule Poirot</i> – who replaced his peaked cap after introducing himself in low and humble tones, and led the way outside to a new Bentley... [15, p. 9].	But there are certain times when chance suddenly provides the justice that Agatha Christies promise. We look around at the characters cast in our lives – our heiresses and gardeners, our vicars and nannies, our late-arriving guests who are not exactly what they seem – and discover that before the end of the week-end all assembled will get their just deserts [19, p.252].

4) Вирджиния Вульф

Ещё одна представительница высших классов Великобритании, вошедшая в историю литературы как ведущая писательница модернистского направления в литературе XX века, известная экспериментами с потоком со-

знания и отражением эмоциональности своих персонажей, а также как новатор английского языка. Аллюзии и цитаты из её произведений вызывают трудности для прочтения в силу указанных особенностей её литературного творчества.

British	American
I'm sure the newcomers, an army general with a nice wife and a nearby landowning couple, had no idea that their dear friends, Peter and Billie, had been playing out a touring version of <i>Who's Afraid of Virginia Woolf</i> until just before they broke up to have their baths [15, p.365].	I picked up the book on top. None of the pages were dog-eared, so I started at the beginning. "Yes, of course, if it's fine tomorrow," said Mrs. Ramsay. "But you'll have to be up with lark," she added. To her son these words conveyed an extraordinary joy, as if it were settled, the expedition were bound to take place, and the wonder to which he had looked forward, for years and years it seemed, was, after a night's darkness and a day's sail – Oh, stop, Eve said. It's dreadful. What is it? – Virginia Woolf. – Ugh. Tinker brought home all these novels by women as if that's what I needed to get me back on my feet. He's surrounded my bed with them. It's as if he's planning to brick me in [19, p.68].

В романе Феллоуз отсылка к пьесе американского драматурга Эдварда Олби «Кто боится Вирджинии Вульф?» [21] делается с целью передать тот психологический кошмар откровений и словесную игру двух пар, в которую они вступают под воздействием алкоголя, чтобы задеть друг друга и вызвать самые неожиданные эмоции. Именно на этом и построена пьеса – на взаимоотношениях двух семейных пар университетских преподавателей. Имя писательницы в названии пьесы отражает психологизм и эмоциональность в обрисовке своих героев, который отличал творчество Вирджинии Вульф. Пример демонстрирует аллюзию к творчеству писательницы через пьесу Эдварда Олби.

В отрывке из *Rules of Civility* приведённая цитата из романа Вирджинии Вульф *To the Lighthouse* передаёт то ожидание перемен "the expedition were bound to take place", которым жил и к которым стремился один из главных персонажей – Тинкер. Реализации его амбициозных планов служил целый список авторов, в который входила и Вирджиния Вульф. Это была программа по социальному росту Тинкера.

В. АЛЛЮЗИИ В АМЕРИКАНСКОМ РОМАНЕ

В романе Амора Таулиз находим многочисленные названия и отсылки к американским

произведениям, которые отражают национальную культуру и историю Америки. Это то, что составляет культурно-специфическую разновидность аллюзивных элементов в американском художественном произведении. Среди них Марк Твен:

– I remember Mark Twain writing about an old woman who piloted a barge – the kind that ferried people from a landing on one side of the river to a landing on the other.

– In *Life on the Mississippi*?

– I don't know. Maybe. Anyway – over thirty years, Twain figured this man had shuttled back and forth so often that he'd traveled the length of the river twenty times over, without leaving his county.

Tinker smiled and shook his head.

– That's what I feel like sometimes. Like half my clients are on their way to Alaska while the other half are on their way to the everglades – and I'm the one going from riverbank to riverbank [19, p. 41].

Марк Твен, имевший в юности опыт лоцмана парохода на реке Миссисипи, не раз возвращался к её берегам и являлся свидетелем происходивших на ней изменений, которые он впоследствии отразил в своей трилогии *Life on the Mississippi*. Река символизирует жизнь человека со всеми происходящими в ней изменениями, как течение реки Миссисипи. Человек не

может стоять на месте, он должен быть решительным и двигаться вперед, особенно в возрасте 30 лет. Такой смысл считывается из этого отрывка, описывающего так и не смеющего в свои 30 лет молодого человека решиться на поступки.

Среди аллюзивных элементов встречаются имена и литературные произведения самых ярких представителей американской литературы – Эрнеста Хемингуэя, Уолта Уитмена – его стихи *Leaves of Grass*, Джеймса Фенимора Купера – *The Last of the Mohicans and Deerslayer*, Генри Дэвида Торо – *Walden; or, Life in the Woods*. Среди книг и те, что создаются как книги-пособия для амбициозных людей, для тех, кто хочет стать успешным в своей карьере: Дейла Карнеги *How to Win Friends and Influence People* и Джорджа Вашингтона *110 Rules of Civility*.

С. АЛЛЮЗИИ В РОМАНЕ ДЖУЛИАНА ФЕЛЛОУЗ

Аллюзии в английском романе отличаются исторической перспективой и отсылают читателя к истории литературы Великобритании разных периодов, начиная со средневековой литературы:

– рыцарского романа *Tristan and Isolde* и *Holy Grail* – We seemed to have gone from nought to a hundred miles an hour in less than two minutes. Damian had given the impression of a one-night stand, but, for Dagmar it was *Tristan and Isolde* [15, p.167];

– Чосера: – ‘Don’t you think people have been asking themselves that since Chaucer first sharpened his pencil?’ [Ibid., p.195];

– литературы более позднего XV11 века – эпической поэмы Джона Милтона *Paradise Lost*: ‘No. More’s the pity, though I never thought I’d say it. He was always so stuck up and tedious when they were going out, but now, glimpsed across the chasm of the years, he seems like *Paradise Lost*. Her husband was American. You wouldn’t know him either. Nor would I, if I didn’t have to...’ [Ibid., p.107];

– поэтов-романтиков: Байрона и Китса: ‘It would make her female.’

‘There we are, then.’ I smiled. ‘I like the way she cannot curse you. It’s quite Keatsean. Like a verse from ‘Isabella, or The Pot of Basil’: “She weeps alone for pleasures not to be.”’ [Ibid., p.22];

– литературы XIX века: пьес Оскара Уайльда и Бернарда Шоу *Pygmalion*, и кончая литературой XX века – *Winnie-the-Pooh* Милна.

Английские книги *Peerage and Gentry, Sloane Ranger Handbook* способствовали появлению

американских книг-инструкций Карнеги и других о том, как стать успешными и подняться по социальной лестнице.

Д. АЛЛЮЗИИ К МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Процессы глобализации, взаимодействие народов и культур находят своё непосредственное отражение в литературе и прежде всего в аллюзиях и цитатах на произведения мировой литературы. Анализ аллюзивных элементов в двух произведениях показал, что, как и предполагалось, американская культура, неоднородная с момента своего формирования, отражает в большей степени литературные произведения мировой литературы. На основе только двух романов нельзя делать глубокие обобщения, однако уже на данном этапе исследования можно отметить наличие большего количества аллюзий к произведениям мировой литературы, чем в британском романе, в том числе к русской классической литературе – Льва Толстого («Анна Каренина») и Федора Достоевского, Антона Чехова («Вишнёвый сад»), к немецкой – Гёте («Фауст»), к итальянской – Данте Алигьери («Божественная комедия»), к испанской – Джорджа Сантьяна и французской – Марселя Пруста. Роман британского писателя изобилует историческими именами, в том числе членов королевской семьи и государственных деятелей, аллюзиями к произведениям искусства, музыки и архитектуры, кулинарии, а также кино и киносериалам, к знаковым событиям меняющегося времени, что не входило в объект данного исследования. Следует также отметить, что, безусловно, интересы писателя и его происхождение играют важную роль и обязательно должны учитываться при анализе художественного произведения.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ аллюзивных элементов в двух романах – *Past Imperfect* Джулиана Феллоуз и *Rules of Civility* Амора Таулиз подтвердил прежде всего социальный характер аллюзий – рассмотренные и проанализированные примеры невозможно понять без глубоких знаний истории, литературы, философии, что требует классического образования, построенного в том числе на знании мировой культуры и иностранных языков (латинского, греческого и французского). Аллюзии в художественном произведении служат своего рода кодом для передачи информации (новых смыслов, эмоций, отношения) тем, кто

разделяет его. Об этом свидетельствует сам факт существования общего фонового знания представителей высших классов Великобритании и США, которое включает в себя литературное наследие Уильяма Шекспира, Джейн Остен, сестёр Бронте, Чарльза Диккенса, Агаты Кристи и Вирджинии Вульф. Все, за исключением Чарльза Диккенса, являются представителями и носителями культуры высших классов. Опираясь на анализ двух романов, можно сделать вывод о том, что аллюзивные элементы служат подчёркиванию определённых черт характера героев, их эмоционального состояния или ситуаций, в которых они оказываются, а также отражению авторского, как правило, ироничного, отношения к своим героям.

Несмотря на общее «ядро» аллюзивных элементов, можно отметить более «поверхностный»

и атрибутивный характер аллюзий в американском романе, в котором они осознанно используются как «знаки» социально привилегированного статуса. Принадлежность к американской культуре сигнализируется аллюзивными элементами, отсылающими читателя к наиболее ярким представителям американской литературы и к произведениям мировой литературы. В английском романе, по контрасту, культурно-специфические особенности проявляются через аллюзии к литературным произведениям всего исторического периода развития английской литературы, а процессы глобализации находят своё отражение в названиях интернациональной кухни, исторических мест и личностей, ссылках на государственных деятелей и членов королевской династии, архитектурные памятники и артефакты.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М., 1990.
2. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. №3. 1977.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. М.: Советский писатель, 1963, 363 с.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Бахтин М.М. / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979, 423 с.
5. Болдырева Л.В. Социально-исторический вертикальный контекст: (на материале английской художественной литературы) / Л.В. Болдырева. М.: Диалог, 1997, 88с.
6. Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия РАН. Т. 61. 2002. №4. С. 3.
7. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста М.: Издательство МГУ. 1991. 205 с.
8. Ивушкина Т.А. Социолингвистические аспекты развития английской речи (на материале речевых характеристик представителей высших классов Великобритании в произведениях английской художественной литературы XIX-XX вв.) Диссертация на соискание доктора филологических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М. 1998.
9. Иовенко В.А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении. Монография. Москва: изд-во «МГИМО-Университет», 2013. 218 с.
10. Москвин В.П. К уточнению понятия «аллюзия» //Русская речь. 2014. №1. с. 37-43.
11. Москвин В.П. Интертекстуальность. Понятийный аппарат. Фигуры речи, жанры, стили. М.: Книжный дом «Либроком», 2011, 168 с.
12. Соловьёва М.А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 2004. С. 9.
13. Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия РАН. Серия лит. и языка. Т. 60. 2001. №1. С. 3.
14. Черезова Т.Л., Мясников А.Г. Вертикальный контекст биологической таксономии// Вестник Московского университета, Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, Изд-во Московского университета. №1. с. 32-36.
15. Fellowes, J. *Past Imperfect*. Phoenix, 2008, p. 516.
16. Ivushkina, T. "Literature as the basis for social class studies", *5th Conference on Language, Literature and Linguistics Annual International Conference proceedings 3L (Literature, Language and Linguistics)*, 2016, p. 186-192.
17. Ivushkina, T. "Words as indices of social and cultural identity", *International Journal of Language, Literature and Linguistics*, 2017, Vol. 3, № 3, p. 96-102.
18. Kristeva J. *Recherches pour une sémanalyse*. Paris, 1969.
19. Towles, A. *Rules of Civility*, Penguin Books. 2012. p. 336.
20. Washington, G. *Rules of Civility and Decent Behavior*. [Online]. Available: <https://managers.usc.edu/files/2015/05/George-Washingtons-Rules.pdf> (Accessed August 22, 2019)

21. "Who's Afraid of Virginia Woolf?" (April 3, 2019). [Online]. Available: <https://www.shmoop.com/afraid-of-virginia-woolf/title.html> (Accessed August 22, 2019)

Сведения об авторе:

Ивушкина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка №3 МГИМО. Научные интересы: стилистика, социолингвистика, лингвистика текста, культура и литература Великобритании и США, культура высших классов общества, прагмалингвистика.
Email: Tatiana.ivushkina@gmail.com.

ALLUSIVE ELEMENTS IN JULIAN FELLOWES'S PAST IMPERFECT AND AMOR TOWLES'S RULES OF CIVILITY (SOCIOLINGUISTIC AND COMPARATIVE APPROACHES)

T. Ivushkina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *In the focus of the article are allusive elements (allusions and quotations) in two novels – Past Imperfect by Julian Fellowes (Great Britain) and Rules of Civility by Amor Towles (USA) which are studied from sociolinguistic and comparative points of view in order to determine correlation between allusive elements used in the text and social status of an author/personage, common "core" of allusions in both novels and culturally specific types of allusive elements serving as signs of identity. Both contemporary writers have classical education at the best universities and socially belong to the classes depicted in their novels. On the material of two novels it has been revealed that allusive elements are proper to upper class speech, and literature abounding in allusions is aimed at the reader of the same social background. There were singled out different types of allusions common for both British and American novels and culturally specific allusive elements signaling the identity of the speaker. The comparative study allows one to see historical background underpinning culturally specific varieties of allusions as well as the results of sweeping processes of globalization.*

Key Words: *allusion, types of allusion, literature of the XXI c., sociolinguistic approach, comparative study, English literature, American literature, upper classes*

References

1. Arnold, I.V. Stilistika sovremennogo angliyskogo iazyka [Stylistics of Modern English]. M. 1990.
2. Akhmanova, O.S., Gubbenet, I.V. "Vertikalny kontekst" kak filologicheskaya problema ["Vertical context as a philological problem"] // Voprosy iazykoznanija. № 3. 1977.
3. Bakhtin, M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics] / M.M. Bakhtin. M.: Sovetsky pisatel'. 1963. 363 p.
4. Bakhtin, M.M. Estetika slovesnogo tvorcestva [Aesthetics of verbal art] / M.M. Bakhtin. M.: Isskustvo. 1979. 423 p.
5. Boldyreva, L.V. Sotsialno-istorichesky vertikalny kontekst: (na materiale angliyskoi khudozhestvennoi literatury) [Socio-historical vertical context: on the material of English literature]. M.: Dialog. 1997. 88 p.
6. Gasparov, M.L. Literaturny intertekst i iazykovoi intertekst [Literary intertext and language intertext]// Izvestia RAN. V.61. 2002. № 4. S. 3.
7. Gubbenet, I.V. Osnovy filologicheskoi interpretatsii literaturno-khudozhestvennogo teksta [Basics of philological interpretation of a literary text]. M.: Izdatelstvo MGU, 1991. 205 p.

8. Ivushkina, T.A. Sotsiolingvisticheskie aspekty razvitiia anglyiskoi rechi (na material rechevykh kharakteristik predstavitelei vysshikh klassov Velikobritanii v proizvedeniakh anglyiskoi khudozhestvennoi literatury XIX-XX vekov [Sociolinguistic aspects of English speech development (on the material of speech portrayals of upper classes of Great Britain in the English literature of the XIX –XX cc.)] Dissertatsiia na soiskanie doktora filologicheskikh nauk, MGU, M. 1998.
9. Iovenko, V.A. Natsionalno-kulturnoe mirovidenie v perevodcheskom izmerenii [National-cultural world view in translation dimension] Monograph. M.: “MGIMO-University”, 2013. 218 p.
10. Moskvina, V.P. K utochneniiu poniatii “alluziia” [To clarify the notion of “allusion”]//Russkaia rech. 2014. № 1. P. 37-43.
11. Moskvina, V.P. Intertekstualnost'. Poniatiiy apparat. Figury rechi, zhanry, stili. [Intertextuality. Conceptual apparatus. Figures of speech, genres, styles]. M.: Librokom. 2011. 168 p.
12. Solovyeva, M.M. Rol' alluzivnogo antroponima v sozdanii vertikalnogo konteksta: avtoref. Diss. ...kand. Filol. Nauk. [The Role of allusive anthroponym in creating vertical context]. Abstract of the dissert. Ekaterinburg. 2004.
13. Stepanov, Yu. S. “Intertekst”, “internet”, “intersubjekt” (k osnovaniyam sravnitelnoi kontseptualizatsii) [“Intertext”, “internet”, “intersubject” (to the basis of comparative conceptualization)] // Izvestiia RAN. Series literature and language. V.60. № 1. P.3.
14. Cherezova, T.L., Miasnikov, A.G. Vertikalny kontekst biologicheskoi taksonomii [Vertical context of biological taxonomy] // Vestnik Moskovskogo universiteta, № 1. P. 32-36.
15. Fellowes, J. *Past Imperfect*. Phoenix, 2008, p. 516.
16. Ivushkina, T. “Literature as the basis for social class studies”, *5th Conference on Language, Literature and Linguistics Annual International Conference proceedings 3L* (Literature, Language and Linguistics), 2016, p. 186-192.
17. Ivushkina, T. “Words as indices of social and cultural identity”, *International Journal of Language, Literature and Linguistics*, 2017, Vol. 3, № 3, p. 96-102.
18. Kristeva J. *Recherches pour une sémanalyse*. Paris, 1969.
19. Towles, A. *Rules of Civility*, Penguin Books, 2012, p. 336.
20. Washington, G. *Rules of Civility and Decent Behavior*. [Online]. Available: <https://managers.usc.edu/files/2015/05/George-Washingtons-Rules.pdf> (Accessed August 22, 2019)
21. “Who’s Afraid of Virginia Woolf?” (April 3, 2019). [Online]. Available: <https://www.shmoop.com/afraid-of-virginia-woolf/title.html> (Accessed August 22, 2019)

About the author:

Ivushkina Tatiana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Professor at English Department №3, MGIMO. Research interests: stylistics, sociolinguistics, text linguistics, literature and culture of Great Britain and USA, upper classes language and culture, pragmatolinguistics. Email: Tatiana.ivushkina@gmail.com.

* * *

МОТИВ ЛЮБВИ В ТРАНСФОРМАЦИИ И РАСКРЫТИИ ОБРАЗА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АРТУРО ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ТАНГО СТАРОЙ ГВАРДИИ»)

Е.С. Коржукова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье на материале романа А. Переса-Реверте «Танго старой гвардии» анализируется одна из функциональных особенностей мотива любви в произведениях испанского автора. На основе сюжетно-стилистического анализа текста в рамках системно-функционального подхода последовательно раскрывается образ главного героя, что становится возможным через использование автором любовного мотива. Отнесение произведений Переса-Реверте к тому или иному литературному направлению представляет некоторую сложность, поскольку в его романах парадоксально, но органично сочетаются особенности постмодернистской литературной эстетики (гиперрефлексия, интертекстуальность, нагруженность аллюзиями) и классической литературы, ориентированной на нарратив и рефлексивность в контексте вечных ценностей. В силу такой жанровой полифоничности, выраженного крена в морально-этическую сторону и, безусловно, захватывающих сюжетов, произведения Реверте не могут быть в полной мере отнесены и к «постпостмодернизму» (термин, использованный Н.В. Гладилиным), характеризующемуся отсутствием морально-нравственной проблематики и сюжетными клише. Кроме того, все мотивы (в том числе, любовный) развиваются в достоверном историческом контексте, возводя раскрываемые образы в ранг глубинно-смысловых человеческих трансформаций. Как продемонстрировал проведённый анализ, полноценное развитие образа главного героя невозможно без сюжетных возвращений к любовной теме, развивающейся по принципу спирали – каждый новый сюжетный виток по-новому раскрывает образ главного героя, основываясь на его предыдущем жизненном опыте.

Ключевые слова: А. Перес-Реверте, сюжет, мотив любви, образ главного героя, трансформация, постмодернизм, нравственно-этические ценности, метафора, хаос, несобственно-прямая речь

Романы современного испанского писателя Артуро Переса-Реверте многогранны в своём жанровом исполнении и часто выходят за пределы «исторического детектива», с которым у многих ассоциируется его творчество. Они прямо соотносятся с эстетикой постмодернизма и такими его чертами, как гиперрефлексия и релятивизм. Выделяемые И.П.

Ильиным [7, с.155-162] признаки постмодернистской литературы (интертекстуальность, нагруженность аллюзиями) вполне в духе романов Реверте. Однако испанский писатель далеко отстоит от постмодернистской размытости замысла и сюжета – его произведения имеют сложную, но чётко выстроенную сюжетную структуру и семиотическую соотнесённость – в симво-

лах и художественных метафорах нет «разбалансировки» между означающим и означаемым: может наблюдаться многозначность, она связана, как правило, с развитием сюжета, но противоположности толкования одного и того же нет.

Результат развития постмодернизма до состояния современной литературы, часто носящей массово-коммерческий характер, некоторые исследователи [4] называют «постпостмодернизмом». Считается, что это направление, при сохранении некоторых черт постмодернизма, страдает отсутствием крупных тем и морально-нравственной проблематики, в угоду читателю штампуя по упрощённой схеме детективные и авантюрные сюжеты. В такой слабости часто обвиняют современные романы. Говоря о Реверте, с этим можно поспорить: его герои если не эксплицитно, то имплицитно (не что́, а как они говорят и ведут себя), через стилистические средства их изображения, являются носителями некоего морально-нравственного послания, а в претерпеваемых ими метаморфозах транслируются глобальные темы и смыслы.

Предложенная в конце 1970-1990-х годов рядом учёных (Ж.Ф. Лиотар, Ж. Деррида и др.) формулировка мира как хаоса и отправной точки современной культуры, в том числе литературы, в романах Артуро Переса-Реверте получает иное освещение. Его герои соприкасаются с хаотическим устройством мира, часто лишённого упорядоченной системы ценностей, но хаос не ввергает их в пучину полного релятивизма, незаметной подмены добра злом именно потому, что через него они пытаются, пусть порой очень неумело, прорваться к жизнеобразующим смыслам, к истинному себе. По мнению Е.В. Лапиной, искусство постмодернизма (...) – это «не только игра, изобретающая игру, изобретающую игру (и т.д.), но и попытка преодолеть катастрофическую разобщённость человека и мира» [11, с. 58]. Исходя из такого видения, каким бы развлекательным ни называли жанр произведений Реверте иные критики, подобная художественная миссия уверенно выступает в защиту его романов.

С другой стороны, благодаря характерному для постмодернизма двойному кодированию, автору удаётся создавать точки соприкосновения массовой и классической литературы, понижая авантюрные и детективные сюжеты нравственными и философскими проблемами.

Возможно, именно постмодернистская полисемичность и многослойность произведений Артуро Переса-Реверте позволяют говорить о любви как об их самостоятельной функциональной составляющей.

В рамках системно-функционального подхода, подробно рассмотренного О.Г. Ревзиной, и понимающего поэтический, художественный язык как «систему выразительных языковых знаков (...), имеющих особую функциональную нагрузку и предназначенных для передачи художественного смысла» [16, с. 149], любовь в романах Артуро Переса-Реверте выступает как раз как объединяющее начало таких выразительных знаков, как комплексный и функционально важный для понимания авторского замысла мотив. Здесь нельзя не вспомнить работы В.В. Виноградова о языке русских классиков. Учёный говорил не об эксплицитности присутствия автора в тексте, а о его растворённости в тематике, композиции и языке данного текста в целом. Сравнение романов Реверте с русскими классиками, конечно, очень смелое, но важен сам принцип подхода к тексту как к исторически определённой системе, во многом обусловленной личностью автора.

Современный читатель не привык воспринимать «любовь» в массовой литературе всерьёз: она передаётся слишком поверхностно, не «затаённо», практически без табу, принятых в любовных описаниях классической прозы – отсюда и вполне логическое видение этого чувства как одного лишь плотского влечения. Однако в романах Артуро Переса-Реверте, в частности, в «Танго старой гвардии», любовь – практически отдельный полноценный персонаж, растущий и претерпевающий изменения вместе с главным героем. Она отнюдь не лишена плотского, и часто отношения героев окрашены в откровенный эротизм, но спор современно-массовой и классической подачи любви в литературе здесь вряд ли разрешим однозначно – настолько это чувство пронизано множеством других смыслов и мотивов и взаимозависимо от них.

«Танго старой гвардии» немислимо без любовной линии, как немислим вне любовной темы его главный герой, Макс Коста, наёмный танцор танго, развлекающий скучающих дам, а заодно промышляющий воровством среди богатых пассажирок и в общем-то ведущий образ жизни светского жиголо. Рассказ о Максe Коста – одновременно история непростого становления

характера и души и своеобразная экспозиция разных эпох противоречивого XX века. Условно роман можно поделить на три временных плана и соответствующих им три сюжетных линии: конец 20-х годов XX века; конец 30-х годов – гражданская война в Испании и канун II Мировой войны; конец 60-х годов.

Первый временной план – зачин романа – разворачивается на борту огромного трансатлантического лайнера, где Макс встречается Мечу (Мерседес) Инсунсу и её мужа-композитора Армандо де Тройе. С самого начала включается несколько мотивов, неразрывно связанных с Максом. Один из них, который станет преддверием будущего чувства главного героя, а за ним и грядущих трансформаций его образа, – взаимное влечение героев. Авторские описания передают мысли и часто физические ощущения Макса: «el tacto de la piel cálida lo sorprendió, por lo inesperado» («ощущение её горячей кожи заставило его вздрогнуть от неожиданности» – *здесь и далее перевод мой – Е.К.*). Про себя Коста отмечает утонченность, аристократичность Мечи и одновременно её исключительную женскую привлекательность. Однако сначала между героями ощущается дистанция, исходящая от Мерседес. Конечно, «una mirada indiferente, (...) distante, casi todo el tiempo dirigida a lo lejos» [19, с.32-33] («безразличный (...) отстранённый взгляд, почти постоянно направленный куда-то вдаль») может означать хитрую женскую игру в неприступность, когда целый арсенал взглядов

и выражений лица Мечи (чему Реверте отводит особую роль при создании её образа: глаза, зеркало души, – безошибочный индикатор внутреннего мира героини) выступает инструментом этой изысканной *игры*. Но есть и нечто другое.

Самым подходящим в данном случае будет пример невымышленного персонажа – знаменитого исполнителя (певца) аргентинского танго Карлоса Гарделя. Его жизнь и сюжеты исполняемых им классических танго [20] во многом находят своё отражение в жизненном пути и скитаниях Макса Косты, стремящегося найти своё «место под солнцем», внешне и внутренне оторваться от жалкого существования на задворках общества. Автор ясно даёт понять, что пропасть между Максом и Мечей огромна: героиня находится на вершине социальной пирамиды – он лишь пытается приблизиться к «сливкам» общества, стать «своим» среди «чужих», однажды вырвавшись из бедных кварталов Буэнос-Айреса в поисках счастья в большом мире. Мерседес видит и знает это – так, мотив социального неравенства, параллельно и неразрывно с любовной линией формирует образ главного героя. Не было бы Мечи, их взаимного влечения и разгоревшейся страсти, давшей начало истинному чувству, не была бы в полной мере раскрыта одна из основных причин жизненных странствий Макса. Диалоги героев неоднократно демонстрируют их положение по разную сторону социальных баррикад:

– *Eso es triunfar – estimó Max con objetiva calma. – ¿Y qué es triunfar, para usted?*
– *Quinientas mil pesetas seguras al año. De ahí para arriba.*
– *Vaya... No exige demasiado. Creyó detectar cierto sarcasmo en el tono de la mujer, y la miró con curiosidad* [19, с. 82].

– *Вот что значит быть успешным, – уверенно сказал Макс. – И что же для Вас значит быть успешным?*
– *Стабильные пятьсот тысяч песет в год. Ну, и больше.*
– *Вот как... Немного же Вам нужно. Ему показалось, что в её голосе звучал явный сарказм, и посмотрел на неё с удивлением.*

Социально-материальная «ущемлённость», трансформировавшаяся даже в некий психологический комплекс, мешает Максиму вести жизнь более скромную и в рамках закона и заставляет постоянно лицедействовать. Мотив *игры* отчётливо проникает и во взаимоотношения героев.

– *¿Por qué nunca te quedaste?*
– *Eras un sueño hecho carne – él medita la respuesta, esforzándose en ser preciso*
– *Un misterio de otro mundo. Jamás imaginé que tuviera derecho* [19, с. 481].

– *Почему ты так и не остался?*
– *Ты была воплощением мечты, – он обдумывает ответ, пытаюсь быть более точным, – загадкой из другого мира. Я никогда не мог и представить себе, что имею на тебя право.*

Важным мотивом, поднимаемым любовной линией в романе и обнажающим характер главного героя, является *предательство*. Страсть, между Максом и Мечей зарождается в Буэ-

нос-Айресе, среди полукриминальных рабочих окраин – это мир настоящего танго, шокирующего неподготовленного светского зрителя своей откровенностью, а порой и непристой-

ностью. Супруг Мерседес, известный композитор Армандо де Тройе, мечтает впитать это аутентичное «танго старой гвардии» и воссоздать его в собственной музыке. О таком танго, которое до сих пор танцуют в районе Ла Бока, на рабочих окраинах Буэнос-Айреса, далёком от салонного рафинированного танца, исполняемого в модных салонах и ресторанах на улице Корьентес, поведал ему Макс. Последний по привычке не забывает о своих сугубо прозаических планах, его неудержимо влечёт к безбедной роскошной жизни, поэтому дорогое жемчужное кольцо Мечи перевешивает по-детски искреннюю влюблённость. Не удержавшись, он крадёт его.

Колье, подобно гранатовому браслету А.И. Куприна, превращается в вещный лейтмотив, сопровождающий развитие чувства в романе и идущий бок о бок с предательством. По выражению Андре Моруа, оно становится «сигналом, играющим в художественном произведении ту же роль, что голос благодати в прозрении духовном» [13, с. 219]. Опасный вояж троицы в «другой» Буэнос-Айрес и бурный роман Мечи и Макса заканчивается привычно для последнего: он ловко скрывается вместе с драгоценностью. Однако снова видит её на шее Мерседес одиннадцать лет спустя. Этот лейтмотив сквозит в последующем сюжетно-временном эпизоде. В одном только колком вопросе о колье скрыто прошлое и настоящее, обида и боль, затаённая любовь, но вместе с тем недоверие и настороженность: Меча вполне изучила Макса, чтобы простить, но знает, что появился он неспроста: «¿Qué collar de perlas te llevas esta vez?» [19, с. 444] («На этот раз что за колье у тебя на уме?»). Колье, по сути дела просто вещь, превращается в языковой знак, который интерпретируется «через призму другого идиолекта» [16, с. 144] – языка (вербального, невербального, протяжённого во времени и одновременного привязанного к конкретному историческому отрезку) Мечи и Макса, языка их непростых, странных и долгих отношений.

Вторая встреча в Ницце как будто сюжетно случайна. Макс решил сорвать куш в новой авантуре, разворачивающейся уже в контексте противостояния политических сил в Испании и мире (с одной стороны, Испания охвачена гражданской войной, франкистов активно поддерживают фашистские Германия и Италия, с другой – уже вырисовываются нескромные планы Гитлера по переустройству мира). Одна-

ко создаётся впечатление, что автор намеренно «сводит» героев в 1937 году, чтобы показать, как за это время трансформировался образ главного героя, как предательство всё больше походит на бегство, заканчивающееся одиночеством. Мерседес даёт понять Макс, что между ними больше никогда ничего не будет, в этом она пытается убедить и саму себя: «Quiero que desaparezcas de mi vida y de la de aquellos a quienes conozco» [19, с. 445] («Я хочу, чтобы ты исчез из моей жизни и из жизни тех, кого я знаю»). Внутренний монолог главного героя обнажает глубокое одиночество, его второе Я, в котором звучат отголоски сюжетных коллизий старых танго: «También esta es la historia de mi vida, pensó, o parte de ella: buscar un taxi de madrugada oliendo a mujer o a noche perdida, sin que una cosa contradiga a otra» [19, с. 323] («Это тоже из моей жизни, – подумал он, – искать среди ночи такси, когда ещё чувствуешь запах женщины или безвозвратно ушедшей ночи, впрочем, одно другому не мешает»).

В этот раз ставки слишком высоки, а Макс всё тот же – привыкший в бешеном беге и борьбе за лучшую жизнь, а порой выживание, оставлять себя внутреннего на потом. К сожалению, ему не остаётся ничего другого, кроме как признать это (часто через такие внутренние монологи в виде несобственно-прямой речи главный герой погружается в рефлексию о себе и своей жизни): «Cierta clase de hombres – y él era uno de ellos – no tenía más alternativa que los caminos sin retorno» [19, с. 326] («Определённый род людей – а к ним он и относился – не имели иного выхода, кроме как уходить безвозвратно»). Подсознательно снова следуя сценарию жизни тангеро [10], Макс Коста снова жертвует своим чувством.

По иронии судьбы и замыслу автора, вторая встреча, при всей её случайности, становится судьбоносной, буквально спасительной, для главного героя и открывает ещё одну грань чувства между героями. В критический момент Макс, не задумываясь, обращается за помощью к Мече («No conozco a nadie en Niza de quien me pueda fiar» [19, с. 444] («У меня нет никого в Ницце, кому бы я мог доверять»)), а она, скрепя сердце, помогает ему.

И всё же пока любовь не может разбить оковы его защитной маски – привычки лицедействовать. Он продолжает играть другого Макса, не того, который хотел бы остаться, даже тогда, когда Мерседес вызывает его на откровенность, говоря, что со времен Буэнос-Айреса он насколько не изменился:

<i>La expresión de su rostro, entre franca y desvalida, se contaba entre las más eficaces del repertorio habitual. Años de ejercicio. De éxitos. Con ella habría convencido a un perro hambriento de que le cediera un hueso [19, с. 445].</i>	<i>Выражение лица, среднее между искренне-простодушным и беспомощным, было одним из его коронных. Годы тренировок. И успеха. С таким лицом он бы и голодного пса убедил отдать ему кость.</i>

Крепнущему, но всё ещё незрелому чувству пока не под силу побороть многолетнюю привычку выживания любым способом, к тому же

Макс глубоко убеждён в недостижимости Мечи и свои нерешительные мысли о любви гонит прочь:

<i>Se trataba de ponerse a salvo, primero, y de reflexionar más tarde sobre la impronta de aquella mujer en su carne y su pensamiento. Podía tratarse de amor, por supuesto... [19, с. 450]</i>	<i>Прежде всего, надо было где-то укрыться, а потом уже подумать, какой след оставила в нём эта женщина, физически и духовно. Конечно, это могла быть любовь...</i>

Герой даже допускает мысли о её любви к нему: «Quizá ella también lo amase, pensó de pronto. A su modo» [19, с. 450]. Но их социальная и культурная несхожесть не даёт ему преодолеть свой «комплекс» и поверить в её чувства, как ни пытается Меча, переступив через собственную гордыню, «достучаться» до настоящего Макса:

– ¿Y qué hay de mí? (А со мной что будет?)... [19, с. 450].

Стремление друг к другу и одновременно страх и нерешительность перед возникшим чувством рождает раздвоенность в душе главного героя и ощущение страшного одиночества. В долгой сцене прощания эмоционально сильное сравнение передаёт боль расставания:

<i>La mujer escuchaba inmóvil, callada. En las pausas sólo se oía el rumor de gotas sobre la chapa del automóvil. Muy lentas, ahora. Como si llorase Dios [19, с. 462].</i>	<i>Женщина слушала его в оцепенении. Когда он молчал, слышны были только падающие о крышу автомобиля капли дождя. Теперь они падали очень медленно. Словно плакал Господь.</i>

Макса словно окатывает волной одиночества, отчего он вздрагивает, ему кажется, что там, под дождём, без Мечи, он провалится в пустоту. Так глубоко, правдиво и обо всём – о своей жизни с самых истоков, о самом себе, живущем, как странствующий рыцарь, «шпагой и конём», о людях, странно озлобленных накануне новой мировой войны – Макс ещё никогда ни с кем не говорил. А Меча ещё никого так не умоляла остаться. И всё же их отношения неотступно преследует социальный лейтмотив. «Nunca podría sentirme como ellos» [19, с. 463] – уверенно говорит Макс о тех, кто окружает Мерседес, о так называемой высшей касте, или, как они сами себя называли, «la aristocracia».

Предчувствуя разлуку, возможно навсегда, он, наконец, пытается неловко сказать о своей любви: «Te amo. Creo. Pero el amor no tiene nada

que ver con todo esto» [19, с. 464] («Я люблю тебя. Я так думаю. Но любовь не имеет со всем этим ничего общего»). В ответ Меча в отчаянии от своей беспомощности гонит его как наваждение: «Vete de una vez. Maldito seas» [19, с. 464] («Уходи же скорей. Будь ты проклят»).

Последний диалог и в целом отношения во время второй сюжетной временной встречи напоминают ломаную кривую, очень в духе постмодернизма: герои оказываются в положении слепых беспомощных щенков – может, и хотят, но не могут понять, чего ищут в жизни, или же, понимая, не решаются принять. Хаос, о котором часто говорят в контексте постмодернизма, связан у Макса Косты с побегом, шагом *откуда*, а не шагом *куда*, потому что это *куда* – темно и безотраднo. Макс, покидающий Мечу, возможно навсегда, это Макс, бегущий от себя:

<i>...anduvo sin despegar los labios ni mirar atrás (...) Sentía una tristeza intensa, desazonadora: especie de nostalgia anticipada por cuanto iba a añorar más tarde [19, с. 464].</i>	<i>...он шёл, плотно сжав губы, не оглядываясь (...) Ощущал огромную нестерпимую грусть: как будто это преждевременная ностальгия по тому, чего будет не хватать потом.</i>

Разве что первобытный инстинкт самосохранения пока помогает сохранять трезвость мыс-

лей, но он же, как рубильником, окончательно выключает Макса истинного:

<i>Pensaba en las cartas que iban ocultas en su forro interior. También en la forma de seguir vivo y libre hasta desprenderse de ellas. Mecha Insunza se había borrado ya de su memoria. [19, с. 465]</i>	<i>Он всё думал о тех спрятанных в подкладке письмах. А ещё о том, как остаться живым и на свободе, когда он отделается от них. Меча Инсунса уже стёрлась из его памяти.</i>

Представляется, что такой эмоциональный надрыв во многом обусловлен историко-временными рамками, в которые Реверте помещает зарождение и жизнь чувства. Для воссоздания «топографии души» главного героя, жизни его микрокосма, помимо мощного инструмента, любви, необходим макрокосм – социальная среда и меняющийся исторический фон. Как часто бывает в произведениях Артуро Переса-Реверте, этот фон окрашен в беспокойные цвета крови и хаки – от гражданской войны в Испании, когда расстреливают Армандо де Тройе, супруга Мечи, до Второй Мировой, от войны в Африке (Рифской войны в Марокко) в 20-е годы, оставившей тяжёлый след в душе Макса, до Холодной войны с СССР, на которую приходится третий сюжетно-временной план книги.

При своей изначальной противоречивости, конфликтности, и даже невозможности, чувство между Мечей и Максом переживает войны и сквозь тяжесть лет, потерь, скитаний и одиночества обретает совсем другие очертания. Вместе с ним глобальную трансформацию претерпевает и главный герой.

Последний сюжетно-временной план завершает формирование образа Макса Косты. И вновь как бы нечаянная встреча, теперь в Сорренто, последнее испытание чувства или, правильнее сказать, чувством. В преклонном возрасте влечение и страсть теряют былую важность – на первый план выходит любовь, несущая в себе представления о базовых («терминальных» [5]) ценностях и «экзистенциальных» [1] благах. Это то чувство, которое связано с «формированием у человека смысла жизни как цели, достижение которой выходит за пределы его непосредственно индивидуального бытия» [17, с. 103]. Спустя многие годы главный герой, отошедший от авантюрно-криминального спо-

соба зарабатывания денег, вновь решается на *игру* и готов примерить чужую (по-прежнему) маску – богатого и успешного мужчины, отошедшего от дел и ведущего размеренный образ жизни. Всё ради того, чтобы «tal vez revivir viejos tiempos» [19, с. 402] («возможно, воскресить былые времена»), дать себе, наконец, право наслаждаться близостью общения с женщиной своей жизни – за эти годы она «стала частью его существа, и память о ней была вечно свежа» [9, с. 30]. Как считал датский философ С. Кьеркегор, любовь-воспоминание характеризует эстетическую стадию жизненного пути [6, с. 709], и действительно, настрой главного героя, узнавшего Мечу много лет спустя, можно охарактеризовать как созерцательный: он оценивает себя перед зеркалом, издалека оценивает её, вспоминая, какой она была, в конце концов, добирается и до жемчужного кольца в её номере. Вещный лейтмотив, сопровождающий взаимоотношения Макса и Мечи, обретает иное означаемое. Теперь это средоточие прекрасного и одновременно печального прошлого, печального оттого, что незаметно перестало быть настоящим, это уже не жгучая ностальгия прошлых лет, а тихое любование прошлым.

Макс не знает, насколько далеко может зайти ради любви и что, в свою очередь, может любовь сделать с ним. Чтобы помочь сыну Мечи, молодому талантливому шахматисту Хорхе Келлеру, нужно пойти на опасное предприятие, кражу, – только так можно прекратить нечестную игру его партнёра – советского шахматиста. Макс Коста, хоть и с бурным прошлым, но мужчина уже зрелый, искренне и бесповоротно оставивший былые авантюры. Он не готов к таким просьбам даже со стороны Мерседес и вначале отвергает любой намёк на подобную «помощь».

Me retiré por completo. Además, estoy viejo para esa clase de asuntos – añade con sincero desánimo –. Me falta fuerza y me falta espíritu [19, с. 352].

Я теперь совсем отошёл от этих дел. К тому же, стар я для таких приключений, – добавляет он упавшим голосом. – У меня нет сил, да и духу не хватает.

Однако сила духа и чувства проходят проверку другим чувством – любовью матери к сыну: Максиму причиняют неожиданную боль сильные переживания Мечи за судьбу сына. А тут ещё оказывается, что Хорхе – его сын. Всё это возвращает главного героя к созданному им же стереотипному образу [10] былых времён – бесстрастного тангеро, с той лишь разницей, что теперь он добровольно и бескорыстно идёт на риск не ради себя, но давая себе право на лю-

бовь и жертвенность. Ему с трудом удаётся выжить, отчего лишь укрепляется уверенность в правильности сделанного шага и искренности своего чувства. Как говорил немецкий драматург Фридрих Шиллер, поскольку в любви сливается воедино чувственная и нравственная природа человека, она способна преодолеть раскол между разными сообществами людей [15, с. 58]. Следуя рассуждениям датского философа Сёрена Кьеркегора, герой вступил, наконец,

в этическую стадию жизни, когда любовь-воспоминание уступает место любви-долгу, или любви-деянию [6, с. 709]. Макс Коста прошёл длинный путь внутреннего становления, преодоления хаоса макрокосма и возвращения к себе. Так и не преодолев комплекс инаковости социального положения, в самый тяжёлый момент (охрана советского шахматиста жестоко его пытала) он примирился с собой и дал себе право любить, ради этой любви претерпев всё.

Ещё раз отметим, что при громадной трансформации образа, то есть при практической элиминации лейтмотива предательства и от-

чуждения, автор неоднократно возвращается к социальному мотиву. Противостояние на этом уровне осталось: оба героя, вольно или невольно, иногда с долей шутки, а порой иронии и сарказма, постоянно впутывают в отношения материальный момент. Макс аргументирует свои предательства и бегство неизменно более низкой социальной ступенью («Estaba demasiado ocupado, creo. Atento a sobrevivir» [19, с. 384] «Наверное, я был слишком занят выживанием»), Меча же обвиняет его в заикливости на деньгах всегда в ущерб ей (хотя нужно понимать, что сама она в деньгах не нуждалась никогда):

... tú siempre perseguiste el dinero. Le dabas prioridad sobre el resto de las cosas posibles [19, с. 384].

...ты всегда гнался за деньгами. Они для тебя были важнее чего бы то ни было.

Нельзя не сказать о многоликости и многофункциональности мотива любви во многих произведениях Переса-Реверте и в данном романе в частности. Например, как неотделим от любовной темы главный герой, так неотделима от неё и тема танго – танца-жизни, переживаемого мужчиной и женщиной. С другой стороны, взаимоотношения Макса Косты и Мечи Инсунсы открывают диалог двух миров с точки зрения языковых средств его передачи – вербальных и невербальных. Однако эти аспекты открывают другие грани текстового и культурологического анализа и требуют отдельного изучения.

Цель же данного исследования была иной, и как показал сюжетно-стилистический ана-

лиз текста романа, развитие образа Макса Косты невозможно без неоднократных «прививок» любовью. Авторский замысел, на наш взгляд, состоит в том, чтобы через спиралевидное развитие мотива любви на каждом новом сюжетном-временном интервале исторической экспозиции показать, как параллельно с трансформацией самого героя видоизменяется и его чувство. В романе «Танго старой гвардии» идея Артуро Переса-Реверте успешно воплотилась в жизнь, явив произведение современной литературы с небезуспешным приближением к канонам литературы классической.

Список литературы

1. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. С.103-111.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 655с.
3. Виноградов В.В. Избранные труды: о языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360с.
4. Гладили Н.В. Характерные черты постпостмодернизма в современной массовой литературе Германии. Вестник ТГУ, серия Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение, выпуск 12 (104), 2011. С.260-267.
5. Джидарьян И.А. Представление о счастье в российском менталитете / И.А. Джидарьян // Ин-т псих-и РАН. СПб.: Алетейя, 2001. С.132.
6. Зайцева Т.Б. Концепт «Любовь» в творчестве А.П. Чехова. Журнал «Проблемы истории, филологии, культуры» (Для антологии «Художественные константы русской литературы»), выпуск 3(33), 2011. Издательство: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2011. С.705-710.
7. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 252 с.
8. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца нашего столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 250 с.
9. Керкегор С. Повторение. Опыт экспериментальной психологии Константина Констанция. М.: Лабиринт, 2008. 208 с.
10. Коржукова Е.С. Стереотипная ролевая модель тангеро (tanguero) в романе Артуро Переса-Реверте «Танго старой гвардии». Сборник статей «Риторика – Лингвистика» № 13. Смоленск: Изд. СмолГУ, 2018. С.90-102.
11. Лапина Е.В. Базовые понятия постмодернистской эстетики. Вестник РУДН, серия Литературоведение, Журналистика. Выпуск №1. 2008. С.56-63.
12. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.
13. Моруа А. Литературные портреты. Марсель Пруст. М.: Прогресс, 1970. С.203-229.
14. Огнева Е. Истины и химеры истории // А. Перес-Реверте. День гнева. СПб.: Азбука, 2009. С.5-21.

15. Оропай А.Ф. Любовные истории в жизни, литературе и судьбе народов. Текст научной статьи по специальности «Литература. Литературоведение. Устное народное творчество». Известия Санкт-петербургского аграрного университета. Философские науки. 2015 с.58-62. <https://cyberleninka.ru/article/n/lyubovnye-istorii-v-zhizni-literature-i-sudbe-narodov> (дата доступа: 10.01.2019)
16. Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987 / Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1989. С.134-151.
17. Филина О.Н. О некоторых способах репрезентации концепта «Любовь» в романах Джулиана Барнса. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск №6. 2011. С.209-212.
18. Borges J.L. *El idioma de los argentinos*. Madrid: Alianza Editorial, 1998. 168 с.
19. Pérez-Reverte A. *El tango de la guardia vieja*. Madrid: Santillana Ediciones Generales, S.L., 2012. 502 с.
20. Sebreli J.J. *Comediantes y mártires. Ensayo contra los mitos*. Buenos Aires: Editorial Sudamericana S.A., 2008. 257 с.

Сведения об авторе:

Коржукова Елена Станиславовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД РФ (Россия, г. Москва). Сфера научных интересов: лингвокультурология, анализ текста, стилистика, массовая литература в обучении языку, семиотика культуры. E-mail: baleares@yandex.ru.

LOVE MOTIVE IN TRANSFORMATION AND DISCLOSURE OF THE MAIN HERO IMAGE IN THE WORKS OF ARTURO PÉREZ-REVERTE (ON EXAMPLE OF HIS NOVEL “THE OLD GUARD’S TANGO”)

Elena S. Korzhukova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article analyses one of the functional features of the love motive in the works of Arturo Pérez-Reverte on the basis of his novel “The Old Guard’s Tango”. The plot and stylistic analysis of the text within the framework of the system-functional approach allows us to go deeper into the image of the protagonist via the author’s use of a love motive. Pérez-Reverte’s works are difficult to refer to any particular literary school, as his novels paradoxically but organically combine the features of postmodern literary aesthetics (hyperreflexion, intertextuality, load of allusions) and those of classical literature focused on narrative and reflection in the context of eternal values. Due to this genre polyphonic nature with expressed moral and ethical content and exciting plots, Reverte’s works cannot be fully attributed to “post-post-modernism” (the term used by N.V. Gladilin). The latter is characterized by the absence of moral and ethical problematic and plot clichés. In addition, all motives in Reverte’s works, including that of love, develop in a reliable historical context, elevating the images to the rank of deep human transformations. As the analysis demonstrates, the full-fledged development of the protagonist image is impossible without story’s recurrent love theme that develops like a spiral – each new story twist reveals the image in a new way based on the previous life experience.*

Key Words: *A. Pérez-Reverte, plot development, love motive, the protagonist image, transformation, postmodernism, moral and ethical values, metaphor, chaos, not actually direct speech*

References

1. Babenko L.G. Filologicheskii analiz teksta. Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza: Uchebnyk dlia vuzov [Philological analysis of the text. Fundamentals of the theory, principles and aspects of the analysis: Textbook for universities] Moscow: Akademicheskii proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2004, S. 103-111.
2. Vinogradov V.V. O iazyke hudozhestvennoy literatury [On the language of fiction]. Moscow: Goslitizdat, 1959. 655s.

3. Vinogradov V.V. *Izbranniye trudy: o iazyke hudozhestvennoy prozy* [Selected Works: on the language of artistic prose]. Moscow: Nauka, 1980. 360s.
4. Gladilin N.V. *Kharakternye cherty postpostmodernizma v sovremennoy massovoy literature Germanii*. [The characteristic features of post-postmodernism in the modern mass literature of Germany]. *Vestnik TGU, seriia Gumanitarnye nauki. Filologiya i iskusstvovedenie*, vypusk 12 (104), 2011, S. 260-267.
5. Dzhidaryan I.A. *Predstavlenie o schastye v rossiyskom mentalitete*. [The idea of happiness in the Russian mentality]. In: *psikh-i RAN. Saint Petersburg: Aleteya*, 2001. S.132.
6. Zaitseva T.B. *Kontsept «Lyubov» v tvorchestve A.P. Chekhova*. [The concept of “Love” in the works of A.P. Chekhov]. *Zhurnal «Problemy istorii, filologii, kultury» (Dlia antologii «Hudozhestvennye konstanty russkoy literatury»)*, vypusk 3 (33), Magnitogorskiy gosudarstvenniy tekhnicheskiy universitet im. G.I. Nosova, 2011, S. 705-710.
7. Il'in I.P. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm*. [Poststructuralism. Deconstructionism. Postmodernism]. Moscow: Intrada, 1996. 252 s.
8. Il'in I.P. *Postmodernizm ot istokov do kontsa nashego stoletia: evoliutsiia nauchnogo mifa*. [Postmodernism from the beginnings to the end of our century: the evolution of the scientific myth]. Moscow: Intrada, 1998. 250 s.
9. Kierkegaard S. *Povtorenie. Opyt eksperimentalnoy psikhologii Konstantina Konstantsiia*. [Repetition. Experimental Psychology Experience by Konstantin Constantius]. Moscow: Labyrinth, 2008. 208 s.
10. Korzhukova E.S. *Stereotipnaia rolevaia model tanguero v romane Arturo Peresa-Reverte «Tango staroy gvardii»*. [Stereotypical role model of tanguero in the novel “Old Guard Tango” by Arturo Perez-Reverte]. *Sbornik statey «Ritorika – Lingvistika» № 13*. Smolensk: Izd. SmolGU, 2018, S. 90-102.
11. Lapina E.V. *Bazovye poniatia postmodernistskoy estetiki*. [Basic concepts of postmodern aesthetics]. *Vestnik RUDN, seriia Literaturovedenie, Zhurnalistika*. Vypusk 1. 2008, S. 56-63.
12. Mankovskaia N.B. *Estetika postmodernizma*. [The aesthetics of postmodernism]. Saint Petersburg: Aleteya, 2000. 347s.
13. Morua A. *Literaturnie portrety. Marsel Prust*. [Literary portraits. Marcel Proust]. Moscow: Progress, 1970, S. 203-229.
14. Ogneva E. *Istiny i himery istorii // A.Peres-Reverte. Den gneva*. [Truths and Chimeras of History // A. Perez-Reverte. Day of Wrath]. Saint Petersburg: ABC, 2009, S. 5-21.
15. Oropay A.F. *Lyubovnye istorii v zhizni, literature i sudbe narodov. Tekst nauchnoi statyi po spetsialnosti «Literatura. Literaturovedenie. Ustnoe narodnoe tvorchestvo»*. [Love stories in life, literature and the fate of nations. The text of the scientific article on the specialty “Literature. Literary criticism. Folklore”]. *Izvestiia Sankt-peterburgskogo agrarnogo universiteta. Filosofskie nauki*. 2015, S. 58-62. <https://cyberleninka.ru/article/n/lyubovnye-istorii-v-zhizni-literature-i-sudbe-narodov> (Accessed: 01/10/2019)
16. Revzina O.G. *Sistemno-funksionalny podkhod v lingvisticheskoy poetike // Problemy strukturnoi lingvistiki*. [The system-functional approach in linguistic poetics // Problems of structural linguistics. 1985-1987] *Otv. red. V.P. Grigoryev*. Moscow: Nauka, 1989, S.134-151.
17. Filina O.N. *O nekotorykh sposobakh reprezentatsii kontsepta «Liubov» v romanakh Dzhuliana Barnsa*. [On some ways of representing the concept of “Love” in the novels of Julian Barnes]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki*. Vypusk 6. 2011, S. 209-212.
18. Borges J.L. *El idioma de los argentinos*. Madrid: Alianza Editorial, 1998. 168p.
19. Pérez-Reverte A. *El tango de la guardia vieja*. Madrid: Santillana Ediciones Generales, S.L., 2012. 502p.
20. Sebrelí J.J. *Comediantes y mártires. Ensayo contra los mitos*. Buenos Aires: Editorial Sudamericana S.A., 2008. 257p.

About the author:

Elena S. Korzhukova – PhD, senior lecturer at Spanish Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research interests: cultural linguistics, text analysis, stylistics, mass literature in language teaching, semiotics of culture. E-mail: balears@yandex.ru.

* * *

КОНЦЕПТ «𑖞 МА» И СПОСОБЫ ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

О.Р. Лихолетова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматривается один из основных концептов японской культуры «𑖞 ма» и его вербализация в японском языке.

Успех коммуникации между представителями различных культур во многом определяется тем, как они воспринимают пространственные и временные категории. Будучи культурно значимыми единицами, они играют особую роль в процессе речевого общения.

Двойственный пространственно-временной характер концепта «𑖞 ма», его абстрактность, пространственная и временная неопределённость затрудняют его адаптацию под западные категории, но соотносятся фундаментальной идеей пустоты в буддийской метафизике.

На основе концепта «𑖞 ма» в японском обществе выстраиваются гармоничные отношения между человеком и окружающим миром. Он актуализируется во всех сферах японского культурного пространства: архитектуре, живописи, каллиграфии, музыке, японском национальном театральном искусстве, аранжировке цветов, садовом дизайне. В статье особое внимание уделяется рассмотрению национально-культурных особенностей концепта «𑖞 ма», проявляющихся в семантике языковых единиц и во многом определяющих культуру японского речевого общения.

Понимание специфики рассматриваемого концепта способствует формированию культурно ориентированного подхода к обучению японскому языку, преодолению культурной дистанции в процессе общения с японцами.

Ключевые слова: национальная картина мира, концепт «𑖞 ма», актуализация концепта, пространственные и временные категории, культурное пространство, эстетическое восприятие, восприятие пространства, культура общения

Интерес учёных к исследованию концептов культуры и средствам их вербализации постоянно растёт. По мнению Ю.С. Степанова, количество базовых концептов в культуре невелико – «четыре-пять десятков, а между тем сама духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с этими концептами» [7, с. 6].

Проблема взаимопонимания между представителями различных культур во многом зависит от восприятия ими пространства и времени как культурно значимых единиц. Каждый объект или событие подразумевает пространственно-

временные координаты, поэтому осмысление этих категорий имеет особую значимость для познания окружающей действительности. Восприятие пространственных и временных категорий всегда происходит в рамках системы мировоззренческих координат, характерных для конкретного культурного сообщества. Пространственные и временные сигналы воспринимаются на интуитивном уровне в условиях одной культуры, но могут быть неточно интерпретированы представителями других культур и, как следствие, создать проблемы для коммуникации. Э. Холл в результате сопоставления

культурно-специфических коммуникативных практик пришёл к выводу о том, что пространство и время являются основными категориями, восприятие которых наглядно демонстрирует различия в культуре [9, с. 38].

Лингвокультурологические исследования помогают проанализировать логику культурного осмысления категорий пространства и времени, изучить особенности их восприятия представителями разных культур, выявить зависимость понимания категорий пространства и времени от ценностей и норм конкретного этнокультурного сообщества.

Целью данной статьи является описание одного из основных концептов японской культуры 間 *ма* и его вербализации в языке. Для анализа языкового материала была произведена выборка примеров употребления лексемы 間 *ма* из фонетических, иероглифических и толковых словарей японского языка.

Концепт 間 *ма* оказал большое влияние не только на формирование философских и художественных предпочтений японцев, но и на их повседневную жизнь.

Анализу влияния 間 *ма* на японскую культуру посвящено много научных работ. Наиболее значимыми из них являются исследования российских учёных Мещерякова А.Н., Григорьевой Т.П., Гуревич Т.М. Изучению моделей и концептов организации пространства в японской культуре посвящена диссертация Решетниковой П.А, монографии японского филолога Кэнмоти Такэхико, антрополога Фудзивара Сигэкадзу, литературоведа Окуно Такэо. В той или иной степени понятие 間 *ма* рассматривалось в работах, посвящённых архитектуре, дизайну, ландшафтному дизайну, живописи, театральному искусству, литературе и другим областям.

Ранее идеографический знак, описывающий концепт 間 *ма*, состоял из элемента 門 ворота и 月 луна и вызывал ассоциацию со струящимся лунным светом сквозь щель в воротах. В этом была заложена идея беспредельного мира, воспринимаемого через ограниченную рамку рутины, повседневного опыта. Впоследствии элемент 月 луна был заменен на элемент 日 солнце. В этимологических и иероглифических словарях иероглиф 間 описывается как сокращённый вариант иероглифа 間, который в данное время вышел из употребления. Первоначально содержание концепта 間 *ма* ограничивалось пространственными категориями, но с течением времени его семантика расширилась до временных категорий,

а затем вышла за рамки этих значений и приобрела абстрактный характер. Двудеиное отношение 間 *ма* к пространству и времени не является просто вопросом семантики. Оно отражает тот факт, что любое ощущение пространства структурировано временем, а любое ощущение времени структурировано пространством. Этот тезис имеет особое значение для культуры Востока, в которой, по мнению Карла Густава Юнга, время и пространство эквивалентны друг другу и слиты в одной точке. Двойственный пространственно-временной характер концепта 間 *ма*, абстрактность и непривязанность к материальным объектам, пространственная и временная неопределённость, данная нам в субъективных ощущениях, обилие подразумеваемых значений не позволяют дать ему чёткое определение и рациональное объяснение.

Западная философия основной характеристикой пространства считает его материальность. Э. Холл считает, что для западного восприятия пространства характерен акцент на объектах, а не пространствах между ними. На это указывал ещё Аристотель. Ньютон считал пространство «хранилищем для объектов». Лейбниц утверждал, что пространство относительно, и если бы не было вещей, не существовало бы пространства и времени. А. Эйнштейн, рассматривая теорию пространства, утверждал, что пустого пространства быть не может и «пространство определяется положением предметов» [11, с. 4].

Понимание концепта 間 *ма* в японской лингвокультуре не соответствует содержанию понятий пространства и времени в европейской культуре и затрудняет его адаптацию под западные категории. Окуно Такэо пишет: «Определение концепта 間 *ма* в японской культуре крайне расплывчато и его сущность трудно уловима» [12, с. 173]. С другой стороны, этот концепт органично соотносится как с фундаментальной идеей пустоты как отсутствием наполнения в буддийской метафизике, так и с постулатами синтоизма, основанными на всеобъемлющей гармонии с явлениями природы и в целом со вселенной. 間 *ма* ощущается в процессе созерцания и переживается в момент действия. «Пустота является ключевой категорией для понимания японской культуры, зоной смыслообразования, так как являет собой некое пустое место, в которое каждый может вписывать любое значение» [6, с. 273].

Концепт 間 *ма* находит отражение во всех аспектах жизни японцев. 間 *ма* – пространство

и время, в котором человек существует и проживает жизнь, пространство между началом и концом, между небом и землёй, пустота в космосе. Оно лишено смысла, смысл создаётся самим человеком. То, как человек тратит своё время и формирует пространство, в котором живёт, напрямую влияет на его развитие. Это можно назвать основополагающим принципом взаимодействия с окружающим миром. Пустое пространство является местом для возможного существования любой реальности или воображения.

При объяснении концепта 間 *ма* обычно приводятся следующие определения: пространство между чем-либо, пустота в пространстве и времени, пауза, тишина, пограничная зона, расстояние, нечто третье, что возникает между двумя объектами.

Концепт 間 *ма* актуализируется во всех сферах японского культурного пространства и быта. Высшим выражением искусства 間 *ма* является, по мнению Компару Кунио, театр Но [10, с. 72]: Постановка должна создать постоянно превращающееся и изменяющееся пространство 間 *ма* для совершения действия; игра актёров – умело создавать 間 *ма*, в котором ничего не происходит; танец – демонстрировать технику неподвижности, в музыке 間 *ма* – ощущаться в паузах между реальными звуками. *せぬところ* *が面白き* *сэнэ токоро-га омосироки* – это выражение, используется японцами для описания театра Но: интерес представляет то, что актёр не делает. В момент наивысшего напряжения действия пьесы актёр преднамеренно делает паузу, по которой можно судить об уровне актёрского мастерства. Предполагается, что актёр достигает наивысшей драматической экспрессии сцены, полностью замерев на месте. В японских танцах и театральных постановках исполнителям издавна была предоставлена свобода в выборе момента и продолжительности паузы в речи или движении. Театр Но олицетворяет приверженность динамическому балансу между объектом и пространством, действием и бездействием, звуком и тишиной, движением и паузой.

Традиционная европейская архитектура и дизайн акцентируют внимание на статичном расположении структурных элементов в пространстве. Японские же архитекторы при помощи раздвижных дверей, окон, ширм и других предметов, характерных для японского интерьера, создают непостоянные компоновки элементов для временного использования. При этом

основная концепция воплощается в создании свободного пространства между объектами. Планировка дома обозначается коннотативно заряженным ощущением пространства термином 間取り *мадори*, который существенно отличается от нейтрального словосочетания «расположение комнат», «планировка дома» или “plan of a house”, “arrangement of the rooms (in a house)” в понимании представителей европейской культуры.

Существует ещё одна специфическая для архитектуры актуализация концепта 間 *ма* в виде пространства под карнизами дома. В западной архитектуре это пространство не несёт никакой функциональной нагрузки и, соответственно, не представляет интереса. Однако карнизы имеют особую ценность для японцев, поскольку образуют определённое периферическое пространство вокруг дома. В условиях влажного и жаркого японского климата они не дают попадать дождю на стены, тем самым способствуют уменьшению повышенной влажности в помещениях. Карнизы также защищают от проникновения прямых солнечных лучей внутрь дома, что позволяет поддерживать комфортную температуру в жилище.

Помещение для проведения чайной церемонии должно быть свободно от привязанности к материальным объектам. «В чайной комнате пространство мыслится безграничным, хотя в реальности ограничено определёнными рамками», – пишет Кудряшова [5, с. 115]. Во время чайной церемонии царит особая, соответствующая действию атмосфера, создаваемая не за счёт материальных предметов, а с помощью силы чувств и мыслей. Незаполненное пространство увеличивает энергетику общения участников чайной церемонии, а каждый предмет, использующийся во время церемонии, приобретает особую значимость и ценность. При этом пространство не считается пустым, оно наполнено вдохновением и творческой энергией.

В отличие от европейской художественной традиции в японской классической живописи всегда присутствуют незакрашенные пространства недосказанности «余白 *ёхаку* – пустое, незаполненное пространство, приём недомолвки, недосказанности в традиционной японской живописи», дающие возможность проявить воображение и оценить произведение искусства, дополнив его субъективными ощущениями [2, с. 304]. Таким образом, наличие пустого пространства 間 *ма* выполняет мыслепорождающую функ-

цию, помогая зрителю не только постичь замысел автора, но и сделать его соавтором произведения, вовлекая в процесс создания этого произведения каждый раз заново.

Мастерство каллиграфии также заключается не только в овладении техникой изображения формы иероглифических знаков, но и в достижении гармонии формы и её окружения, данной формой не являющегося. Такой баланс формы и неформы всегда принимается во внимание при суждении о художественной ценности произведения. Правильное восприятие каллиграфии подразумевает и восприятие времени: следы движения кисти, скорость начертания иероглифов дают ощущение определённого ритма во времени. *間が悪い* *ма-гаваруй* – плохое ма и противоположное по смыслу *間がうまい* *ма-га умай* – искусное ма часто используются для эстетической оценки образцов японской каллиграфии и картин сумиэ. Созерцательное время и пространство при этом всегда учитываются.

В искусстве икебаны пространство – это важный структурный элемент, часто являющийся фокусом композиции. Оно рассматривается как невидимая энергия, которая даёт жизнь форме. А в целом композиция характеризуется органическим взаимодействием материальной формы и пространства. Созерцание икебаны побуждает нас сделать паузу и заполнить время и пространство не материальными предметами, а смыслом и ощущениями.

В приёмах оформления японских садов также используется концепт *間 ма*. «Сады Дзэн можно назвать «намекающими», заставляющими нас включать своё воображение, домысливать мельчайшую идею или намек» [8]. Например, в таком элементе организации садового пространства как *鹿威し* *сисиодоси* (приспособление для отпугивания птиц и животных-вредителей в садах) присутствует непредсказуемая пауза *間 ма* между моментами, когда вода наливается из трубы в коромысло, вес воды заставляет его наклоняться, вылить воду, и раздаётся резкий звук удара коромысла о жёсткую поверхность. При планировке традиционных японских садов, благодаря сложному расположению камней для перехода через ручей *飛び石* *тобииси*, темп перемещения по ним может быть замедлен, ускорен или остановлен и вместе с этим создаётся *間 ма* для правильного визуального восприятия пространства сада.

В японской поэзии *間 ма* предполагает паузу во времени *絶え間* *таэма* для того, чтобы дать

возможность прочувствовать момент, который вдохновил автора на создание произведения. Многие японские стихотворения начинаются с образов, вербализующихся при помощи использования *間 ма* для обозначения энергетике описываемого места: *木の間* *ко-но ма* – между деревьями, *波間* *намима* – на волнах, *岩間* *ивама* – на скалах, *雲間* *кумома* – просвет в облаках, *雪間* *юкима* – временное прояснение между снегопадами.

В поэтическом жанре хайку, как и в случаях с пробелами в произведениях живописи и паузах в музыкальных композициях, важно то, что не выражено явно. Хайку как бы не закончено поэтом, который создаёт только видимую часть произведения, а оставшаяся часть должна быть заполнена чувствами и ощущениями читателя, стремящегося понять замысел автора. Важно то, что не выражено словами. В этом случае *間 ма* может быть красноречивее слов: *行間を読め* *гё:кан-о ёмэ* – читай между строк.

В музыке *間 ма* проявляется в паузах между звучащими нотами. В западной классической музыке строго контролируются темп, высота тона и качество звуков. В японской классической музыке предпочтение отдаётся импровизации. Исполнитель может сам определять, как изменять длину и тональность звуков, пауз между звуками. «Исполнитель самососредоточен, что позволяет ему занимать относительно свободное положение, быть предоставленным самому себе. Отсюда – непривязанность к внешнему знаку, отсутствие нот, свобода волеизъявления. Но он не может выйти за пределы круга, нарушить нормы общепринятого, что ограничивает фантазию. И здесь традиционное сочетание свободы и несвободы» [1, с. 41].

В классическом японском танце ценится то, как исполнитель интерпретирует ритм выполнения движений по-своему, а не следует точно заданному ритму.

Таким образом, ощущение концепта *間 ма* связано с опытом утончённого и возвышенного эстетического восприятия.

Пример *間 ма* можно увидеть и в традиционном японском поклоне. В конце поклона необходимо сделать преднамеренную паузу *間 ма* прежде, чем вернуться в исходное положение. Создание *間 ма* делает поклон значимым, искренним и уважительным. В традиционном японском театре после окончания спектакля артисты стоят в поклоне до момента закрытия занавеса.

В японских видах спорта 間 *ма* может быть решающим фактором в достижении победы в поединке. Спортсмены специально тренируют технику выдерживания паузы перед применением приёма, а термин 間合い *маай* означает гармоничную дистанцию между партнёрами и нахождение спортсмена в правильном месте в правильный момент времени.

В отличие от эстетических категорий созерцательной тишины, спокойствия и простоты 間 *ма* в разговоре не подразумевает отстранение от содержания беседы, а воспринимается как необходимая пауза для размышлений и проявления уважения к словам собеседника. При японском способе межличностной коммуникации мысли часто остаются недосказанными, а полная ясность в словах не всегда необходима, так как достижение интуитивного понимания того, что хотел выразить собеседник в молчаливой паузе, считается естественным способом поддержания разговора. А искренность чувства часто более эффективно передаётся при помощи молчания. Это противоречит западным стандартам коммуникации, при которых следует избегать «неловкости» молчания. В Японии же молчание не воспринимается как некое неудобство. «Для западной цивилизации типичной является форма «коммуникации максимального сообщения», в то время как для японской – «форма минимального сообщения», – подчёркивает Н.Н. Изотова [4, с. 179]. Для того, чтобы по-настоящему осмыслить и прочувствовать намерения собеседника, необходима пауза 間 *ма*, которая подчёркивает значительность того, что было выражено словами. Т.М. Гуревич пишет: «О феномене неговорения в японском дискурсе говорится уже давно. Молчание, точнее, неговорение, является характерным знаком японской коммуникации. Порой слова для японцев вообще бывают не нужны. Они прекрасно преуспели в искусстве не прямой коммуникации и, похоже, часто следуют совету Станислава Ежи Леца: «Иногда полезно помолчать, чтобы тебя услышали» [3, с. 166]. При характерном для японской коллективистской культуры непрямом стиле общения, направленном на гармонизацию коммуникации, роль концепта 間 *ма* трудно переоценить.

Своеобразие национально-культурных особенностей концепта 間 *ма* находит своё отражение в семантике языковых единиц. Он лексикализуется в следующих значениях: свободное место, промежуток; расстояние между опорами в строениях; пространство между рейками сёд-

зи; комната; мера площади; время, свободное время; удобное время, возможность, шанс, подходящий момент; пауза в разговоре; интервал между нотами в музыке, интервал между движениями в японском национальном танце; ритм выполнения движений в национальных видах спорта; перерыв; счётное слово для комнат.

間 *ма* как мера длины – это расстояние между опорами строений, длина балки, расстояние между рейками сёдзи (раздвижные перегородки в японском доме, сделанные из деревянных реек, оклеенных полупрозрачной бумагой). С древних времён основой японской архитектуры была стоечно-балочная конструкция. Расстояние или пространство между осевыми линиями опор 柱 間 *хасирама*、梁間 *харима* со временем превратилось в базовую структурную единицу традиционного японского деревянного дома. Для обозначения этой единицы измерения использовался иероглиф 間, который имеет чтение *кэн*.

間 *ма* как мера площади основывается на измерении величины татами (тростниковые маты, которыми застилают полы домов). Интересно то, что эта единица измерения не является точной. В зависимости от региона площадь татами может измеряться в 江戸間 *эдома* или 関東間 *канто:ма* – 88см x 176 см в районе Канто; в 京間 *кё:ма* – 95,5 см x 191 см в районе Кинки; в 中京間 *тю:кё:ма* – 91см x 182 см в Нагоя. До сих пор сохраняется традиция определять площадь комнаты в соответствии с количеством татами. Размер большой по площади комнаты может быть описан как 六畳間 *рокудзё:ма* – комната площадью шесть татами, а комнаты более скромных размеров – 四畳半間 *ёндзё:ханма* – комната площадью в четыре с половиной татами.

В плане определения архитектурных пространств 間 *ма* в сочетании с другими иероглифами используется для описания предназначения комнаты или пространства: 土間 *дома* – помещение с земляным полом в японском доме, 貸間 *касима* – комната для сдачи внаём, 茶の間 *тянома* – чайная комната, гостиная, 居間 *има* – жилая комната, 間 *кякума* – комната для приёма гостей, 床の間 *токонома* – ниша в традиционной японской гостиной, 鏡の間 *кагами-но ма* – зеркальная комната (отделённое занавесью от сцены помещение в театре, в котором актёр может сосредоточиться на своём внутреннем настроении и надеть духовно заряженную маску Но).

Таким образом, концепт 間 *ма* подразумевает линейное одномерное пространство, двухмерное пространство при измерении площади

и трехмерное пространство в виде помещения в целом.

間 *ма* является не только отражением пространственного кода японской культуры, но и репрезентацией временной категории 間もなく *мамонаку* – вскоре, まだ間がある *мада ма-га ару* – ещё есть время あっという間に *атто иу ма-ни* – мгновенно, 寝る間がない *нэру ма-га най* – нет времени спать, 束の間に *цука-но ма-ни* – мгновенно. Выражение 間がいい *ма-га ии* передаёт значение не только хорошо выбранного момента совершения действия, но и момент везения. 間が良ければ *ма-га ёкэрэба* – если повезёт. А поговорка 待つ間が花 *мацу ма-га хана* означает, что момент ожидания события бывает приятнее, чем само событие.

С давних времён в японских артистических кругах использовалось идиоматическое выражение 間は魔物 *ма ва мамоно* – ма – это призрак. Это означает то, что 間 *ма* – трудноуловимый и малозаметный элемент, который, тем не менее, существенно влияет на суть происходящего. Поэтому 間をとる *ма-о тору* – умение правильно выдержать нужную по времени паузу – является одним из важнейших навыков, который способствует созданию атмосферы неторопливости, продуманности действия. Если этого не происходит, то возникает ситуация, при которой 間が合わない *ма-га аванай* – отсутствует гармония. Однако, если пауза чрезмерно затягивается, то возникает 間延びた *ма нобита* – ощущение медлительности происходящего. Вялость ведения беседы явно свидетельствует об отсутствии интереса к ней и, как результат, возникает неловкая ситуация 間が悪い *ма-га варуй*.

Концепт 間 *ма* актуализируется и в социальном плане. Стабильность японского общества основана на чётко выстроенной модели формальных отношений между людьми. Соблюдение предписаний и правил общения носит ритуальный характер даже в бытовой повседневной жизни. Концепт 間 *ма* при этом часто служит показателем правильности и уместности поведения. Например, на встречу нельзя опаздывать, надо обязательно прибыть точно в срок 間に合う *ма-ни ау* – успеть. При встрече полагается поклониться друг другу одновременно, находясь на соответствующем расстоянии друг от друга, 間をとる *ма-о тору* – создать дистанцию. При этом небольшая заминка по времени укажет на невоспитанность, бескультурье 間抜け *манукэ* – выглядеть глупо. Разговор должен быть 話の間がうまい *ханаси-но ма-га умай* – с умело соблю-

даемыми паузами. Однако в том случае, если не хватает слов для поддержания беседы и возникает слишком затянувшаяся пауза, японцы оценят эту ситуацию как 間が持たない *ма-га мотанай* – неспособность заполнить паузу. В результате собеседники будут чувствовать себя неловко 間が悪い *ма-га варуй* – плохое ма. При соблюдении всех формальностей общения возникает чувство 間がいい *ма-га ии* – хорошее ма. Если что-то заставляет собеседника чувствовать себя не комфортно, значит, 間が欠く *ма-га каку* – не хватает ма, поэтому необходимо предоставить собеседнику время для восприятия и оценки сказанного 間を置く *ма-о оку* – сделать паузу. Таким образом, при помощи концепта 間 *ма* в Японии сформировался особый стиль формального общения с обязательным использованием набора стандартных фраз, жестов и проявлением особого внимания к знакам уважения в межличностном общении, который играет особую роль в создании органичного коммуникативного пространства.

На основе концепта 間 *ма* в японском обществе выстраиваются гармоничные отношения между человеком и окружающим миром. Концепт 間 *ма* заложен в идее социального пространства. В японском языке существуют две близкие по семантике лексические единицы, передающие значение «человек» – 人 *хито* и 人間 *нингэн*. Лексическая единица 人 *хито* существует для обозначения обобщенно-отвлечённого понятия «человек/люди», а лексическая единица 人間 *нингэн*, в состав которой входит компонент 間, указывает на то, что человек находится в некоем общем с другими людьми социальном пространстве, поэтому она может передавать и значение «человечество». В японском обществе человек воспринимается не как личность, индивидуум, отличающийся от всех остальных, что характерно для западной культуры, а как принадлежащая обществу его составная часть.

Идея социальных связей заложена и в слове 仲間 *накама* – товарищ, приятель, коллега, сослуживец, компания, группа, буквально – пространство отношений.

Пространство принимает непосредственное участие в установлении отношений между обществом и личностью. Между основополагающими понятиями идентификации положения человека в социуме そと *сото* – вне и うち *ути* – внутри существует пространство 世間 *сэ-кэн* – окружение, в котором не следует быть ни слишком близким, ни слишком отдалённым от

окружающего социума, а уметь выстраивать отношения с учётом 間 *ma* – правильной дистанции между собой и другими.

Между объективно существующим физическим миром и его отражением в культуре и языке находится зона субъективного восприятия этого мира сознанием. Концепт 間 *ma*, являясь элементом национальной картины мира, отражает в языковом сознании японцев комплекс представлений об устройстве мира. 間

ma – это пространство между материальным и духовным, сфера порождения смыслов, которая может быть заполнена любым значением и чувством. Понимание и ощущение концепта 間 *ma* во многом определяет культурный контекст коммуникации в Японии. С его помощью японцы создали уникальный способ восприятия происходящих событий и взаимодействия в пространстве и времени.

Список литературы

1. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 368 с.
2. Григорьева Т.П. Япония: путь сердца. М., Новый акрополь, 2013. 392 с.
3. Гуревич Т.М. Национально-культурная обусловленность не прямой коммуникации / Т.М. Гуревич // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2. С. 163-166.
4. Изотова Н.Н. Этнокультурные особенности стиля японской коммуникации / Н.Н. Изотова // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 179-182.
5. Кудряшова А.В. Психологические особенности восприятия пространства в традиции «Пути Чая» / А.В. Кудряшова // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 14. М., Ключ-С, 2016. 114-120 с.
6. Решетникова П. А. Организация пространства в японской культуре: концепты и модели / П.А. Решетникова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Выпуск 13, 2007. 269-278 с.
7. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: издание 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 991 с.
8. Судзуки Дайсэцу Тэйтаро. Введение в дзен-буддизм. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://royallib.com/book/sudzuki_daysetsu/vvedenie_v_dzen_buddizm.html (Дата обращения 25 декабря 2018 г.)
9. Hall Edward T. The Silent Language. New York., Doubleday & Company Inc, Garden city, 1959. 240 p.
10. Komparu Kunio. The No theater; principles and perspectives. NY and Tokyo: Weatherhill/ Tankosha, 1983. 376 p.
11. Einstein A. Vorwort / Jammer M. Concepts of Space. Cambridge/Mass.: Harvard University Press, 1953. 3-12 p.
12. 奥野健男. 「間」の構造 (ма-ноко:дзо). 東京, 集英社 (Структура «Ма»). Токио, Сюэйся, 1983. 469p.

Сведения об авторе:

Лихолетова Ольга Романовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры японского языка МГИМО МИД РФ. Специализация – лингвистика, лингвокультурология. E-mail: o.liholetova@inno.mgimo.ru.

THE CONCEPT OF “間 MA” AND ITS VERBALIZATION IN JAPANESE

O.R. Likholetova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The subject of the article is “間 ma” – one of the main concepts of the Japanese culture and its verbalization in Japanese.*

Success in communication between representatives of different cultures is largely determined by the way they perceive spatial and temporal categories. Being culture-significant units, they play a special role in the process of speech communication.

Dualistic spatial-temporal nature of “間 ma” concept, its abstractedness, spatial and temporal uncertainty makes its adaptation to Western categories difficult, but correlate to the fundamental concept of emptiness in Buddhist metaphysics.

In the Japanese society an optimal relationship between an individual and the world around is being built on the basis of the “間 ma” concept. It becomes relevant in all spheres of Japanese cultural field: architecture, pictorial art, calligraphy, music, Japanese traditional performing arts, flower arrangement and garden design. A special attention in the article is given to the consideration of cultural and linguistic specifics of the “間 ma” concept, revealing itself in the semantics of linguistic units and largely determining the culture of Japanese verbal communication.

Perception of this concept encourages shaping of culturally oriented approach to language teaching and overcoming cultural distance in communication with the Japanese.

Key Words: national worldview, “ma” concept, actualization of concept, spatial and temporal categories, cultural field, aesthetic perception, spatial cognition, communication standards

References

1. Grigoryeva T.P. Iaponskaia hudozhestvennaia traditsiia (Japanese art tradition). M.: Glavnaia-redaktsiia vostochnoi literatury izdatelstva Nauka (The main editors of the Oriental literature of the publishing house “Science”), 1979. 368p.
2. Grigoryeva T.P. Iaponiia: put serdtsa (Japan: the way of the heart). M.: Novy akropol (New Acropolis), 2013. 392p.
3. Gurevich T.M. Natsionalno-kulturnaia obuslovlennost nepriamoi kommunikatsii (National-cultural conditionality of indirect communication). /T.M. Gurevich // Vestnik MGIMO-Universiteta (Bulletin of MGIMO-University), 2013. № 2. s.163-166.
4. Izotova N.N. Etnokulturnye osobennosti stilia iaponskoi kommunikatsii (Ethnocultural features of the style of Japanese communication) / N.N. Izotova//Vestnik MGIMO-Universiteta (Bulletin of MGIMO-University), 2012. № 6. s. 179-182.
5. Kudriashova A.V. Psikhologicheskie osobennosti vospriiatiia prostranstva v traditsii «Puti chaia» (Psychological features of the perception of space in the tradition of the “Way of Tea”) / A.V. Kudriashova //Iaponskii iazyk v vuzе: aktualnye problemy prepodavaniia. Vypusk 14. M.: Klyuch S (Japanese in high school: actual problems of teaching. Issue 14. M., Key-S), 2016. 114-120p.
6. Reshetnikova P.A. Organizatsiia prostranstva v iaponskoi culture: kontsepty i modeli (Organization of space in Japanese culture: concepts and models) / P.A. Reshetnikova // Izvestiia uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. Vypusk 13 (News of the Ural State University. Ser. 2, Humanities. Issue 13), 2007. 269-278p.
7. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar russkoi kultury: izdanie 3-e, ispr. i dop. (Constants: Dictionary of Russian Culture), M. Akademicheskyy proekt (Academic Project), 2004. 991p.
8. Sudzuki Dajsehcu Tehjtarо. Vvedenie v dzehn-buddizm (Introduction to Zen Buddhism). [ehlektronny resurs] /rezhim dostupa: https://royallib.com/book/sudzuki_daysetsu/vvedenie_v_dzen-buddizm.html. Data obrashcheniya (25 dekabrya 2018g.)
9. Hall Edward T. The Silent Language. New York, Doubleday & Company Inc, Garden city, 1959. 240 p.
10. Komparu Kunio. The No theater; principles and perspectives. NY and Tokyo: Weatherhill/ Tankosha, 1983. 376 p.
11. Einstein A. Vorwort / Jammer M. Concepts of Space. Cambridge/Mass.: Harward University Press, 1953. 3-12 p.
12. 奥野健男. 「間」の構造 (ma no ko:zo). 東京, 集英社 (The Structure of Ma). Tokyo, Shueisha, 1983. 469 p.

About the author:

Olga Likholetova – PhD, Philology, Associate Professor at the Japanese language Department. Field of research – linguistics, cultural linguistics. E-mail: o.liholetova@inno.mgimo.ru.

* * *

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКИХ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С УЧЁТОМ РОДНОГО ЯЗЫКА УЧАЩИХСЯ В ИРАНСКОЙ АУДИТОРИИ

Р. Хасан-заде

Университет имени Шахида Бехешти
Иран, Тегеран, 1983969411, район Эвин, факультет литературы и гуманитарных наук,
кафедра русского языка и литературы и славянских языков

В статье сопоставляются имена прилагательные в русском и персидском языках. Прилагательные рассматриваются прежде всего с морфологической точки зрения, затем подвергаются анализу с лексико-семантической, синтаксической и словообразовательной точек зрения. Прилагательные в русском языке в отличие от прилагательных в персидском языке обладают такими морфологическими свойствами, как падеж, число, род, окончание, краткость/полнота и т.д. Отсутствие подобных морфологических признаков в персидском языке затрудняет и усложняет процесс изучения частей речи, в частности имён прилагательных. Поэтому в первой части статьи большее внимание уделяется морфологическим особенностям частей речи персидского языка. Далее анализируются особенности прилагательных в персидском и русском языках, приводятся мнения как иранских, так и русских лингвистов. В статье прилагаются усилия к тому, чтобы ответить на ряд основных вопросов, связанных с особенностями прилагательных в русском и в персидском языке. В заключении содержатся выводы исследования.

Ключевые слова: прилагательные, *изафет*, падеж, число, род, часть речи, флексия, краткость/полнота, степени сравнения

Данная статья представляет собой сопоставительный анализ имён прилагательных в русском и персидском языках с учётом их дифференцирующих морфологических и синтаксических особенностей с целью облегчить процесс изучения прилагательных для студентов, изучающих русский как иностранный, на основе примеров иллюстрируется сходство и различие прилагательных в русском и персидском языках. Актуальность исследования обусловлена непрекращающейся дискуссией по вопросам, связанным с проблемой различий в разграничении и определении имён прилагательных в грамматике персидского и русского языков. Результаты исследования показывают, что необходимо пересмотреть традиционные критерии классифика-

ции прилагательных в персидском языке, так как эта часть речи изучена с грамматической точки зрения не столь подробно, как в русском языке. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в Иране проводится комплексное многоаспектное сопоставительное описание имён прилагательных в персидском и русском языках; впервые показаны различия в изучении особенностей имён прилагательных в двух языках. Цель статьи заключается в изучении русских и персидских прилагательных с учётом того, что персидский язык в отличие от русского не является флективным языком. Результаты данного исследования могут быть использованы в вузовской практике изучения частей речи, в частности имён прилагательных, в ходе обучения русскому

языку как иностранному, а также служить полезной научно-исследовательской базой для иранских и русских переводчиков. Основными методами исследования являются сопоставительный и описательный методы, использующие такие приёмы анализа как сопоставление, перевод и описание.

Известно, что персидский язык обладает ярко выраженными чертами аналитического строя; в нём отсутствуют грамматические категории падежа и рода. Синтаксические функции именных частей речи выражаются с помощью предлогов, послелога ^۱ و и изафета [8, с. 47]. Поэтому при отнесении имён к той или иной части речи в первую очередь учитываются их лексическое значение и синтаксическая функция в словосочетании и предложении. Морфологический анализ имён прилагательных в персидском языке выявил, что в персидском языке наблюдается слабое различие между именами существительными и прилагательными. Во многих случаях имя (чаще всего непроизводное), взятое вне предложения, может быть отнесено к существительным или прилагательным только по своей семантике, так как не обладает внешними отличительными чертами [там же, с. 48], например «کلید» ключ» и «گیلید» грязный». Но и с семантической точки зрения ряд имён не может быть с полной определённостью отнесён к существительным или к прилагательным, так как одновременно обозначает признак и носителя признака, например جوان, پیر. Морфологическая структура существительных и прилагательных, а также большинство их типов словообразования совпадают [10, с. 35].

В отличие от персидского языка, в русском прилагательные обладают всеми вышеуказанными морфологическими признаками, что в значительной степени облегчает и систематизирует изучение данной части речи. Однако при изучении частей речи русского языка для студентов, родным языком которых является персидский, могут возникать вопросы, обусловленные особенностями частей речи в персидском языке. Например, в русском языке прилагательное согласуется с определяемым словом в роде, числе и падеже, в то время как в персидском языке прилагательное не имеет категории рода и числа. Поэтому иной раз студенты, изучающие русский язык, создают такие словосочетания, как *интересная книги*, или *книги интересна*.

Результаты исследования показывают, что в грамматике персидского языка прилагательные

определяются как слова, которые обозначают свойства и признаки существительного, такие как цвет, размер, вкус, вес, материал, и т.д. [15, с. 49]. Прилагательные в целом называют внешние и внутренние свойства существительного. Этим качественных свойств существительных так много, что в грамматиках персидского языка их принято называть «признаками» существительных. Таким образом, можно дать более корректное определение: «Прилагательное – это слово, обозначающее какие-либо признаки предметов и понятий действительности в целом» [10, с. 33]. П. Натель-Ханлари в своей работе «Грамматика персидского языка» приводит следующее определение прилагательных в персидском языке: «Прилагательное – это слово, которое дополняет значение существительного и поэтому называется определением» [9, с. 46]. По утверждению Х. Фаршидварда, «прилагательное – это слово, отличное от существительных, но их сопровождающее, а также придающее им определительное значение» [11, с. 252]. Прилагательные, как правило, находятся в тесной и неразрывной связи с существительными. Такие слова как «большой بزرگ», «короткий کوتاه», «крупный درشت», «мягкий نرم», «горячий گرم», «красный سرخ», «красивый زیبا», «дорогой گران», «лёгкий سبک» и тысячи подобных слов, представляют собой прилагательные, обозначающие признаки существительных, с которыми они сочетаются. Иначе говоря, прилагательные только лишь в сочетании с существительным могут выполнять свою морфологическую и синтаксическую функцию – выражать категориальное (частеречное) признаковое значение.

Как уже ранее было сказано, в персидском языке в отличие от таких языков, как русский, прилагательные не обладают определённой грамматической и морфологической формой. Поэтому при изучении прилагательных персидского языка особое внимание уделяется рассмотрению прилагательных с лексико-семантической, а также синтаксической точек зрения. Прилагательные в персидском языке с семантической точки зрения классифицируются следующим образом: [9, с. 48], [10, с. 36]:

– **Качественные прилагательные:** Некоторые прилагательные указывают на тот или иной признак обозначаемого имени существительного. Этот разряд прилагательных в русском языке носит название качественных прилагательных. Они указывают на такие признаки как вкус, размер, цвет. Например:

Обозначение вкуса:

Али купил **кислые** яблоки.

علی سیب ترش خرید.

Обозначение размера:

Отбери **крупные** яблоки!

سیب های درشت را سوا کن

– **Количественные прилагательные:** некоторые прилагательные обозначают количество предметов и указывают их последовательность. В персидском языке за неимением определённых морфологических форм, все слова, которые дополняют в словосочетаниях или предложениях значение имени существительного, рассматриваются в качестве прилагательных [10, с. 37]. Следовательно, в отличие от грамматики русского языка в персидском языке такие части речи как числительные и местоимения рассматриваются как имена прилагательные [там же, с. 41].

Например:

Я купил **пять** яблок.

من پنج سیب خریدم

В этих двух предложениях употреблено числительное «пять – پنج». В варианте на русском языке слово «пять» морфологически представляет собой имя числительное, а синтаксически является определением. Однако в персидском языке это слово входит в категорию имён прилагательных, так как лексически дополняет значение имени существительного, стоящего после него. Это связано с тем, что в лингвистике персидского языка части речи по большей части классифицируются по лексическому значению и синтаксической функции, которую они выполняют в словосочетании или предложении. Также:

Он живёт на **пятом** этаже.

او در طبقه ی پنجم زندگی می کند.

В обоих примерах употреблены порядковые числительные, но как видно, числительное «пять» – «пятий» в персидском языке также выступает в качестве прилагательного (образуется по модели «числительное + суффикс «م»¹). Как вы уже, наверняка, заметили, порядковые чис-

лительные в русском языке имеют морфологические формы и особенности прилагательных, но входят в разряд имён числительных.

– **Указательные прилагательные:** Некоторые прилагательные персидского языка выступают в качестве указательных местоимений русского языка. Они, как правило, указывают на определяемое слово (имя существительное). Они также обозначают близость или дальность нахождения предмета. Например:

Обозначение близости:

Этот студент хорошо учится.

این دانشجو خوب درس می خواند.

Обозначение дальности:

Та женщина живет в Москве.

آن زن در مسکوزندگی می کند.

– **Вопросительные прилагательные:** Некоторые прилагательные в персидском языке употребляются в качестве вопросительных слов и формируют постановку вопросов: какой? (который?) کدام؟ چگونه؟ چه؟ چند؟ и т.д. Эти прилагательные в русском языке рассматриваются как вопросительные местоимения. Например:

«**Какую** книгу купил?»

«کدام کتاب را خریدی؟»

«**Сколько** у тебя друзей?»

«چند تا دوست داری؟»

– **Неопределённые прилагательные:** В персидском языке существует категория прилагательных, которая придаёт определяемому слову значение неопределённости. Эти прилагательные в русском языке рассматриваются как неопределённые местоимения, так как они употребляются вместо таких частей речи, как имена существительные, прилагательные, числительные. Например:

«Я купил **несколько** книг».

«من چند کتاب خریدم.»

«Я **никого** не видел».

«من هیچ کس را ندیدم.»

«**Некоторые** студенты не учатся хорошо».

«بعضی از دانشجویان خوب درس نمی خوانند.»

Таблица 1

Сопоставление прилагательных персидского языка с частями речи в русском языке

Разряды прилагательных в персидском языке	качественные	количественные	указательные	вопросительные	неопределённые
Соответствие частям речи в русском языке	прилагательные	числительные	местоимение	местоимение	местоимение

¹ Порядковые количественные прилагательные в персидском языке также образуются присоединением к числительному суффикса «مین» к числительным. В этом случае прилагательное ставится перед существительным: «سومین دوره ی مجلس شورای اسلامی» «Третий созыв Меджлиса Исламского совета».

Как видно, из-за отсутствия определённых грамматических форм слов персидского языка прилагательные в персидском языке рассматриваются в основном с точки зрения передаваемого значения. Поэтому многие из них совпадают с русскими местоимениями или числительными. Но так как они дополняют значение определяемого слова, то согласно определению прилагательных в персидском языке являются прилагательными.

Результаты анализа выявили, что в персидском языке существуют и другие лексико-грамматические разряды, которые в русском языке совпадают с формами причастий действительного и страдательного залога:

– **Действительные прилагательные** *صفت فاعلی* – это прилагательные, которые указывают на субъект в предложениях, то есть тот, кто совершает действие или является носителем того или иного состояния или признака. С этими прилагательными употребляются следующие суффиксы:

- پرسنده - «نده» спрашивающий, شناسنده отличающийся, بافنده вяжущий.
- روان бегущий, دوان - «ان» ходящий, текущий.
- گویا красивый, زیبا - «ا» говорящий, بینا зоркий.
- خریدار - «ار» покупающий, خواستار требующий.
- آموزگار учащий, учитель, آفریدگار творящий.
- فراموشکار забывающий, ستمکار - «کار».
- کارگر рабочий, работающий, پیروزگر победитель, побеждающий.

В основном эти прилагательные совпадают с действительными причастиями настоящего времени в русском языке.

– **Страдательные прилагательные** *صفت مفعولی* – это прилагательные, которые указывают на объект в предложениях, то есть предмет, на который направлено действие. Эти прилагательные образуются от основы прошедшего времени глагола и прибавлением суффикса «ه» к основе:

- خوانده = ه + خواند – خواندن (прочитанный)
- نوشته = ه + نوشت – نوشتن (написанный)

Результаты исследования показывают, что в русском языке эти прилагательные совпадают со страдательными причастиями прошедшего времени.

В труде «Основные понятия грамматики персидского языка» под редакцией проф. Ахмада Шафаи, рассматривается ещё один разряд при-

лагательных, называемый относительными прилагательными. Относительные прилагательные (*صفات نسبی*) указывают на свойства и признаки через отношение одного предмета к другому. Иначе говоря, эти прилагательные относят признаки одного предмета к другому. Например: тегеранский (تهرانی), шерстяной (پشمی), промышленный (صنعتی), религиозный (دینی), торговый (بازرگانی) и т.д. Прилагательные в русском языке тоже имеют аналогичный разряд. Результаты сопоставительного анализа свидетельствуют о том, что как в русском, так и в персидском языке основа относительных прилагательных производна от другой основы и является сложной (образованной по модели «производящая основа – ПО, наращенная суффиксом»). Например, в словосочетаниях:

- студенческий автобус (اتوبوس دانشجویی)
- шерстяная кофта (بلوز پشمی)

слова «студенческий» и «دانشجویی», «шерстяная» и «پشمی» образованы от основ существительных «студент», «دانشجو», «шерсть» и «پشم». Эта особенность относительных прилагательных в персидском языке служит важным отличительным показателем для определения относительных прилагательных. Например:

- тебризский ковер (قالی تبریزی)
- тегеранские торговцы (بازرگانان تهرانی)

В данных словосочетаниях русский суффикс –ск и персидский –سوند ی نسبتی после существительных تهران تبریز являются отличительным морфологическим показателем относительных прилагательных [11, с. 259]. Также следует отметить, что иногда определение самих относительных прилагательных в персидском языке затрудняется. Например, в словосочетании «خانه ی پدری» слово «پدری» относится к относительным прилагательным, а в словосочетании «پدری در حق اولاد ...» слово «پدری» является не относительным прилагательным, а абстрактным существительным, к которому присоединён другой суффикс – مصدری.

В русском языке рассматривается ещё один разряд прилагательных – притяжательные прилагательные. Они указывают на принадлежность какого-либо предмета к какому-либо лицу или животному: лисий хвост, мамина книга [3, с. 203]. В персидском языке не существует данного разряда. Принадлежность выражается существительными при помощи изафета: کتاب مادر دم روباه. Таги Вахидиан Камиар в работе «Грамматика персидского языка» анализирует персидские прилагательные как прилага-

тельные, стоящие перед определяемым словом (предшествующие ему) (صفات پیشین) и после определяемого слова (صفات پسین) [14, с. 69]. В персидском языке все вышеприведённые ряды прилагательных, кроме качественных и относительных, преимущественно стоят в позиции. Качественные и относительные прилагательные в персидском языке стоят в постпозиции. Например:

صفات پسین: (постпозитивные прилагательные)

کتاب خوب (хорошая книга)

در چوبی (деревянная дверь)

صفات پیشین: (препозитивные прилагательные)

کدام کتاب؟ (какая книга?)

پنج کتاب (пять книг)

В русском языке, как правило, прилагательные, выполняющие функцию согласованного определения, за исключением некоторых случаев, употребляются перед определяемым словом (صفات پیشین). Краткие формы прилагательных выступают в качестве прилагательных, стоящих после определяемого слова (صفات پسین), и выполняют функцию именной части именного сказуемого: Книга *интересна*.

В работе В.А. Белошапковой «Современный русский язык» говорится о том, что «подавляющее большинство прилагательных русского языка имеют категории рода, числа и падежа и согласуются с определяемым словом (именем существительным)» [1, с. 144]. В персидском языке нет подобных морфологических особенностей. С другой стороны, в отличие от персидского языка, в русском прилагательные представляют две грамматические формы: «полная форма», которая в основном выступает в роли согласованного определения или именной части сказуемого, и «краткая форма», выступающая в роли сказуемого. В персидском же языке прилагательные, как правило, выполняют функции определения в именной части сказуемого со связкой (مسند). Например:

«هوای سرد است.» (Погода холодная)

В этом предложении прилагательное «سرد» выполняет функцию сказуемого (مسند) и таким образом выражает признак существительного «هوای» через связку «است», то есть «هوای سرد» – «холодная погода». В русском языке прилагательное «холодная» в предложении «Погода – холодная.» выполняет синтаксическую функцию составного именного сказуемого.

В русском языке есть прилагательные, которые употребляются только в краткой форме: *рад, горазд, виден* и т.д. [4, с. 75].

Хосейн Али Юсефи прилагательным (صفت) противопоставляет существительные, которые семантически обозначают значение признака. Последнее он именует несогласованным определением (وصف). Как видно, в современной грамматике персидского языка, аналогично русскому языку, прилагательное и несогласованное определение отличаются и разграничиваются друг от друга [15, с. 60]. Например, کتاب فیزیک «учебник по физике», کلید در «ключ от двери». В этих словосочетаниях зависимые компоненты выражены именами существительными, но как в русском, так и в персидском языках выполняют функцию несогласованного определения.

В персидском языке одно и то же слово может являться и прилагательным, и наречием: زیبا, بد, خوب и т.д. В таких случаях часть речи слов определяется синтаксически, то есть через выявление их синтаксической функции в предложении или словосочетании:

او جوان خوبی است. (Он **хороший** парень)

صفت (прилагательное)

او خوب می نویسد. (Он **хорошо** пишет.)

قید (наречие)

Русский лингвист В.Г. Костомаров отмечает, что в русском языке существует ряд несклоняемых прилагательных, заимствованных из других европейских языков. Например: *беж, люкс, мини* ... [5, с. 103]. В персидском же языке ввиду отсутствия склонения не существует несклоняемых имён прилагательных.

В русском и персидском языках прилагательные субстантивируются. В таких случаях они обычно выступают в качестве имён существительных. Например:

в персидском:

دانشمند آمد. – مرد دانشمند آمد.
اسم صفت

в русском:

рабочий пришёл.

اسم

Рабочий день кончился.

صفت

Одной из важных морфологических особенностей качественных прилагательных в персидском и русском языках являются степени сравнения. Этот морфологический признак особо рассматривается в персидских прилагательных и является отличительным показателем определения качественных прилагательных. Как известно, степени сравнения и в русском, и в персидском языках делятся на три грамматические формы: положительная (مطلق), сравнительная

(تفضیلی یا برتر), превосходная (عالی). В персидском языке сравнительная степень прилагательных образуется от положительной

прибавлением суффикса «تر», превосходная степень – прибавлением суффикса «ترین», например:

Таблица 2

Степени сравнения в персидских прилагательных

Прилагательное	Положительная степень	Сравнительная степень	Превосходная степень
قشنگ	قشنگ	قشنگ تر	قشنگ ترین

Сравнительная степень относится к разряду прилагательных, которые употребляются после определяемого слова, а превосходная форма всегда предшествует определяемому слову и соединяется с ним при помощи изафета и без изафета. Изафет употребляется в том случае, если данный предмет выделяется из числа однородных с ним; при этом существительное стоит во множественном числе: *کوچکترین بچه ها* *самый маленький из детей*. При отсутствии выделения независимо от того, стоит ли превосходная степень прилагательного перед существительным в единственном или во множественном числе, изафет не употребляется: *کوچکترین بچه* *самый маленький ребёнок*, *کوچکترین بچه ها* *самые маленькие дети* [8, с. 818]. В русском языке степени сравнения образуются двумя способами: простым и составным. Простая форма сравнительной степени качественных прилагательных образуется опущением окончания в конце прилагательного положительной степени и прибавлением суффиксов *-ее* или *-е* к основе прилагательного. Составная форма образуется при помощи сочетания слов *более* или *менее*, а также таких слов как *весьма*, *гораздо* и др. с положительной степенью прилагательного. Составная в отличие от простой формы обладает морфологическими категориями падежа, числа и рода, а также в предложении может выполнять синтаксическую функцию согласованного определения именной части сказуемого: *Марина купила более красивое платье*; *Его книга – более интересная, чем моя*. Превосходная степень также выражается простой и составной грамматической формами. Простая форма образуется путём прибавления суффиксов *-ейиш* или *-айиш* к основе положительного прилагательного и присоединения соответствующих окончаний. Составная форма образуется сочетанием определительного местоимения *самый* с положительной формой прилагательного. В некоторых случаях превосходная степень прилагательных выражается при помощи некоторых приставок, таких как «*пре-*» и «*наи-*»,

например *прекрасный*, *наилучший*. Некоторые приставки в русском языке придают сравнительной степени прилагательных значение ограниченности: *побольше*, *поменьше*. В персидском же языке это значение выражается сочетанием слов, имеющих значение ограниченности, с положительной и сравнительной формами прилагательных, например: *اندکی بهتر, کمی زشت*. При образовании простых форм сравнительной и превосходной степеней прилагательных в русском языке в некоторых случаях наблюдается чередование конечных звуков, например: *сладкий – слаще – сладчайший*. Как в русском языке, так и в персидском языках формы сравнительной и превосходной степеней прилагательных могут образовываться при помощи супплетивных корней [6, с. 253], например:

маленький – меньше – меньший
плохой – хуже – худший
хороший – лучше – лучший
بهترین – بهتر – خوب

В персидском и русском языках прилагательные в силу своего лексического значения могут иметь дополнения (прямое или косвенное). Иными словами, прилагательные в обоих языках могут управлять словами и устанавливать с ними соответствующую синтаксическую связь. В русском языке эта связь выражается либо падежной, либо предложно-падежной формами, а в персидском языке выражается либо предложно-существительной формой, либо формой прямого дополнения с послелогом «*را*» [10, с.70].

Примеры в русском языке:

- Иран **богат нефтью**.
краткая форма дополнение
- Иран **беден водой**.
краткая форма дополнение
- **Ласковая с детьми воспитательница**
пользуется в детском саду большой любовью.
полная форма дополнение определяемое слово

Примеры в персидском языке:

- *او از من بزرگتر است.* (Он *старше* меня.)

сравнительная степень дополнение

• او را عاقل تصور می کردم (Я представлял его разумным.)

прилагательное послелог определяемое слово

Как видно, в примерах на русском языке краткие формы прилагательных *богат* и *беден*, а также полная форма прилагательного *ласковая*, с одной стороны, исходя из лексического значения, требуют дополнения, а, с другой стороны, согласуются с определяемым словом в роде и числе. В первом персидском предложении сравнительная степень прилагательного *بزرگتر* требует дополнения с предлогом *از*. Сравнительные степени прилагательных могут управлять и другими предложно-существительными дополнениями, например:

غذای امروز از غذای دیروز خوشمزه تر است. (Сегодняшняя еда вкуснее вчерашней.)

غذای امروز نسبت به غذای دیروز خوشمزه تر است (Сегодняшняя еда вкуснее, чем вчера (букв. вчерашней еды.)

دانش بهتر که مال. سیرت پسندیده تر که صورت (Знания ценнее богатства. Красота души лучше красивой внешности.)

В предложении او را عاقل تصور می کردم между прилагательным и определяемым словом наблюдается особая синтаксическая связь. В данном предложении переходный глагол تصور کردم представляет собой знаменательную связку, которая, сохраняя своё полное лексическое значение, относит признак к его носителю, а прилагательное «عاقل» синтаксически отделяется от определяемого слова «او» послелогом «را» [11, с. 259]. То же самое можно сказать о прилагательных русского языка:

Он купил **интересную** книгу.

В данном предложении прилагательное согласовано с определяемым словом в роде, числе и падеже. В русском языке есть случаи, в которых прилагательное полностью или частично согласуется с определяемым словом:

– Прилагательное согласуется в роде, числе и падеже: **Хороший дом**.

– Во множественном числе прилагательное согласуется только в двух категориях – в числе и в падеже: **Интересные книги**.

– Прилагательное в именительном падеже в сочетании с числительными **два/две, три, четыре** вовсе не согласуется с определяемым словом: **Два хороших дома**.

– В некоторых предложениях в зависимости от лексического значения глагола прилагательное

не согласуется с определяемым словом: Он пришёл *первым*. В данном предложении слово *первый* выполняет функцию вторичного сказуемого и, с одной стороны, прилагательное согласуется с определяемым словом «он» в роде и числе, а с другой стороны, в падеже согласуется с глаголом «пришёл».

В русском языке простая форма сравнительной степени прилагательных выступает в предложении в качестве именной части сказуемого: [2, с. 174].

Он **лучше** меня. Он **был лучше** меня.

Полная и краткая формы прилагательных в русском языке в сочетании со связками выступают в качестве именной части именного сказуемого [1, с. 614]:

Эта **книга интересная**.

определяемое слово полное прилагательное

Эта **книга интересна**.

определяемое слово краткое прилагательное

В персидском языке прилагательные не обладают краткостью/полнотой и поэтому значение двух вышеприведённых предложений передаётся только следующим предложением:

این کتاب جالب است.
مسندالیه مسند فعل ربط

В данном предложении, с одной стороны, слово *جالب* является прилагательным для подлежащего (субъекта), а с другой стороны – вместе со связкой *است* представляет собой именную часть сказуемого.

Хусейн Али Юсефи в книге «Грамматика персидского языка» пишет: «В персидском языке прилагательное в сочетании с существительным в основном выполняет функцию определения, а без определяемого слова может принимать дополнительные функции» [15, с. 56]:

سخنران، نسجیده سخن نمی گوید.

подлежащее

یاوه گوئی، از سخنران انتظار نمی رود.

дополнение

بیهوده گوئی، نشان سخنران نیست.

Определение

Как уже отмечалось, прилагательные в персидском языке не согласуются в числе с определяемым словом: **کشورهای بزرگ، کشور بزرگ**.

В русском языке реальный пол некоторых несклоняемых слов, а также реальный пол слов общего рода, может выражаться прилагательными: *строгий рефери, маленький/маленькая Саша* [7, с. 219].

В русском языке большинство качественных прилагательных образуют качественные наре-

чия. Многие из них оканчиваются на *o*, *e* или *i*: светлый – светло, похожий – похоже, отеческий – отечески [6, с. 265].

В персидском языке прилагательные по своей структуре могут быть простыми или сложными: بزرگ (простое прилагательное), روشندل (сложное прилагательное). Обращаем ваше внимание на такое словосочетание: مرد روشندل. Как видите, само сложное прилагательное состоит из прилагательного и существительного: دل روشن. Более того, само сложное прилагательное сочетается с существительным مرد [12, с. 61].

В персидском языке в отличие от русского существует такая структура, в которой прилагательное (مسند) прибавлением соединительного местоимения (ضمير متصل) выражает структуру предложения со связкой «است» и определяемым словом (مسنداليه). В таких случаях соединительное местоимение выполняет функцию определяемого слова (تو غمگین هستی), غمگینی, خوشحالم: (مسنداليه). (من خوشحال هستم) (Я рад. Ты печален) [13, с. 61]. В русском же языке нет подобных слитно-соединительных местоимений.

По словообразовательной структуре имена прилагательные персидского языка делятся на простые, производные и сложные. К простым относятся слова, состоящие из одной корневой (непроизводной) основы: ... شاد, سرد, بزرگ. К производным относятся слова, состоящие из корня и аффиксов: نابسامان, غمگین. Сложные представляют собой либо соединение основ (обычно двух): بدبخت (несчастный), либо лексикализованные словосочетания: از قلم افتاده (пропущенный). В персидском языке выделяются следующие основные способы образования прилагательных [8, с. 819].

Для образования имён прилагательных используется большое количество суффиксов, среди которых имеются продуктивные и малопродуктивные. Большинство из них по своему происхождению являются исконно персидскими. Некоторые суффиксы, имеющие разное происхождение, в современном языке совпали по звучанию, например, *ی* и *و* обозначают несколько разных суффиксов. Наиболее продуктивными суффиксами прилагательных персидского языка являются:

خانگی – *ی* (домашний), نباتی (растительный) (نسبی – *ی*)

اندوهناک (печальный), نمناک – *ناک*

نیرومند (сильный), آبرومند – *مند*

خشمگین – *گین* (гневный);

ننگین – *ین* (позорный);

دوستانه – *انه* (дружеский).

Существует ряд суффиксов, которые используются как для образования существительных, так и прилагательных. Вместе с тем, можно встретить случаи, когда тот или иной суффикс выступает в необычной для себя функции. Например, суффикс существительных بان образует имя прилагательное مهربان, суффикс прилагательных انه – имя существительное صبحانه (завтрак). Встречается немало случаев синонимического использования суффиксов, например: غمگین – غمناک (горестный), ستمگر – ستمکار (угнетатель).

Префиксы используются в основном для образования прилагательных, количество их невелико. Префиксы *با* и *به* указывают на наличие какого-либо качества или свойства: بالاستعداد (способный, талантливый), بکام (удачливый); префиксы *بی* и *نا* имеют значение отрицания: بی نام (безымянный, анонимный), نامعلوم (неизвестный).

В результате процесса лексикализации происходит превращение словосочетаний (как свободных, так и фразеологических) в сложные слова, обладающие тесной фонетической и лексико-семантической спаянностью своих компонентов. Сложные слова этого типа образуются вследствие утраты изафета и частичного переосмысления атрибутивных словосочетаний. Часто сложные слова образуются вследствие лексикализации разного рода причастных форм от свободных и фразеологизированных глагольных словосочетаний: از خود گذشته («самоотверженный»), تازه بدوران رسیده («высочка»); форм повелительного наклонения: هیچ مدان («невежда»). Многие отглагольные формы, являющиеся по происхождению причастиями настоящего времени и образованные от основ настоящего времени глаголов при помощи суффиксов *ان* и *ا*, а также многие причастия «долженствования» утратили грамматические признаки причастий и превратились в имена прилагательные: داننا («знающий», «мудрец»), سوزان («горячий», «знойный»), آشامیدنی («питьевой»).

Заключение

Рассмотрев особенности имен прилагательных в персидском и русском языках, можно сделать следующие выводы:

1. Имена прилагательные в русском языке обладают морфологическими признаками рода,

числа, окончания, падежа, а также краткости/полноты, что полностью отсутствует у прилагательных в персидском языке.

2. Имена прилагательные в персидском языке, как правило, согласуются с определяемым словом в двух случаях: когда выступают в качестве определения (متتم) или прямого дополнения с послелогом ^۱را. В русском же языке прилагательные согласуются с определяемым словом.

3. Прилагательные в форме сравнительной степени, как в русском, так и в персидском языке, могут при себе иметь дополнения (متتم).

4. В русском языке прилагательные в силу морфологических особенностей намного легче выделяются как часть речи по сравнению с персидским языком.

5. В русском языке прилагательные могут служить средством обозначения пола некоторых несклоняемых существительных, а также

слов общего рода. Прилагательные в персидском языке за неимением категории рода не способны выполнять подобной функции.

6. В персидском языке для отнесения слов к тому или иному классу прилагательных важную роль играет лексико-семантический фактор. Грамматический и фонетический факторы здесь почти отсутствуют.

7. Из-за отсутствия определённых грамматических форм слов персидского языка прилагательные в персидском языке рассматриваются в основном с точки зрения их передаваемого значения. Поэтому многие из них совпадают с русскими местоимениями или числительными.

8. Прилагательные в персидском языке сочетаются с существительными при помощи синтаксической связи «изафета». В русском же языке прилагательные сочетаются с существительными при помощи синтаксической связи «согласования».

Список литературы

1. Белошапкина В.А. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
2. Герасименко Н.А. Русский язык. М.: Академия, 2003. 496 с.
3. Диброва Е.И. Современный русский язык. М.: Академия, 2001. 368 с.
4. Касаткин Л.Л. Русский язык. Москва. М.: Академия, 2001. 768 с.
5. Костомаров В.Г. Современный русский язык. М.: Гардарики, 2003. 352 с.
6. Тихонов А.Н. Современный русский язык. М.: Цитадель-Трейд, 2002. 463 с.
7. Шведова Н. Ю. Русская грамматика. М.: Академия Наук СССР. Институт русского языка, 1990. 717 с.
8. Рубинчик Ю.А. Персидско-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1970. 1613 с.
9. نائل خانلری پرویز. دستور زبان فارسی. انتشارات توس. تهران. ۱۳۸۴.
10. شفائی احمد. مبنای علمی دستور زبان فارسی. مؤسسه ی انتشارات نوین. تهران. ۱۳۶۳.
11. فرشیدورد خسرو. دستور مفصل امروز. انتشارات سخن. تهران. ۱۳۸۲.
12. فریب عبدالعظیم و ملک الشعراي بهار، بدیع الزمان فروزانفر، جلال همایي، رشید یاسمی. دستور زبان فارسی(پنج استاد). مؤسسه نشر جهان دانش. تهران. ۱۳۸۰.
13. ماهوتیان شهرزاد. دستور زبان فارسی از دیدگاه رده شناسی. سمائی مهدی. نشر مرکز. تهران. ۱۳۸۲.
14. وحیدیان کامیار. دستور زبان فارسی (۱). سازمان مطالعه و تدوین کتب علوم انسانی دانشگاهی (سمت). تهران. ۱۳۸۱.
15. تهران. ۱۳۷۹ روزگار. نشریه ۲ و ۱ فارسی زبان دستور علی. حسین یوسفی

Сведения об авторе:

Хасан-заде Резван – кандидат филологических наук, старший преподаватель, Университет имени Шахида Бехешти (Иран, Тегеран), факультет литературы и гуманитарных наук, кафедра русского языка и литературы, и славянских языков. Научная специализация: Обучение русскому языку. E-mail: re_hassanzadeh@sbu.ac.ir.

STUDYING THE LANGUAGE PECULIARITIES OF RUSSIAN ADJECTIVES WITH REGARD TO THE NATIVE LANGUAGE OF STUDENTS IN THE IRANIAN AUDIENCE

R. Hasanzade

Shahid Beheshti University,
Iran, Tehran, Evin, P.O.Box: 1983969411.

Abstract: *The article compares adjectives in Russian and Persian. Adjectives are considered primarily from a morphological point of view, and only then are analyzed from a lexico-semantic, syntactic and word-formative perspectives. Adjectives in the Russian language, unlike adjectives in Persian, have morphological properties such as case, number, gender, ending, brevity / completeness, etc. The absence of such morphological features in the Persian language complicates the process of studying parts of speech, and adjectives in particular. Therefore, in the first part of the article, more attention is paid to the morphological features of parts of speech in Persian. Then the adjectives are considered. Further, the features of adjectives in Persian and Russian are analyzed, opinions of both Iranian and Russian linguists are given. The article aims to answer a number of basic questions related to the peculiarities of adjectives in Russian and Persian. The conclusion contains the findings of the study.*

Key Words: *adjectives, izafet, case, number, gender, part of speech, inflection, shortness/ completeness of adjectives, degrees of comparison*

References

1. Beloshapkova V.A. *Sovremenny russkiy iazyk [Modern Russian language]*. Moskva. Vysshaya shkola. 1989. 800 p.
2. Gerasimenko N.A. *Russkiy iazyk [Russian language]*, Moskva: Akademiia. 2003. 496 p.
3. Dibrova E.I. *Sovremenny russkiy iazyk [Modern Russian language]*. Moskva: Akademiia. 2001. 368 p.
4. Kasatkin L.L. *Russkiy iazyk [Russian language]*. Moskva: Akademiia. 2001. 768 p.
5. Kostomarov V.G. *Sovremenny russkiy iazyk [Modern Russian language]*. Moskva: Gardariki. 2003. 352 p.
6. Tikhonov A.N. *Sovremenny russkiy iazyk [Modern Russian language]*. Moskva: Tsitadel-treid. 2002. 463 p.
7. Shvedova H. Yu. *Russkaia grammatika [Russian grammar]*. Moskva: Akademiia nauk SSSR, Institut russkogo iazyka. 1990. 717 p.
8. Rubinchik Yu.A., *Persidsko-russkiy slovar' [Persian-Russian dictionary]*. Moskva: Sovetskaia entsiklopediia. 1970. 1613 p.
9. Natel Khanlari Parviz. *Dasture zabane farsi [Persian grammar]*. Tehran. Entesharate Tus [Toos Publication]. 1384 (2005) (In Persian)
10. Shafai Ahmad. *Mabani Elmi Dasture Zabane Farsi [The Basic Principles of Persian Grammar]*. Tehran. Entesharate Novin [Novin Publication]. 1363 (1984) (In Persian).
11. Farshidvard Khosro. *Dasture mofassale emruz [Contemporary detailed grammar]*. Tehran. Entesharate Sokhan [Sokhan Publication]. 1382 (2003) (In Persian).
12. Gharib Abdolazim, Malekshoaroye Bahar, Foruzanfar Badiozaman, Homai Jalal, yasemi Rashid. *Dasture zabane farsi (panj ostad) [Persian grammar (five professors)]*. Tehran. Entesharate Jahane danesh [Jahane Danesh Publication]. 1380 (2001) (In Persian).
13. Mahutiyani Shahrzad. *Dasture zabane farsi az didgahe rade-shenasi [Persian grammar]*. Tehran. Entesharate Markaz [Markaz Publication]. 1382 (2003) (In Persian).
14. Vahidiyan Kamyar. *Dasture zabane farsi (1) [Persian grammar (1)]*. Tehran. Entesharate SAMT [SAMT Publication]. 1381 (2002) (In Persian).
15. Yusefi Hosein Ali. *Dasture zabane farsi 1 va 2 [Persian grammar 1 and 2]*. Tehran. Entesharate Ruzegar [Ruzegar Publication]. 1379 (2000) (In Persian).

About the author:

Hasanzade Rezvan – PhD of the Russian language, assistant professor, Shahid Beheshti University (Iran, Tehran).
E-mail: re_hassanzadeh@sbu.ac.ir.

* * *

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ УСТАНОВЛЕНИЯ БАЗОВОЙ ЦЕННОСТИ *ARBEIT* / РАБОТА В АВСТРИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

А.И. Хлопова

Московский государственный лингвистический университет
Россия, 119034, Москва, Остоженка 38

*Статья посвящена установлению социально-культурного содержания базовой ценности **Arbeit / работа** в австрийской лингвокультуре. В качестве основного метода установления социально-культурного содержания базовой ценности используется свободный ассоциативный эксперимент, который был проведён в мае-июле 2018 года в городах Вена, Клагенфурт, Филлах, Линц, Зальцбург. Было установлено, что психологически актуальное ядро базовой ценности **Arbeit / работа** подтверждает социально-культурное содержание базовой ценности австрийцев. К ядерным реакциям австрийских респондентов относятся: *Freude* / радость (9), *Anerkennung* / признание (6), *Stress* / большое количество работы (6), *Erfolg* / успех (5), *Motivation* / мотивация (4), *Geld* / деньги (3), *Spaß* / удовольствие (3). Установлено, что реакции, входящие в содержательное ядро базовой ценности **Arbeit / работа** в австрийской лингвокультуре, как правило, положительные. Работа доставляет австрийским респондентам радость и удовольствие. В ассоциатах однозначно актуализируются компоненты «вознаграждение за работу» и «духовные блага» как результат работы. В ядерных и единичных реакциях респондентов проявляются социально-культурные особенности работы в австрийском обществе: для австрийцев важную роль играют коллеги, а не сама работа. Актуальны семантические компоненты «работать на себя», «низкая оплата женского труда», «высокая квалификация», «качественное образование». Носители австрийской лингвокультуры стремятся повысить образование. Несмотря на установленное в ходе эксперимента положительное отношение к работе, австрийцы постоянно жалуются на „Stress“, под которым стоит понимать большое количество работы.*

Ключевые слова: социально-культурное содержание, ассоциативный эксперимент, стимул, реакция, базовая ценность

Познающий субъект в ходе повседневного взаимодействия с миром устанавливает, с одной стороны, определённые взаимоотношения между явлениями, с другой – живёт в мире мнений и представлений. Окружающая культура навязывает индивиду присущие ей ценности, которые воплощаются в гетеро- и автостереотипах, в традициях и этнических стереотипах.

Под базовыми ценностями понимают совокупность жизненных установок и идеалов,

которые сами члены этноса считают характерными и важными для своего народа и системно реализуют их в своей деятельности [3, 5, 7, 8 и др.]. Система базовых ценностей имеет, с одной стороны, устойчивую, но, с другой стороны, динамичную структуру, ведь формирование такой системы происходит под влиянием разнообразных факторов. Базовые ценности реализуются в системе традиций, нравственных идеалов, этнических стереотипов и в полной мере – в языке.

Базовые ценности – это, по сути, стереотипы, в основе формирования которых лежит эмоциональный компонент. Стереотипы являются важной составляющей менталитета индивида и служат для интерпретации социальной информации. У. Липпман определяет стереотипы как ментальные схемы, которые долгое время формируются и функционируют в социуме, это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки» мира «в голове» человека. И их функция заключается в том, чтобы экономить усилия индивида при восприятии сложных социальных объектов и защищать его ценности, позиции и права [5]. Они базируются на личном опыте, принимаются некритично и обуславливают адаптивное существование человека в рамках определённой культуры. Стереотипы фиксируются вербально и приобретают пропозициональные функции: так, У. Квастхофф утверждает, что стереотипы – это вербальное убеждение, существующее в группе или у единичной личности, которая является представителем этой группы. Это убеждение существует в форме высказывания, которое приписывает людям определённые качества или манеру поведения (или отрицает их) в необоснованно упрощённом или генерализованном виде и имеет тенденцию к эмоционально-оценочному содержанию [11, с. 31] (перевод наш. – А.Х.).

Ю. А. Сорокин отмечал, что стереотипы – это особые «семиотические» модели, представляющие определённую иерархическую совокупность актуальных принципов поведения и ментального освоения мира [8]. Следовательно, содержание стереотипа и базовой ценности может быть изучено в психолингвистическом эксперименте.

При этом мы разделяем мнение, согласно которому ассоциативный эксперимент (далее АЭ. – А.Х.) выявляет языковую реальность, которая не является копией мира и опосредованно отражает его связи и отношения [4; 2].

В своём исследовании мы обращаемся к изучению социально-культурного содержания базовой ценности *Arbeit / работа* в австрийской лингвокультуре. Эта базовая ценность представлена в системе актуальных социальных стереотипов. С одной стороны, она поддерживается и ментально, и поведенчески, но в то же время может изменяться под воздействием факторов, так или иначе изменяющих структуру стереотипа. Поэтому основным методом исследования в работе является свободный АЭ. Он даёт возмож-

ность более непосредственно установить содержание ассоциативно-вербальной цепи, потому что испытуемый реагирует на слово-стимул первым пришедшим в голову словом – и это принципиально, поскольку временной промежуток между стимулом и реакцией в этом случае минимален, что исключает *отбор* ответов и может приблизить реакции респондентов к операциональным. Кроме того, процедура проведения свободного АЭ проста, но одновременно с этим эффективна, так как АЭ обнаруживает частотность однотипных ассоциаций, тип реакции, величину латентных периодов ассоциирования.

АЭ проводился с испытуемыми в индивидуальном порядке в мае-июле 2018 года в городах Вена, Клагенфурт, Филлах, Зальцбург, Линц. Представителям австрийской лингвокультуры экспериментальный материал предъявлялся в форме устного опроса. Испытуемые должны были дать первую пришедшую на ум реакцию на слово-стимул *Arbeit / работа*. Было опрошено 100 респондентов в возрасте от 30 до 40 лет. Группы формировались с учётом приблизительно одинакового возраста и сходства интересов испытуемых, что предположительно может определять и сходство базовых ценностей испытуемых.

Прежде чем обратиться к анализу реакций, рассмотрим некоторые социально-культурные особенности, связанные с осуществлением трудовой деятельности в Австрии.

Рабочий день в Австрии начинается очень рано, в 7 часов утра. Государственные учреждения и банки заканчивают работу при этом также рано, в 15.30-16.00. Многие кафе и рестораны работают обычно с 12 до 18.00 или до 20.00, исключая столичные. Магазины работают с 9.00 до 20.00. Школьники начинают учиться в 7.30 и заканчивают не позже 15.00. На любой фирме есть перерыв на обед, который длится, как правило, 30 минут. В воскресенье, которое принято уделять семье и отдыху, магазины в Австрии не работают.

Австрийцы могут позволить себе опоздать на работу. Немцы считают, что австрийцы ленивые, и называют их *faule Österreicher / ленивые австрийцы*. В Австрии существует традиция заканчивать рабочую неделю в четверг или в пятницу сразу после обеда, так как многие только работают в Австрии, но живут в соседних странах. Хотя рабочий день и начинается в 7.00, но на самом деле трудиться начинают только с 7.30, так как традицией является совместный завтрак.

Важным моментом для каждого работающего в Австрии является налог, который может составлять около 30% заработка.

В Австрии официально работает больше половины населения. 14% работающего населения работают на себя. 1,67 млн. австрийцев – пенсионеры. 400000 жителей Австрии посвящают себя домашнему хозяйству [12].

Большую роль играют профсоюзы. Здесь принято устраивать забастовки и выражать свои требования, не боясь увольнения или притеснений со стороны руководства. Однако все детали забастовки должны обсуждаться с профсоюзами [12].

В Австрии безработные получают пособие. Срок выплаты пособия ограничен 18 месяцами. Известно, что многие австрийцы, несмотря на новые законы, всё ещё с удовольствием остаются безработными (6 % населения в 2016 году), хотя к 2018 году количество таких людей снизилось (5,5 % населения) [12].

Австрийцы постоянно жалуются на «стресс», под которым понимается «большое количество работы».

На июль 2018 года средняя продолжительность рабочей недели в Австрии составляла 39 часов. В июле 2018 года была введена 60-часовая рабочая неделя, что было критично воспринято общественностью [12].

Женский труд оплачивается в Австрии часто ниже, чем мужской, и составляет только 40-50%. Австрийки придерживаются традиции короткого послеродового отпуска [12].

В Австрии принято выплачивать тринадцатую (а иногда и четырнадцатую) зарплату, что помогает при оплате налогов.

Австрия – страна высококвалифицированной рабочей силы. Это касается и служащих, и рабочих. Они имеют высокий образовательный уровень и профессиональную подготовку.

Уровень безработицы в Австрии в 2018 году был 5,5% (Испания – 14,4%, Италия – 10,5%, Франция – 9,1%, Хорватия – 9,6%, Литва – 8,3 %, Латвия – 7%, Португалия – 6,7 %, Болгария – 6,1 %, Швеция – 6%, Польша – 5,8 %, Бельгия – 5,6 %, Финляндия – 5,4%, Германия – 3,5%, Чешская Республика – 3,1%), таким образом, Австрия относится к странам ЕС с самым низким уровнем безработицы [12].

Рассмотрев социально-культурное содержание базовой ценности *Arbeit / работа* в австрийской лингвокультуре, отметим, как оно отражается и отражается ли в психологически реальном содержании базовой ценности, установленном на основе данных АЭ.

Полученные в АЭ ассоциаты классифицировались в соответствии с моделью ассоциативного значения В.А. Пищальниковой [6] с целью более последовательного их сопоставления; в составе ассоциатов и ядерных компонентов ассоциативного поля (далее АП. – А.Х.) выявлялось сходство и различие. Модель ассоциативного значения включает в себя «принципиально функциональное, динамическое соотношение» следующих компонентов: понятие, представление, предметное содержание, ассоциация, операциональные реакции, которые, в свою очередь, могут отображать культурно обусловленные смыслы и эмоционально-оценочные связи единиц языка [6].

В эксперименте проявились реакции-понятия, реакции-представления, и эмоционально-оценочные реакции. Реакции-понятия (18%) указывают на усвоение членами общества инвариантного значения слова *Arbeit / работа*. При этом большое количество реакций-представлений (34%) и эмоционально-оценочных реакций (48%) говорит о наличии у респондентов личностного смысла. Слово *Arbeit / работа* актуально для носителей австрийской лингвокультуры и включено респондентами в ассоциативно-вербальную сеть.

Ввиду большого количества единичных реакций они были разделены внутри каждой группы на подгруппы в соответствии с обозначаемыми дополнительными признаками. Данные, полученные в ходе экспериментов, представлены в таблице:

	Реакции австрийских респондентов
Реакции-понятия	– временная форма работы: <i>Freizeit / свободное время</i> – всего 1; – способ выполнения рабочей деятельности: <i>Beschäftigung / занятие</i> – всего 1; – место работы: <i>Arbeitsplatz / рабочее место</i> – всего 1; – профессия: <i>Beruf / профессия, Dienst / служба, Job / подработка</i> – всего 3; – организация рабочего процесса: <i>Urlaub / отпуск</i> – всего 1; – (общественная) организация рабочих: <i>Kollegen / коллеги, Team / команда, Zusammenarbeit / сотрудничество</i> – всего 3; – вознаграждение: <i>Geld / деньги (3), Gehalt / зарплата, Verdienst / заработок</i> – всего 5; – возможность профессионального роста: <i>Aufstiegsmöglichkeiten / возможности профессионального роста, Weiterbildung / повышение квалификации</i> – всего 2;

	Реакции австрийских респондентов
Реакции-понятия	– качество работы: <i>Verantwortung / ответственность</i> – всего 1; – безработица: <i>Arbeitslosigkeit / безработица</i> – всего 1. ВСЕГО: 18
Реакции-представления	– поиск работы: <i>Abwechslung / смена (работы)</i> – всего 1; – временная форма работы: <i>Zeitvertreib / времяпрепровождение</i> – всего 1; – организация рабочих: <i>Freunde / друзья</i> – всего 1; – создание материальных и духовных благ: <i>Existenzsicherung / обеспечение средств к существованию, Familie ernähren / прокормить семью, Lebensgrundlage / основа жизни, Lebensstil / стиль жизни, Leben / жизнь, Menschheit / человечество, Sinn / смысл</i> – всего 7; – следствие работы: <i>Anerkennung / признание (6), Erfahrung / опыт, Leistung / достижение, Dankbarkeit / благодарность</i> – всего 9; – причина работы: <i>Motivation / мотивация (4), Berufung / призвание</i> – всего 5; – характер рабочей деятельности: <i>Einsatz / участие, Genauigkeit / точность, Integration / интеграция, вовлечение, vielfältige / разнообразная</i> – всего 4; – сфера рабочей деятельности: <i>Geduld / терпение, telefonieren / звонить</i> – всего 2; – организация рабочего процесса: <i>lernen / учиться (2), Chef / шеф (2)</i> – всего 4. ВСЕГО: 34.
Эмоционально-оценочные реакции	Положительные реакции: <i>Freude / радость (9), Erfolg / успех (5), Spaß / удовольствие (3), Entfaltung / проявление таланта, Hilfsbereitschaft / готовность помочь, Höflichkeit / вежливость, interessant / интересно, lachen / смеяться, produktiv / плодотворная, Respekt / уважение, Selbständigkeit / самостоятельность, Selbstbewusstsein / самосознание, Selbstverwirklichung / самореализация, Selbstbestimmung / самоопределение</i> – всего 28; Отрицательные реакции: <i>Stress / большое количество работы (6), Anstrengung / напряжение, Arsch / жопа, Druck / давление, Ehrgeiz / тщеславие, eingeschränkt / ограниченный, Härte / жёсткость, Konkurrenz / конкуренция, Lohnungleichheit / несправедливость в зарплате, nicht frei sein / быть не свободным, müde / уставший, Notwendigkeit / необходимость, stressig / напряжённо, schwitzen / потеть, überleben / пережить</i> – всего 20. ВСЕГО: 48

Таблица 1. Распределение реакций австрийских респондентов

Для верной интерпретации результатов АЭ смоделируем содержание базовой ценности *Arbeit / работа* на основе толковых словарей немецкого языка.

Основным значением слова *Arbeit* в толковом словаре немецкого языка DUDEN является значение *Ausführung eines Auftrags / выполнение поручения* [10], значит, основной компонент – ‘выполнение, исполнение’. В качестве основного значения в словаре Agricola указано *Anstrengung / напряжение* [9, S.76]. С основным значением в словаре Wahrig [13] совпадают примеры реализации этого значения: *körperliche oder geistige Tätigkeit / физическая или умственная деятельность*.

Общим значением в словарях Wahrig [13] и Agricola [9] является значение *Produkt / продукт, Erzeugnis / сделанное*. В толковом словаре Wahrig [13] отсутствует значение *Beruf / профессия, Arbeitsplatz / место работы*. Вторым значением в словаре DUDEN [10] является значение *Tätigkeit / деятельность; Beschäftigtsein / занятие*, оно присутствует в словарях Wahrig [13] и Agricola [9]. Следующим значением в словаре DUDEN [10] является значение *Mühe / усилие, Anstrengung / напряжение; Beschwerlichkeit / тягость, Plage / мучение*, которое является основным в толковом словаре Agricola [9]. Значение *Beruf / про-*

фессия, Arbeitstätigkeit / трудовая деятельность, Arbeitsplatz / рабочее место присутствует только в словарях Agricola [9] и DUDEN [10].

В словарях [9], [10] и [13] обнаруживаются общие значения *Ergebnis / результат, Produkt / продукт, Erzeugnis / сделанное; Produkt aus der an einem Körper angreifenden Kraft / продукт силы* (физический термин). Остальные значения, которые относятся к определённой области: ‘*работа с лошастью*’, ‘*тренировка*’, ‘*натаскивание собаки*’, присутствуют только в словаре DUDEN [10].

Сказанное позволит более точно интерпретировать ассоциаты, полученные в эксперименте.

Обратимся к анализу реакций с целью установления психологически актуального значения базовой ценности *Arbeit / работа*.

I. **Понятийные реакции австрийцев** преимущественно единичны. К ядерным на основе частотности можно отнести только реакцию *Geld / деньги (3)*. Для австрийцев важно время, отведённое на работу, и время, отведённое на отдых (*Freizeit / свободное время*), организация рабочего процесса и рабочее место (*Arbeitsplatz / рабочее место, Urlaub / отпуск*), характер трудового коллектива (*Kollegen / коллеги, Team / команда, Zusammenarbeit / сотрудничество*), материальная награда за труд и возможность продвижения по карьерной лестнице (*Geld /*

деньги, *Aufstiegsmöglichkeiten* / возможности профессионального роста, *Weiterbildung* / повышение квалификации, *Gehalt* / зарплата, *Verdienst* / заработок). Отметим, что в этом случае актуализируются разные компоненты ассоциирования. Реакции *Geld* / деньги, *Gehalt* / зарплата, *Verdienst* / заработок указывают именно на материальное вознаграждение, а реакции *Aufstiegsmöglichkeiten* / возможности профессионального роста, *Weiterbildung* / повышение квалификации хотя и

связаны с достижением определённых благ, указывают именно на профессиональный рост. Респонденты чётко разделяют профессиональную занятость и отличают основную работу от подработки (*Beruf* / профессия, *Job* / подработка), выделяя при этом служебную деятельность (*Dienst* / служба). При этом актуализируются компоненты 'профессия' и 'дополнительные работы'.

Результаты анализа понятийных реакций представлены в диаграмме:

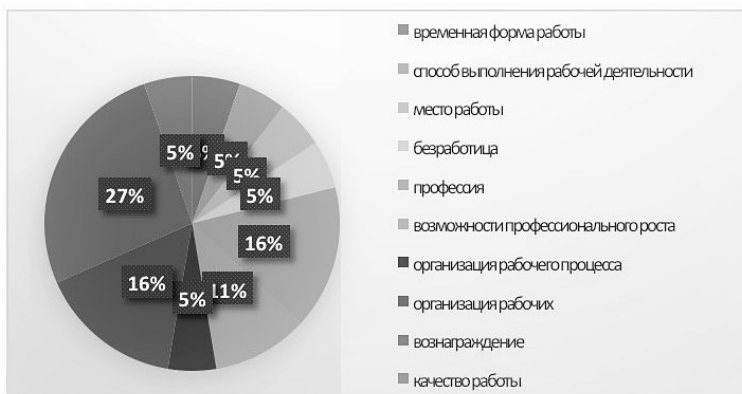

Диаграмма 1. Распределение австрийских понятийных реакций

Наибольшее количество австрийских понятийных реакций отражают компоненты *вознаграждение* (31%) и *профессия* (19%).

II. Следующая группа реакций – **представления**. Реакции *Anerkennung* / признание (6), *Motivation* / мотивация (4) являются ядерными. При этом актуализируются компоненты 'следствие работы' и 'причины работы'. Ядерная реакция *Anerkennung* / признание указывает на социальный престиж. Реакция *Motivation* / мотивация выражает необходимость мотивации труда. Интересна реакция *Berufung* 'призвание', которая указывает на важность для австрийского респондента не просто наличия работы, а работы по душе. В этом случае также актуализируется компонент *причина работы*. Это под-

тверждают реакции, которые начинаются с компоненты *Leben* / жизнь: *Lebensgrundlage* / основа жизни, *Lebensstil* / стиль жизни, *Leben* / жизнь. Эти реакции, а также реакции *Menschheit* / человечество, *Sinn* / смысл подтверждают идею о том, что *работа* является базовой ценностью. Реакция *Chef* / шеф была по нашей просьбе объяснена респондентами, так как она могла входить в подгруппу *результат работы*, если бы респонденты представляли на этой должности себя. Оба респондента в нашем эксперименте представляли себе своего руководителя. Таким образом, в представлениях актуализируются следующие семантические компоненты: *поиск работы*, *временная форма работы*, *организация рабочих*, *создание материальных и духовных благ*, *следствие работы*, *причина работы*, *характер рабочей деятельности*, *сфера рабочей деятельности*, *организация рабочего процесса*.

Диаграмма 2. Распределение австрийских реакций-представлений

ствие работы, причина работы, характер рабочей деятельности, сфера рабочей деятельности, организация рабочего процесса. При этом наибольшее количество реакций актуализирует компонент следствие работы.

III. 58% **эмоционально-оценочных реакций** австрийских респондентов положительные и 42% отрицательные. Положительные реакции *Freude / радость* (9), *Erfolg / успех* (5), *Spaß / удовольствие* (3) мы отнесли к ядерным по критерию частотности. При этом в указанных эмоционально-оценочных реакциях актуализируется компонент *положительный результат работы, достижение определённых результатов: Erfolg / успех* (5), *produktiv / плодотворная, Respekt уважение, Selbständigkeit / самостоятельность, Selbstbewusstsein / самосознание, Selbstverwirklichung / самореализация, Selbstbestimmung / самоопределение*. Отметим, что четыре реакции объединены компонентом *selbst / само*.

Анализ эмоционально-оценочных компонентов АП показывает, что у австрийских респондентов работа связана с их личными интересами,

в том числе и с самосовершенствованием. Среди отрицательных реакций австрийцев отметим *Stress / большое количество работы* и *stressig / напряжённо*, при этом реакция *Stress* относится к ядерным. Для австрийцев актуальны усталость, отсутствие свободы, необходимость работы (*nicht frei sein / быть не свободным, müde / уставший, Notwendigkeit / необходимость*). Единичные реакции *Druck / давление, Härte / жёсткость* и *Konkurrenz / конкуренция* также связаны с негативным отношением к работе. Интересна реакция *überleben / пережить*. Этот глагол имеет негативную коннотацию и понимается как *выжить, остаться после чего-то в живых* [1], например, *пережить* войну, операцию, землетрясение, что подчёркивает отрицательное отношение к работе.

Культурологические, деривационные и формально-грамматические ассоциаты у австрийских респондентов не выявлены.

Сравнение семного поля на основе толковых словарей немецкого языка, АП *Arbeit / работа* и социально-культурных особенностей *работы* в австрийском обществе представлено в таблице:

Толковые словари	Социально-культурные особенности	АП
<i>Ergebnis / результат, Produkt / продукт, Erzeugnis / сделанное; Produkt aus der an einem Körper angreifenden Kraft / продукт силы</i> (физический термин).	<i>Отдых, совместный завтрак, самозанятость, пособие по безработице, Stress, низкая оплата женского труда, высокая квалификация, высокое образование.</i>	Ядро: <i>Freude / радость, Anerkennung / признание, Stress / большое количество работы, Erfolg / успех, Motivation / мотивация, Geld / деньги, Spaß / удовольствие.</i> Совпадающие единичные реакции: <i>Urlaub / отпуск, Kollegen / коллеги, Team / команда, Zusammenarbeit / сотрудничество, Geld / деньги</i> (3), <i>Gehalt / зарплата, Verdienst / заработок, Aufstiegsmöglichkeiten / возможности профессионального роста, Weiterbildung / повышение квалификации, Arbeitslosigkeit / безработица, Selbständigkeit / самостоятельность, Selbstbewusstsein / самосознание, Selbstverwirklichung / самореализация, Selbstbestimmung / самоопределение, Lohnungleichheit / несправедливость в зарплате</i>

Таблица 2. Сравнение семного поля *Arbeit / работа*, АП и социально-культурных особенностей работы в австрийском обществе

К ядерным реакциям австрийских респондентов относятся: *Freude / радость* (9), *Anerkennung / признание* (6), *Stress / большое количество работы* (6), *Erfolg / успех* (5), *Motivation / мотивация* (4), *Geld / деньги* (3), *Spaß / удовольствие* (3). Реакции, входящие в содержательное ядро базовой ценности *Arbeit (работа)*, в австрийской лингвокультуре, как правило, положительные. В ассоциатах однозначно актуализируются компоненты *вознаграждение за работу* и *получение духовных благ*. Первый компонент проявляет-

ся в предметных реакциях, поэтому можно утверждать, что он отражает психологически актуальное содержание базовой ценности *Arbeit / работа*. При этом первый компонент *вознаграждение за работу* не входит в инвариантное значение слова, установленное по данным толковых словарей. Другие компоненты АП *Anerkennung / признание, Erfolg / успех, Geld / деньги*, являясь определённым следствием работы, реализуют один из компонентов инварианта – *Ergebnis / результат*. В ядерных и единичных реакциях

респондентов, полученных на основе АЭ, проявляются социально-культурные особенности работы в австрийском обществе: для австрийцев важную роль играют коллеги, а не сама работа, многие австрийцы хотят быть самозанятыми и работают на себя, женский труд оплачивается в Австрии ниже, чем мужской, австрийские рабочие имеют высокую квалификацию, а студенты –

качественное образование, которое они стремятся повышать, австрийцы жалуются на *Stress / большое количество работы*. Тот факт, что социально-культурное содержание проявляется в реакциях австрийцев, может свидетельствовать о верном установлении и актуальности социально-культурного содержания базовой ценности.

Список литературы

1. Архангельская К. В. Трудности немецкого языка: Немецко-русский учебный словарь. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2003. 288 с.
2. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова и возможности её исследования: теоретическое и экспериментальное исследование. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 278 с.
3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 214 с.
5. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. Редакторы перевода К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
6. Пищальникова В.А. Психопозитика. Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. 176 с.
7. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.
8. Сорокин Ю.А. Стереотип, штамп, клише: К проблеме определения понятий / Сорокин Ю. А. // Общение: Теоретические и прагматические проблемы. М., 1998. с.133-148.
9. Agricola, E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2012. 818 S.
10. DUDEN. Das Bedeutungswörterbuch. 3., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Band 10. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2017. 1103 S.
11. Quasthoff, U.M. Soziales Vorurteil und Kommunikation. – Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. Frankfurt a. M.: Athenäum Fischer Taschenbuch Verlag, 1973. 312 S.
12. Statistik Austria: Österreich, Zahlen, Daten, Fakten. Wien: Druckerei Hans Jentsch & Co GesmbH, 2017. 73 S.
13. Wahrig-Burfeind, R. WAHRIG Deutsches Wörterbuch. 9. Auflage. Brockhaus, 2014. 1730 S.

Сведения об авторе:

Хлопова Анна Игоревна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка, старший преподаватель кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: психоллингвистика, исследование базовых ценностей, германистика, лингвокультурология. E-mail: chloпова_anna@mail.ru.

PSYCHOLINGUISTIC METHODS FOR ESTABLISHING THE BASE VALUE OF THE LEXEME “ARBEIT” (WORK) IN AUSTRIAN LINGUISTIC CULTURE

A.I. Khlopova

Moscow State Linguistic University
38, Ostoshenka, Moscow, 119034, Russia

Abstract: *The article is devoted to the establishment of the socio-cultural content of the basic value "Arbeit" / work in the Austrian linguistic culture. As the main method of establishing the socio-cultural content of the basic value, a free associative experiment was used. It was conducted with linguistic culture carriers from May to July in 2018 in Vienna, Klagenfurt, Villach, Linz, Salzburg. It was found that the psychologically relevant core of the basic value "Arbeit" / work confirms the socio-cultural content of the Austrian basic value. Austrian respondents' nuclear reactions include: Freude / joy (9), Anerkennung / recognition (6), Stress / large amount of work (6), Erfolg / success (5), Motivation / motivation (4), Geld / money (3), Spaß / pleasure (3). The reactions that are part of the core of the lexeme's value in the Austrian linguistic culture are rather positive. Work in general gives the Austrian respondents joy and pleasure. However, they mention a great amount of work. The associates unambiguously update the components of remuneration for work and the receipt of mental benefits. In the nuclear and individual responses of respondents, obtained on the basis of an associative experiment, social and cultural features of work in Austrian society are manifested: for the Austrians colleagues do play an important role, not the work itself, many Austrians want to be self-employed and work for themselves, female labor is lower paid in Austria than male work, Austrian workers are highly qualified, and students have a qualified education that they strive to improve, Austrians complain about Stress / a lot of work. The fact that the socio-cultural content is manifested in the reactions of the Austrians may indicate the correct establishment and relevance of the socio-cultural content of the basic value.*

Key Words: *socio-cultural content, associative experiment, stimulus, reaction, basic value*

References

1. Arkhangel'skaia K. V. Trudnosti nemetskogo iazyka: Nemetsko-russky uchebny slovar' [Difficulties of the German language: German-Russian educational dictionary]. 3-e izd., stereotip. M.: Russky iazyk, 2003. 288 s.
2. Zalevskaia A.A. Dvoinaia zhizn' znachenii slova i vozmozhnosti ee issledovaniia: teoreticheskoe i eksperimental'noe issledovanie [The double life of the meaning of the word's meaning and the possibilities of its research: theoretical and experimental research]. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 278 s.
3. Krasnykh V.V. Ehtnopsikholingvistika i lingvokul'turologiia: kurs lektsy [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics: a course of lectures.]. M.: ITDGG «Gnozis», 2002. 284 s.
4. Leont'ev A.N. Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity Consciousness. Personality.]. M.: Politizdat, 1977. 214 s.
5. Lippman U. Obshhestvennoe mnenie [Public Opinion] (Russ. ed.: Barchunova T.V. Levinson K.A., Petrenko K.V.) M.: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2004. 384 s.
6. Pishhal'nikova V.A. Psikhopoetika [Psychotic]. Barnaul: Izd-vo AGU, 1999. 176 s.
7. Prokhorov YU. E., Sternin I. A. Russkie: kommunikativnoe povedenie [Russians: communicative behavior]. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Flinta: Nauka, 2006. 238 s.
8. Sorokin YU.A. Stereotip, shtamp, klishe: K probleme opredeleniia ponyaty [Stereotype, stamp, cliché: the problem of defining concepts] / Sorokin YU. A. // Obshhenie: Teoreticheskie i pragmaticheskie problemy. M., 1998. s.133-148.
9. Agricola, E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2012. 818 S.
10. DUDEN. Das Bedeutungswörterbuch. 3., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Band 10. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2017. 1103 S.
11. Quasthoff, U.M. Soziales Vorurteil und Kommunikation. – Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. Frankfurt a. M.: Athenäum Fischer Taschenbuch Verlag, 1973. 312 S.
12. Statistik Austria: Österreich, Zahlen, Daten, Fakten. Wien: Druckerei Hans Jentsch & Co GesmbH, 2017. 73 S.
13. Wahrig-Burfeind, R. WAHRIG Deutsches Wörterbuch. 9. Auflage. Brockhaus, 2014. 1730 S.

About the author:

A.I. Khlopova – PhD (Linguistics), Senior Lecturer of the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Faculty of the German Language, Senior Lecturer of the Department of General and Comparative Linguistics. Spheres of research and professional interest: psycholinguistics, basic values research, German studies, cultural linguistics. E-mail: chlopova_anna@mail.ru.

* * *

РУССКИЕ ОБОСОБЛЕННЫЕ СОГЛАСОВАННЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

М. Алияри Шорехдели, М.Р. Мохаммади, Р. Шоджаи

Университет Тарбиат Модарес: Иран, Тегеран, 14115-111, ул. Джалал Ал-э Ахмад,
факультет гуманитарных наук, кафедра русского языка.

Данная статья посвящена сопоставительному анализу предложений с обособленными согласованными определениями в русском и персидском языках. Обособление является одним из наиболее употребительных способов осложнения простых предложений в русском языке. Обособление в русском языке представляет собой намеренное ритмико-интонационное выделение второстепенных членов предложения с целью придать им смысловую и синтаксическую самостоятельность в предложении. Условия и способы обособления второстепенных членов предложения в русском языке, разграничение простых предложений с обособленными членами от сложных, а также перевод данных предложений всегда вызывают трудности у иранских студентов, что обуславливает необходимость проведения исследования сравнительно-сопоставительного характера по этой теме. Новизна исследования видится в том, что впервые вопрос об обособленных согласованных определениях рассматривается в аспекте сопоставления русского и персидского языков на материале переводов художественных произведений. Анализ проводится на основе 70 собранных примеров из разных русских художественных произведений, которые были переведены на персидский язык. Анализ показывает, что употребление союза «ке» и добавление артикля «уе / и» к определяемому слову в персидском языке в большей степени соответствует русским обособленным согласованным определениям.

Ключевые слова: обособление, согласованное определение, осложнённое предложение, простое предложение, второстепенные члены, русский язык, персидский язык

Обособление является одним из продуктивных способов осложнения простых предложений в русском языке. «Обособление – это ритмико-интонационное выделение неглавного члена предложения в целях сообщения ему самостоятельной коммуникативной значимости» [12, с. 340]. Вопрос об обособленных определениях в русском языке исследовался многими исследователями (такими как А. М. Пешковский [3], С. В. Вяткина [6], Н. С. Валгина [1], Д.Э. Розенталь [4] и др.). В персидском языке, так же как и в русском, второстепенные члены предложения, такие как *vābaste* «определение», *taful* «дополнение», *zarf* «обстоятельство», *badal* «приложение», а также *jomalāt-e motareze*

«вводные конструкции» выделяются, но способы и условия их выделения мало изучены, к тому же нечётко классифицированы в отличие от их аналогов в русском языке.

Ш. Махутьян в своей книге «Персидская грамматика с типологической точки зрения» [14, с. 118], употребляя термин *barjestesāzi* «выделение», указывает на следующие способы выделения членов предложения в персидском языке:

1. Перенос выделяемого слова на начало предложения. В приведённых ниже примерах скобки указывают на положение выделяемого члена предложения в соответствии с нормой персидской грамматики.

– прямое дополнение: *Māhi behtare (Māhi) naxore*. – букв. Рыбу [ему/ей] лучше (Рыбу) не есть.

– косвенное дополнение: *Be Mahin belit rā (Be Mahin) dādam*. – букв. Махину билет (Махину) дал.

– косвенное дополнение с предлогом: *Bā Aqdas man (Bā Aqdas) raftam teātr*. – букв. С Агдасом я (С Агдасом) пошёл в театр.

– наречие: *Bā otobus Parviz (Bā otobus) raft Shirāz*. – букв. На автобусе Парвиз (На автобусе) поехал в Шираз.

2. Использование послелого *rā / (разг.) ro /* после членов предложения, кроме прямого дополнения:

Kamāl emšab ro injā mīmune. – букв. Камал сегодня вечером здесь остаётся.

Danešātmuzān az xāne ta madrese rā piyāde miravand. – букв. Ученики от дома до школы пешком идут.

В этих примерах обособление осуществляется употреблением послелого *rā / ro* после обстоятельства времени и места. Следует отметить, что по правилам персидской грамматики послелог *rā / ro* употребляется после прямого дополнения. При этом обособляемый член предложения может переноситься на начало фразы, таким образом достигается его дополнительное выделение: *Emšab ro Kamālinja mīmune* – букв. Сегодня вечером Камал здесь остаётся [14, с. 118-122].

В работе Ю.А. Рубинчика «Грамматика современного персидского литературного языка» рассматривается обособление приименных дополнений и определений, выраженных существительными и личными местоимениями, а также обособление постпозитивных определений, выраженных прилагательными. С точки зрения автора, обособление приименных дополнений и определений, выраженных существительными и личными местоимениями, осуществляется с помощью особой грамматической конструкции: выделяемое слово ставится впереди всего предложения, а вместо него при подчиняющем члене предложения употребляется соответствующее энклитическое местоимение, которое соотносительно с выделяемым словом и повторяет его. После обособленного члена возникает пауза: *asb deumat-aš gerān ast* ‘Цена лошади (Лошадь, цена её) высока’ [5, с. 477], а обособление постпозитивных определений, выраженных прилагательными, достигается путём постановки выделительного артикля после определяемого слова: *mard-i āqel* ‘какой-то умный мужчина’. В данном примере

артикль выполняет выделительную функцию, однако обычно в общелитературном языке он употребляется после определения, а не после определяемого слова. Употребляясь непосредственно после имени, артикль создаёт необходимость возникновения паузы: *Vey tab-i nāārām dāšt* ‘У него был беспокойный характер’ [5, с. 478].

Автор добавляет, что «в тех случаях, когда постпозитивное определение относится к именной части составного сказуемого, его в целях выделения ставят после глагольной части, а после предикативного члена употребляют выделительный артикль: *U mard-i bud nirutand* ‘Он был человеком сильным’. В результате такой перестановки достигается ещё большее выделение предикативной части сказуемого, а обособление переходит в инверсию» [там же, с. 478].

Цель данной работы – на основе около 70 примеров, собранных из разных художественных произведений, сопоставить способы обособления согласованных определений, выражающихся причастными оборотами или прилагательными в русском и персидском языках.

В русском языке обособленное определение является «продуктивным приёмом осложнения структуры простого предложения. Благодаря обособлению выражаемый определением признак актуализируется, а всё содержание обособленного члена приобретает характер дополнительного высказывания о предмете, который обозначен определяемым существительным» [7, с. 691].

Как известно, согласованные определения в русском языке выражаются прилагательными или причастиями с зависимыми словами, притяжательными местоимениями и порядковыми числительными. Согласованные определения в русском языке могут быть обособленными в соответствии с общими или частными условиями. Например, согласованные определения обособляются, если они стоят после определяемого слова или когда они отделены от определяемого слова другими членами предложения. Кроме общих условий существуют некоторые частные условия. В качестве частных условий для обособления определений можно выделить следующие случаи:

– любые определения, относящиеся к личному местоимению, обязательно обособляются независимо от их места нахождения в предложении;

– одиночные согласованные постпозитивные определения обособляются, если перед определяемым словом есть другое определение;

– препозитивные распространённые определения обособляются при наличии добавочного обстоятельственного оттенка;

– одиночные постпозитивные согласованные определения обособляются, если они бывают однородными членами предложения;

– обособляются определения под влиянием комбинации с другими обособленными определениями [7, с. 691-692].

В данной работе для того, чтобы найти подходящие эквиваленты в персидском языке, мы анализировали около 70 примеров из русской художественной литературы, которые были переведены на персидский язык. Примеры собраны из разных источников, названия которых указаны в списке литературы. Анализ перевода примеров показывает, что русские обособленные согласованные определения выражаются в персидском языке следующими способами:

– **при помощи союза «ке» с добавлением артикля «уе / и» к определяемому слову:**

1. *Я долго любовался его лицом, кротким и ясным, как вечернее небо* [9].

Man modat-i tulāni be qiyāfe-ye u ke mesle āsemān-e šāmgāhi jazāb va monazah bud xire šodam [18].

Русские обособленные определения «кроткое» и «ясное» в этом примере переводятся на персидский язык прилагательными *jazāb* и *monazah*. В персидском языке обособление осуществляется с помощью определительного придаточного предложения.

2. *Он поглядел на неё, и злоба, выразившаяся в её лице, испугала его* [8].

Stepān Ārkādič be u negāh mikard va kine-i ke dar čehre-ye u namāyān bud be vahšataš andāxt [15].

3. *Старик, сидевший с ним, уже давно ушёл домой* [8].

Pirmard-i ke pahlū-yaš nešaste bud modathā bud ke be xāne raft-e bud [15].

Как видно из примеров, русские согласованные определения, выраженные причастными оборотами, переводятся на персидский язык описательно, то есть с помощью придаточных определительных предложений. Вышеуказанные персидские переводы семантически совпадают с русскими предложениями, но по грамматической структуре они отличаются, то есть русские простые предложения с обособленными определениями переводятся на персидский язык сложноподчинёнными предложениями.

– **при помощи союза «ке» без добавления «уе/и» к определяемому слову:**

4. *Левин, не замечаемый народом, продолжал лежать на копне и смотреть, слушать и думать* [8].

Levin, ke kasi motavajjeh-e hozuraš nabud, hamčēnān ru-ye kyme lamideh mānde bud va be nezāre va šenidan va andišidan edāte midād [15].

В этом примере русский причастный оборот переводится на персидский язык придаточным определительным предложением, и обособление осуществляется посредством союза «ке».

5. *Приказчик, ездивший к купцу, приехал и привёз часть денег за пшеницу* [8].

Mobāšer ke be nazd-e tājer raft-e bud āmade va qesmati az pul-e gandom rā āvarde bud [15].

Причастный оборот в данном примере также переводится на персидский язык придаточным определительным предложением.

– **при помощи отдаления определения от определяемого существительного:**

6. *В половине июля к Левину явился староста сестриной деревни, находившейся за двадцать вёрст от Покровского, с отчётом о ходе дел и о покосе* [8].

Avāset-e žuiyye, kadxodā-ye deh-e xāhare Levin, vāqe dar bist versti-e Pākroskāyā, nazde u āmad tā gozāreše kārhā-ye jāri va vaz-e dero rā be u bedahad [15].

В русском примере причастный оборот находится после определяемого слова и обособляется, но в переводе на персидский язык показателем обособления является дистантная постановка определения и определяемого слова. Причастие «находившаяся» переводится на персидский язык причастием арабского происхождения *vāqe*. Как видно из перевода, в персидском предложении, как и в русском, определение выделяется в середине с двух сторон запятыми.

– **при помощи переноса определения на начало предложения:**

Место определения в предложении играет важную роль при обособлении в обоих языках.

7. *Ему запало в душу слово, сказанное Дарьей Александровной в Москве, о том, что, решаясь на развод, он думает о себе, а не думает, что этим он губит её безвозвратно* [8].

Gofte-ye Dāriā Aleksāndrovnā dar Mosko be u, ke bā tasmim be talāq faqat dar qam-e hāl-e xiš ast va fekr nemikonad ke bā in kār bāese tabāhi-e jobrān nāpazir-e Annā mišavad, be delaš nešaste va dar zehnaš zabt šode bud [15].

В персидском переводе определение переносится на начало предложения и обособляется. В данном примере русское причастие переводит-

ся на персидский язык при помощи причастия прошедшего времени.

– при помощи союзов *garče*, *če* и др.:

8. Вронский, **не привыкший замечать подробности**, заметил, однако, теперь удивлённое выражение, с которым швейцар взглянул на него [8].

Vronski garče ādat nadāšt be joziyyāt tavajjoh konad motavajjeh-e negāh-e saršar az heyrati ke darbān be u andāxt šod [15].

В этом примере русский причастный оборот переводится на персидский язык придаточным предложением с уступительным союзом *garče*.

Посредством данного способа переводятся на персидский язык также русские обособленные определения, выраженные прилагательными:

9. Любимые лица, **мёртвые и живые**, приходят на память [9].

Čehrehāye dustdāštani, če morde če zende, dar zeh-n-e šomā tojasam migardad [18].

В этом примере русские согласованные определения переводятся на персидский язык прилагательными, и обособление осуществляется с помощью парных союзов *če...če*.

– при помощи повтора определяемого слова:

Другим способом обособления в персидском языке является повтор определяемого слова.

10... Особенно понравились мне глаза, **большие и грустные** [9].

Ānče ke maxsusan tarā majzub kard, češtān-aš bud, češtān-e bozorg va maqtum [18].

В данном примере согласованные определения в русском языке стоят после определяемого слова, поэтому обособляются, но в персидском языке обособление определений осуществляется повторением определяемого слова «*češtān*».

Согласованные определения в русском языке переводятся на персидский язык также прилагательными.

– при помощи употребления предложных оборотов:

11. Дверь растворилась – **и весёлый, свежий, румяный** появился Николай Петрович [10].

Dar bāz šod va Nikolay Petrovič bā surat-i šādāb va golgun vārede otāq šod [16].

При переводе на персидский язык употребляется предложный оборот (*bā surat-i*), уточняющий характеристику подлежащего, то есть характеристику Николая Петровича.

– при помощи постпозитивного определения по отношению к определяемому слову:

12. Алёша, **задумчивый**, направился к отцу [2].

Ālušā, qarq-e tafakor, be didan-e pedaraš raft [13].

В данном примере прилагательное в русском языке находится после собственного существительного «Алёша», поэтому обособляется и выделяется с двух сторон запятыми, а на персидский язык это прилагательное переводится именованным словосочетанием и, как в русском языке, находится после определяемого слова, обособляется и выделяется с двух сторон запятыми.

Следует отметить, что в нашем корпусе примеров есть русские предложения, которые обособляются посредством постпозитивного определения, выраженного причастием или прилагательным, но при переводе на персидский язык обособление не осуществляется, но передаётся атрибутивным словосочетанием.

13. Молодому человеку, **влюблённому**, невозможно не проболтаться... [11].

Javān-e āšeq nemitavānad jelow-e zabānaš rā begirad... [17].

14. На крик его явился **смотритель**, **заспанный** [11].

Bā faryād-e u sar ro kale-e masul-e xābārud-e čārārxāne peydā šod [17].

Как видно из приведённых примеров, в русских предложениях обособление осуществляется постпозитивными определениями, в то время как в персидских предложениях обособление отсутствует. Нужно отметить, что русские определения, выраженные причастиями, в данных примерах переводятся на персидский язык прилагательными.

Заключение

В результате проведённого исследования мы пришли к следующим выводам:

1. В персидском языке в отличие от русского вопрос об обособлении членов предложений мало изучен. Как в русском, так и в персидском языках все второстепенные члены предложения могут быть обособленными в целях сообщения им самостоятельной коммуникативной значимости.

2. При переводе русских обособленных согласованных определений на персидский язык обособление осуществляется следующими средствами:

а) с помощью союза «ке» с добавлением или без добавления артикля *ye / i*» к определяемому слову;

б) посредством дистантной постановки определения и определяемого слова;

в) с помощью переноса определения на начало предложения;

г) употреблением союзов *garče*, *še* и др.;

д) с помощью повторения определяемого слова;

е) с помощью употребления предложных оборотов;

ж) с помощью постановки определения после определяемого слова.

3. Анализ примеров показывает, что наиболее продуктивным способом соответствия

русских обособленных согласованных определений в персидском языке является употребление союза «*ke*» и добавление артикля «*ye / i*» к определяемому слову. В данных случаях простые русские предложения переводятся на персидский язык сложноподчинёнными предложениями.

4. В нашем корпусе примеров есть русские предложения, которые обособляются посредством постпозитивного определения, выраженного причастием или прилагательным, но при переводе на персидский язык обособление не осуществляется.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 2003. 416 с.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1991.
3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544с.
4. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку: пунктуация. М.: Мир и образование, 2002. 350 с.
5. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Восточная литература, РАН, 2001. 600 с.
6. Синтаксис современного русского языка / под Ред. С.В. Вяткиной. М.: Высшая школа, 2009. 346 с.
7. Современный русский литературный язык. Под. Ред. П.А. Леканта. М.: Высшая школа, 2009. 766 с.
8. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Художественная литература, 1981.
9. Тургенев И.С. Записки охотника. М.: Наука, 1979.
10. Тургенев И.С. Отцы и дети. М.: Наука, 1981.
11. Тургенев И.С. Рудин. М.: Наука, 1980.
12. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 685с.
13. Dostoevski F.M., Barādarāne kārāmāzov, motarjem A. Aliqoliān. Tehrān: Markaz, 2009. (In Persian).
14. Māhoutiān Š. Dastur-e zabān-e farsi az didgāh-e rade šenāsi. Tehrān: Markaz, 1999. 366 с. (In Persian).
15. Tolstoy L. N. Ānnā Kāreninā, motarjem S. Habibi. Tehrān : Nilufar, 2009. (In Persian).
16. Turgenev I. Pedarān va pesarān, motarjem M. Āhi. Tehrān: Nāhid, 2009. (In Persian).
17. Turgenev I. Rudin, motarjem M.H. Šafihā. Tehrān: Māhi. 2012. (In Persian).
18. Turgenev I., Xāterāte yek šekarči, motarjem M. Moharrar. Tehrān: Tiraže, 1983. (In Persian).

Сведения об авторах:

Махбубех Алияри Шорехдели – кандидат филологических наук, старший преподаватель, Университет Тарбиат Модарес (Иран, Тегеран), факультет гуманитарных наук, кафедра русского языка. Научная специализация: русский язык. E-mail: m.aliyari@modares.ac.ir.

Мохаммад Реза Мохаммади – кандидат филологических наук, доцент, Университет Тарбиат Модарес (Иран, Тегеран), факультет гуманитарных наук, кафедра русского языка. Научная специализация: русский язык. E-mail: mrmoham@modares.ac.ir.

Рейхане Шоджаи – магистр, Университет Тарбиат Модарес (Иран, Тегеран), факультет гуманитарных наук, кафедра русского языка. Научная специализация: русский язык. E-mail: R.shojaee@modares.ac.ir.

RUSSIAN DETACHED COORDINATED ATTRIBUTES IN THE MIRROR OF THE PERSIAN LANGUAGE

Aliyari Shorehdeli Mahboubeh, Mohammadi Mohammad Reza, Shojaee Reyhane

Tarbiat Modares University, Iran, Tehran,
Jalal AleAhmad, P.O.Box: 14115-111

Abstract: *This article is focused on a comparative analysis of sentences with detached coordinated attributes in the Russian and Persian languages. Detachment is one of the most common ways of complicating simple sentences in the Russian language. Detachment in the Russian language is realized by a change of a rhythmic structure and intonation of the secondary member of the sentence in order to give them a semantic and syntactic independence in the sentence. The conditions and ways of detaching the secondary members of the sentence in the Russian language, differentiation of simple sentences with detached members from complex ones, as well as translation of these sentences always cause difficulties for Iranian students. It is therefore necessary to conduct contrastive-comparative studies in this field. The novelty of the research is determined by the fact that for the first time the question of detached coordinated attributes has been considered in a comparative Russian-Persian study by drawing on translation of literary texts. The analysis is carried out on the basis of 70 examples, collected from various Russian literary works that have been translated into Persian. Our analysis shows that the use of the conjunction [ke] and the addition [ye / i] to the defined word in Persian are the most matching Russian detached coordinated attributes.*

Key Words: *detachment, coordinated attributes, expanded sentence, simple sentence, secondary parts of the sentence, the Russian language, the Persian language*

References

1. Valgina N.S. *Sovremenny russky iazyk. Sintaksis* [Modern Russian language. Syntax]. Moscow: Vysshaya shkola, 2003. 416 p.
2. Dostoevsky F.M. *Brat'ia Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. L.: «Nauka», Leningradskoe otdelenie, 1991.
3. Peshkovsky A.M. *Russky sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001. 544 p.
4. Rozental' D. Je. *Spravochnik po russkomu iazyku: punktuatsiia* [Reference book on the Russian language: punctuation]. Moscow: Mir i obrazovanie, 2002. 350 p.
5. Rubinchik Ju.A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo iazyka* [Grammar of the Modern Persian Literary Language]. Moscow: Vostochnaya literatura, RAN, 2001. 600 p.
6. *Sintaksis sovremennogo russkogo iazyka* [Syntax of modern Russian language] / pod Red. S.V. Viatkinoi. Moscow: Vysshaya shkola, 2009. 346 p.
7. *Sovremenny russky literaturny iazyk* [Modern Russian literary language]. Pod. Red. P.A. Lekanta. Moscow: Vysshaya shkola, 2009. 766 p.
8. Tolstoy L.N. *Anna Karenina*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1981.
9. Turgenev I.S. *Zapiski okhotnika* [A Sportsman's Sketches]. Moscow: Nauka, 1979.
10. Turgenev I.S. *Ottsy i deti* [Fathers and Sons]. Moscow: Nauka, 1981.
11. Turgenev I.S. *Rudin*. Moscow: Nauka, 1980.
12. *Iazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedichesky slovar'* [Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary] / Gl. red. V.N. Iartseva. Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia, 1998. 685 p.
13. Dostoevsky F.M. *Baradarane Karamazov* [The Brothers Karamazov]. Translated by A. Aligholian. Tehran: Markaz, 2009. (In Persian).
14. Mahoutian SH. *Dasture zabane farsi az didgahe rade shenasi* [Persian Grammar from Typology Perspective]. Tehran: Markaz, 1999. 366 p. (In Persian).
15. Tolstoy L. N. *Anna Karenina*. Translated by S. Habibi. Tehran: Nilufar, 2009. (In Persian).
16. Turgenev I.S. *Pedaran va pesaran* [Fathers and Sons]. Translated by M. Ahi. Tehran: Nahid, 2009. (In Persian).
17. Turgenev I.S. *Rudin*. Translated by M.H. Shafiha. Tehran: Mahi, 2012. (In Persian).
18. Turgenev I.S. *Khaterate yek shekarchi* [A Sportsman's Sketches]. Translated by M. Moharrar. Tehran: Tirazhe, 1983. (In Persian).

About the authors:

Aliyari Shorehdeli Mahboubeh – PhD of the Russian language, Assistant Professor, Tarbiat Modares University (Iran, Tehran). E-mail: m.aliyari@modares.ac.ir.

Mohammadi Mohammad Reza – PhD of the Russian language, Associate Professor, Tarbiat Modares University (Iran, Tehran). E-mail: mrmoham@modares.ac.ir.

Shojaee Reyhane – MA of the Russian language, Tarbiat Modares University (Iran, Tehran).
E-mail: R.shojaee@modares.ac.ir.

* * *

THE TELEVISUALLY COMPROMISED SPACES IN *RINGU* AND “TV PEOPLE”

Masaki Mori

The University of Georgia, Department of Comparative Literature and Intercultural Studies,
219 Joseph Brown Hall, Athens, Georgia 30602-6204, U.S.A.

The short story “TV People” by Murakami Haruki and a pair of horror movies “Ringu” by Nakata Hideo came out in the last decade of the twentieth century and addresses the nineties’ situation of televisual permeation in the form of non-human figures coming out of the TV screen. Nakata’s films typify an updated version of a conventional ghost story, while Murakami’s text assumes unreality of another sort in the midst of ordinary life. As paranormal phenomena in J. Hillis Miller’s definition, the intruders of the space adjacent to the TV set in both cases affect not only TV watchers in the fictional plane but also film viewers and text readers outside of it in the threefold spatial dynamics. Although they differ in terms of the kind of fear they inspire or covertly insinuate, the works of two different modes foreshadow in tandem human dependency on information technology in the Internet age.

Key words: Murakami Haruki, Nakata Hideo, paranormal, *Ringu*, *TV People*, televisual

The televisual media significantly affected human life for decades since the proliferation of TV, even before the arrival of the cyberspace that has drastically expanded its reach. In this current situation, it is meaningful to go back to the precise moment in recent history when TV thoroughly integrated itself into human life prior to the full advent of digitized technology and communication in order to examine the nature of contact between people and televisual media, because how we live our current life has evolved as an extension from that near past. Of particular interest here is the triple spatial dynamics that involves the televisual field proper to TV, the fictional plane inhabited by the character watching TV, and the space of the film spectator or the text reader outside the fictional plane, demonstrated by two pieces from Japan at the end of the twentieth century.¹

“TV pīpuru TV ヒーブル [TV People]” (1989),² one of the early short stories by Murakami Haruki

村上春樹 (1949-), shares the same pre-digitized technological setting with a pair of popular Japanese horror films, *Ringu* リング [Ring] (1998, 1999)³, directed by Nakata Hideo 中田秀夫 (1961-). For the subject matter, they both center on the analog, non-flat TV set that needs an antenna for its one-directional radio reception with channel options severely limited in today’s standard. In the case of *Ringu*, the setting is doubly outdated with the videocassette system that, combined with analog TV, plays a pivotal role and yet has long given place to more efficient, powerful forms of visual reproduction when DVD that replaced it is becoming obsolescent. Both featuring agents of paranormal nature in J. Hillis Miller’s definition, the short story and the films offer intriguing points of convergence and difference. And one simple, related question pertains to them with regard to why, in spite of the same technological settings and a similar motif, *Ringu* the films remain globally recognizable through the horror they

¹ This article is based on the presentation that I made at the 6th Annual International Conference on Language, Literature & Linguistics in Singapore, 2017. See Mori 135-137.

² The original Japanese text was published in 1989, followed by an English translation in 1994.

³ I refer to the two immediately sequential movies by Nakata, *Ringu* (1998) and *Ringu 2* (1999), as *Ringu* for my argument, not considering other *Ringu*-related works.

inspire while “TV People” does not necessarily enjoy such reception for the same reason.

As often the case with Murakami’s stories before the turn of the millennium, the narrating protagonist of “TV People” is an unnamed man of about thirty years old. Married with no children to an editor of a niche magazine, he lives a busy life as an office worker for a major electronics company. One Sunday afternoon during a crepuscular hour, a group of three workers, uninvited and proportionally somewhat shrunk in size, bring in a TV set into the living room of his apartment when he is alone. Spellbound in a way, he cannot do anything about their installing the apparatus although he has chosen not to own one. The following day, these technicians carry again a TV set of a rival corporation into an ongoing office meeting at his company that also manufactures TVs along with other electronic products. Curiously, his wife, who is meticulous about the arrangement of the home interior, does not acknowledge either the presence of the newly arrived TV or the disorganized aftermath of the intrusion. All his colleagues at work totally ignore the intruders and the set they carry around. Only the narrator-protagonist does notice their presence. By the end of the second day, he finds himself preoccupied with the TV set in his living room that remains static even when turned on. Then, one of the *TV People* appears on it, gradually grows larger, and finally comes out of the screen.

This disorienting scene, in particular, recalls *Ringu* in which Sadako, the ghostly female figure, similarly pulls herself out of a TV frame on her trudging advance to the target. In the mid-twentieth century, afraid of her fatal cursing power, the teenager’s adoptive father threw her alive into a solitary, abandoned well to her slow, gruesome death, decades before she emerges as part of a short, edited film on a videotape that surfaces in a rental villa complex built on the old well. People who watch the VHS tape usually receive an immediate telephone call that announces their impending death to occur a week later. Then, seven days later as foretold, the ghost unfailingly visits them from a TV set, leaving traces of victims who appear unnaturally shocked to death one after another as if struck by a pernicious, communicative disease. To avoid death, the haunted individual must make a copy of the videotape and show its content to another person before one week expires.

The same visual motif of a non-human figure coming out of TV offers a point of convergence

between the works of two different formats. *Ringu* differs from the literary counterpart in two respects, however. First, the ghost needs the videotape to be passed around by others. In contrast, the short story’s shrunk people do not rely on any devices for their actions of carrying a TV set and forcing it upon an unsuspecting, targeted individual, especially on someone like the narrator-protagonist who does not want to own one. Second, the ghost does not fail to prey upon her intended victims to death exactly one week after their video viewing as announced via telephone. Meanwhile, unlike her, *TV People* impose themselves on the narrator-protagonist at any moments of their choice during his daily routine without giving him any leeway, such as a prior notice, a grace period, and a way to get out of his tightening quandary.

To a large extent, with a videotape as a new prop for the conduit of spectral transmission, *Ringu* the films constitute a refurbished update of a traditional ghost story with Sadako as “a prime example as a version of the Gothic ghost of a picture” as Jerrold E. Hogle puts it.⁴ Typically, someone under predetermined circumstances, such as presence at a wrong location and time, comes to contact with a supernatural being, often to his/her great fright or even demise as a result. The ghastly visitation that befalls the TV viewer precisely one week after the videotape playing, for instance, shows a reinvented version of an inauspicious situation approximated to the strict video rental terms, reinforced here with a punctual phone call immediately after the viewing, of a period beyond which a certain penalty is imposed.

In sharp contrast, this standard model of a ghost story obviously does not apply to the literary text, for *TV People* do not horrify the protagonist in the slightest when they appear in the circumstances most familiar and ordinary to him. Given the ending in which their repeated, uncalled-for visits drive him to the brink of collapsed existence, however, we have to inquire into the nonsensical content of “TV People”, if the story does not merely concern an isolated anomaly of a mental disorder like paranoia. More specifically, as Matsuoka Kazuko 松岡和子 calls the book *TV People* (1990), which includes the short story in question as its eponymous piece, “a collection of ghost stories by Murakami Haruki,”⁵ the text needs to be examined as a new kind of ghost story in terms of the different kind of predicament and fear that it entails.

⁴ Hogle 174.

⁵ Matsuoka 285.

In fact, despite of shared analog TV technology, another major difference that sets the text apart from the films resides between fear and the apparent lack thereof. With *Ringu*, it is the visceral fear that, akin to an animal survival instinct, arises from an ancient part of the psyche against the rationalizing superstratum that attempts to place it under control. A good ghost story or film is expected to stir up this existential fear in the victim as well as in the reader/spectator for whom the victim functions vicariously. Thus, the effect is straightforward. Sadako emerges from an old, abandoned well, into which she was thrown alive to her slow death decades ago, before she proceeds to climb out of the TV screen. Her oneiric emergence deep from the dark underground symbolically suggests her close affinity with the unconscious regarding the impulsive fear she causes. In this respect, it might be coincidentally relevant to note that the Japanese word for a well, *ido* 井戸, is pronounced the same as the Freudian “id” in the language’s transliteration.

In contrast, the narrator-protagonist in Murakami’s short story neither feels horrified at the encounter with *TV People* nor regards them as a threat to his being, for, apart from the intrusive nature of their visits, they remain discreetly inconspicuous in behavior and appearance, including the proportional reduction of their physique. Suggestive of a situation of gradual encroachment on an individual’s private and public life with his or her full awareness, this alludes to the effect of unobtrusively ubiquitous electronic media, particularly TV in this case, on people’s life. Willingly embracing media’s spread everywhere around human activities, people unreservedly incorporate media influences for the sake of ease and comfort in acquiring information and entertainment. The audiovisual media are so well integrated into every aspect of the social fabric that they can even affect the people, like the narrator-protagonist, who elect not to possess a TV set at home. He also cannot avoid contact with the device due to the nature of his occupation. As a result, people are reduced to automaton-like beings that accept media-fed information unreflectively, becoming short of intellectual depth and diversity and scarcely distinguishable among one another like *TV People*, as it happens to him in the end. This almost willing surrender of intellectual integrity is designed not to evoke a strong fear that would jeopardize the pro-

cess. Accordingly, the narrator-protagonist does not feel terrified at any moment.

This audiovisual colonization of the human interiority does not mean, however, that electronic media can mold people’s thought without any resistance, indicated by the fact that the narrator-protagonist questions the intrusive nature of *TV People*’s visits from the beginning, although he cannot halt their infiltration. Unlike other people around him, he senses their appearance, behavior, and presence amiss and somewhat alien. These different responses to the shrunk intruders’ maneuver signify most people’s thorough familiarity with electronic media to the point of unconditional, unquestioning submission in contrast to a few others’ attempt to keep a conscious distance albeit to little avail. The story “TV People” thus implies a kind of uneasiness shared and thinly felt, yet almost unrecognized by people who have undergone the “ubiquitous technological mediation” of “contemporary cultural life.”⁶ While immersing themselves in “the comforting banality of today’s technology” that has become “perhaps too familiar” just as they desire,⁷ people might sense, however vaguely and slightly in the very regular way they spend their quotidian hours exposed to television, an unarticulated anxiety about the state in which they have forfeited their autonomy as critically thinking beings.

To discuss more in detail “TV People” and the *Ringu* films as different kinds of ghost stories, let us return to the initial question raised earlier with regard to why the films retain their lingering circulation on a global scale while, in spite of the avid readership of his novels in many parts of the world, Murakami’s short story has stayed relatively obscure. Upon their release, the films gained popularity in Japan, the United States, and elsewhere because they struck the right vein of underlying fear in the viewer’s mind to resonate on both sides of the Pacific and beyond in conjunction with the nineties’ overflowing videocassette proliferation. If “[h]orror films have always been credited with articulating the dominant fears and concerns of their respective periods” as Valerie Wee states,⁸ what is the essential nature of this fear in *Ringu*, if not simply about an archaically haunting ghost? Does the short story partake of that contemporary fear in spite of its apparent lack thereof? If that is the case, how does the text differentiate itself from the films? Finally, why did the works of

⁶ White 41. See also Yu 117.

⁷ Phu 49.

⁸ Wee 57-58.

two different modes come out with the same motif of a disfigured humanlike figure coming out of TV in the last decade of the twentieth century when the televisual system thoroughly infused society with its operation even before the permeation of the Internet?

In both cases, a basic anxiety stems from the seemingly innocuous device of visual transmission that furnishes virtually every household. Placed at a room corner, the television, “which many people consider almost a friend,” might as well operate as a monitor to watch over our private life and keep us vulnerable as “the ultimate act of technological betrayal.”⁹ Recent technological developments in certain Internet-connected TVs actually prove that such electronic surveillance is no longer a mere speculation but a likely reality. On a more fundamental level, whether TV transmits information digitally or analogically, and even if the TV is off, the constant presence of an unclosed electronic window can imperceptibly stir up, once the fleeting idea of such a possibility comes across the mind, an irrational, yet persistent, unsettled feeling that the device might be taking in every minute aspect of our life with a steady, unblinking gaze devoid of empathy.

Furthermore, with overflowing, unstoppable televisual influx all around them, people might feel, without realizing or acknowledging it, even an invasive force coming from behind the TV screen. This unclaimed sensation over constant surveillance and informational aggression takes the anthropomorphic form of a ghost and shrunk *TV People* in the two pieces. They are *paranormal* phenomena, rather than supernatural ones, as J. Hillis Miller explains:

A thing in “para” is...not only simultaneously on both sides of the boundary...[but] also the boundary itself, the screen which is...a permeable membrane connecting inside and outside...dividing them but also forming an ambiguous transition between one and the other.¹⁰

Neither the ghost nor *TV People* stay very far away from the osmotic TV screen, because the screen itself constitutes what they essentially are as *paranormal* figures.

It is important to notice here that the spatial scheme of the films and the story is not just dichotomically opposed between subject (videotape viewers, narrator-protagonist) and object (ghost, *TV People*) but structured threefold, implicitly involving the film

spectators and the textual readers who stand outside the films and the text. A central issue concerns the visualized other that, originally confined within TV, moves out to take over the proximate space around the viewing fictional subject on the other side of the screen as a newly acquired domain of its agency, then extending the effect of spatial appropriation to the external sphere of the actual subjects that watch the films or read the text as consumable artifacts.

In *Ringu*, the uneasy feeling turns into a direct, unmitigated fear of an image that forcibly violates the border between electronic simulacrum and assumed reality. The frightening ghost that infringes on the field immediately external of TV and affects people there straight to their demise embodies the unconsciously constant sense that a certain, perhaps malign influence emanates from the confines of television. The fear is shared almost universally as TV saturates societies. Unlike traditional ghost stories in which the supernatural targets a select, unlucky few at a fixed locale, *Ringu* reveals its postmodern contemporaneity by hinting at an apocalyptic outcome of the epidemic that might affect the entire humanity through “a self-perpetuating chain” of metaphorical viral contagion of video copies uncontrollably multiplied “from an always already lost original” as Sadako becomes “a potentially *global* presence.”¹¹ Thus, theoretically, anyone in the world can sense vulnerability as a potential target of her attack, which lays the foundation for *Ringu*’s worldwide reception because people anywhere, fictional or otherwise, live cognizant of TV’s excessive influences.

The intense fear induced by Sadako directly reaches the film spectators outside the fictional zone via the vicarious victims who inadvertently watch her video clip in the *Ringu* films. The ghost threatens to transgress by the sheer force of terror not only the spatial divide between TV and its exterior but also the one that separates the fictional plane from where the film spectators are. The threat is doubly effective when the spectators also watch the films on television rather than in a theater. In a metaphorical sense, people’s heavy dependence on the electronic media, which are the ghost’s proper domain, enables her to roam through the threefold spatial dynamics at will until she finally poses to impose herself on the film spectators. With *Ringu*, however, the actual spectators outside the unfolding movie ultimately hold onto the practical assurance about the impene-

⁹ Parris 5.

¹⁰ Miller 441.

¹¹ Rojas 417, White 41, and Yu 115. See also Hogle 171 and Phu 45.

trable divide between two sides of the TV screen so that they can rationally discredit televisual trespassing, and they choose to seek and consume at will a nightmarish vision of transgression in the contained realm of fiction for aesthetic pleasure and the release of suppressed fear. In other words, for all the intense fear that they undergo, the film spectators can rest assured of their integrity as humans extrinsic to the films.

Murakami's short story, in contrast, addresses the very covert way TV gradually transmutes the viewers' mind while they do not even think of the need to resist televisual encroachment despite of the underlying, yet unnoticed angst. Precisely because the story does not bring forth intense fear, the text "TV People" does not force the text readers to get sensitized to the conterminous divide between fictional character's reality and TV's contained sphere, rather leaving them in muffled confusion over the textual meaning of unreal occurrences set in familiar settings. The bewilderment, in turn, helps to blur the demarcation between readers' world and textual plane because their life's reality might unsuspectedly appear as a continuum of electronic media saturation from fictional representation. Murakami's intentionally easy style to read helps to dilute further the supposedly inviolable boundary of fictionality and the readers' actuality. They thus get disarmed of apotropaic defensive rationalizing unlike *Ringu's* film spectators. Suggestively, unlike Sadako's laborious crawling out of TV, the TV person steps out of the electronic screen easily without much physical exertion, entailing no sense of violation.

The paranormal *TV People* take over the adjacent space across a TV screen unassumingly without giving a warning or telltale signs of emerging monstrosity to the readers as well as to the narrator-protagonist. In the case of his workplace, the televisual field fills the entire office building where meetings take place to discuss the design of a new TV model, which accounts for his unexpected encounter with one of them walking down the stairs. In this sense, "TV People" can be called a ghost story of a new kind specific to our contemporary reality, in which the unlikely spectral figures affect all the members of society, including those who wish to avert the general outcome, without causing a sense of fear either to

the story's TV viewer or to the text reader who is also exposed to TV's overreaching influence. A ghost story that leaves its readers baffled in this manner rather than straightforwardly terrifies them exerts, if any, only a limited range of appeal for fright although it concerns everyone in postindustrial society.

Ringu, the ghostly horror films, and "TV People" as an expression of Murakami's creative mind seem to negotiate totally different kinds of apprehension in accessing analog TV technology for remotely receiving visual information. In fact, originating in the identical situation of TV saturation as a socially coordinated reality in the last decade of the twentieth century, both pieces center on the non-human, televisual image that approaches and strikes the defenseless human viewers through the screen. The imagination results from the spatial reality of TV's proximity that is already technologically compromised. The televisual figures have metaphorically gained the freedom and ability to move around TV and affect humans, fictional as well as actual, at their will. Symptomatic of what undermines society, the two works address in tandem, yet in different modes, the same predicament that befell humanity at the end of the millennium.

A few decades since, the televisual appropriation of space has exponentially accelerated with the further proliferation of electronic screens, especially small, lightweight, portable devices for accessing the cyberspace that is at once eclipsing and absorbing the TV system in electronically transmitting audiovisuals. In 1999, the same year when *Ringu 2* premiered, Kuritsubo Yoshiki 栗坪良樹 already pointed out the "legally" established residence of non-intrusive, soft-trodden "Internet People" among humans in the footsteps of Murakami's *TV People*.¹² And the ghost has inevitably found the Internet system much more congenial to her electronically viral copying and migration than the cumbersome physicality of videotapes, roaming the cyberspace in the film *Sadako 3D 貞子 3D* (2012). The paranormal intruders might not advance far away from electronic screens, but there is little doubt that the ubiquitous accessibility to the worldwide web via portable devices greatly facilitates their process of taking over the users' entire reality.

¹² Kuritsubo 284.

References

1. Hogle, Jerrold E. "Hyper-Reality and the Gothic Affect: The Sublimation of Fear from Burke and Walpole to *The Ring*." *English Language Notes* 48.1 (2010): 163-176.
2. Kuritsubo Yoshiki 栗坪良樹. "Chinnyūsha TV pipuru 闖入者 TV ビーブル [TV People the intruders]." Kuritsubo Yoshiki and Tsuge Mitsuhiro 柘植光彦, eds., *Murakami Haruki sutadizu* 3 村上春樹スタディーズ 3 [Murakami Haruki studies 3]. Tokyo: Wakakusa shobō 若草書房, 1999. 274-284.
3. Matsuoka Kazuko 松岡和子. "Kyōfu no naka ni tenzai suru azayakana iro: Murakami Haruki cho 'TV pipuru' 恐怖の中に点在する鮮やかな色: 村上春樹著「TV ビーブル」 [The bright colors interspersed in fear: 'TV People' by Murakami Haruki]." 1990. *Murakami Haruki sutadizu* 3. 285-290.
4. Miller, J. Hillis. "The Critic as Host." *Critical Inquiry* 3.3 (1977): 439-447.
5. Mori Masaki. "Ghost Stories of TV, Old and New: A Comparison between Ringu and 'TV People.'" *The Proceedings of the 6th Annual International Conference on Language, Literature & Linguistics* (2017): 135-137.
6. Murakami Haruki 村上春樹. "TV pipuru TV ビーブル [TV People]." 1989. In *TV People*. Tokyo: Bungei shunjū 文藝春秋, 1990. 7-46.
7. Murakami Haruki. "TV People." 1989. In *The Elephant Vanishes*. Trans. Alfred Birnbaum and Jay Rubin. Vintage: New York, 1994. 195-216.
8. Parris, Michael. "Ringu: Japan and the Technological/Horrific Body." Conference paper, National Communication Association, 2007. 21p.
9. Phu, Thy. "Horri-fying Adaptations: Ringu, The Ring, and the Cultural Contexts of Copying." *Journal of Adaptation in Film and Performance* 3.1 (2010): 43-58.
10. *Ringu* リング [Ring]. 1998. Directed by Nakata Hideo 中田秀夫. 96 min. Tōhō 東宝, et al. Videocassette/DVD.
11. *Ringu 2* リング 2 [Ring 2]. 1999. Directed by Nakata Hideo. 95 min. Tōhō 東宝, et al. Videocassette/DVD.
12. Rojas, Carlos. "Viral Contagion in the Ringu Intertext." Daisuke Miyao, ed., *The Oxford Handbook of Japanese Cinema*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 416-437.
13. "Sadako 3D." The Internet Movie Database. Accessed September 26, 2017. http://www.imdb.com/title/tt1844025/?ref_=nv_sr_1.
14. Wee, Valerie. "Visual Aesthetics and Ways of Seeing: Comparing Ringu and *The Ring*." *Cinema Journal* 50.2 (2011): 41-60.
15. White, Eric. "Case Study: Nakata Hideo's Ringu and Ringu 2." Jay McRoy, ed., *Japanese Horror Cinema*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005. 38-47.
16. Yu, Eric K. W. "A Traditional Vengeful Ghost or the Machine in a Ghost? Narrative Dynamics, Horror Effects, and the Posthuman in Ringu." Stephen Hessel and Michèle Huppert, eds., *Fear Itself: Reasoning the Unreasonable*. Amsterdam: Rodopi, 2010. 109-124.

About the author:

Masaki Mori – Ph.D., is an Associate professor of Japanese and Comparative Literature at the University of Georgia, Georgia, U.S.A. His publications include, but not limited to, *Epic Grandeur: Toward the Comparative Poetics of the Epic* (Albany: State University of New York Press, 1997) and a number of journal articles on Kawabata Yasunari and Murakami Haruki. E-mail: mamo@uga.edu

* * *

COLOUR TERMS IN SUDDEN FICTION

Nataliya Panasenko

University of SS Cyril and Methodius in Trnava,
917 01, Slovakia, Trnava, Nám. Jozefa Herdu, 2

The paper presents the analysis of colour perception and its interpretation in psychology and symbolism; it highlights colour properties and the approaches to colour studies largely in linguistics. One of the features of colours is their ability to express human emotions and feelings, either positive or negative (verbally/nonverbally), and to create certain atmosphere in the situation abound in colours. Shades of colours can be regarded as a lexico-semantic group formed by adjectives and nouns, which can be simple, derived, and compound words. Short texts include many colour terms expressing such colour properties, as hue, saturation, tone, lightness, intensity; each of them contributes to decoding of some culture-specific features hidden in Sudden fiction.

The analysis of Sudden fiction shows that short stories have specific composition, where colour terms perform different functions. Descriptive functions are mainly connected with focal colours and identify objects' properties. Other functions, such as character-generating, associative, metaphoric, symbolic, semiotic, and culture specific are more complicated. Their identification implies additional knowledge of cultural, social, and historical planes.

Key words: *colour terms, colour properties, colour in psychology, symbolism of colour, colour in literary texts, radicalization, Sudden fiction, functions of colours*

Introduction

A human being receives the information about the surrounding world using different channels: vision, touch, taste, smell, and hearing. Vision is the main information-processing channel, due to which we can identify such physical properties of objects as size, colour, form, evaluate distance to them, etc. If we speak about the acquisition of colour terms, a clear distinction should be made between the acquisition of colour vision and the verbalization of colour vision [16, p. 43]. Colour belongs to the universal semantic categories and can be found in many languages. Berlin and Kay [2, p. 2] have identified eleven basic color categories: white, black, red, green, yellow, blue, brown, purple, pink, orange, and grey, which they call the focal terms.

If we treat colours in a different way, we will see that their functions go far beyond specific colour naming. They may be considered as signals, symbols, codes, have figurative meaning, and serve as means

of creating specific images or atmosphere, especially when it concerns literary texts. Colours may be considered as signals, bearing primary and secondary coding. Primary coding is represented by a set of morphemes, naming specific colours, their shades, saturation, etc. Secondary coding is culture specific and may be "intended" and "intuitive". These terms were offered by Wyler [16, p. 138], who differentiates between "intended" and "intuitive (secondary) coding". By "intended (secondary) coding" he means the usage of some colours as specific signals affecting certain behavior. As the illustration of secondary coding, it is possible to give here the following examples; examples from *Sudden fiction* are analyzed below. In many cultures red has been attributed the meaning of "danger", possibly in loose or close association with "fire", whereas *green* is often associated with "spring", "life", "growth", "freshness" (compare, e.g., '*green years*' or '*green wound*'); *white* occurs as a sign or signal of "purity", "innocence" or "chastity" as in the dress of the bride while *black* signals "sorrow", "grief" or "death" as in the pall or the col-

our of a hearse [16, p. 139]. But we must always take into account a culture-specific component, because in some cultures the colour of mourning is *white* (Australia, Eastern Asia, Cambodia) and the bride's dress is *red* (China, Pakistan, Vietnam, India). It is connected with the symbolic meaning these colours have in local cultures.

We see that colour terms (CTs) are very closely connected with different fields of knowledge: history, culture, ethnology, anthropology, not to mention linguistics, physics, physiology, and psychology.

Colour and its properties

Colour physics, optics and psychologically or anthropologically oriented colour research generally focuses on 11 focal colours described by Berlin and Kay. These are the so-called "simple colour terms" or "macrocolours" [16, p. 56]. Scientists base their colour classifications on the frequencies of wave lengths and the three parameters "hue", "value" and "saturation" [16, p. 54].

Another important approach to CTs is the so-called "radicalization", which implies the loss of differentiation and descriptive precision. The difference between a "macro-colour name" and a "radicalized colour name" is that the "radicalized colour name" can in some cases be the name of a colour which is different from the actual hue of an object. Well-known and widely accepted colour designations, in fact, do not give precise colour of the designated objects: 'white coffee' is not white; to be more precise it is 'brownish' or 'beige', 'white wine' is of a 'yellowish' or 'greenish' colour. Wyler [16] explains in such a way many examples, the most interesting are 'red hair', 'the blacks', 'the whites', etc. Colours denoting human races deserve special attention; they will be discussed below.

Approaches to colour study

Colour designation is an important element of the description and differentiation of the objects surrounding a human being. No wonder that colour has many a time been the psychologists' and physiologists' and many other specialists' object of research. Botanists use a specific colour atlas for the plant species identification; there are special tables of different colour shades and hues used in the textile industry; painters use specific terms for colour naming, but we should concentrate our attention on those approaches, which are more important for the literary text analysis.

Colour and psychology

Perception of colour based on psychological point of view is subjective and connected with human psychophysical reaction to the source of colour. It depends on individual perception and understanding of various colours. One may consider *red* as the most beautiful colour of all; it may be the symbol of happiness for somebody, whereas another person may perceive it in a different, not so optimistic way, as a colour evoking anger or jealousy.

Miller [1981: 336, cited after 16, p. 90], e.g., distinguishes three colour categories, which, in themselves, form a similar rhythm: 1. "intrinsic colours" (which we might, in many instances, understand as radicalized colours or colour names: "snow" is intrinsically 'white'; "grass" is intrinsically 'green', "lemons" are intrinsically yellow; 2. "accidental colours": not remembered accurately, the colours of a sofa, of clothes, etc. where the other than basic color designations are used, and 3. landmark colours (which seem largely to correspond to focal colours or primary or basic colours), such as 'red', 'green', 'yellow', 'blue', 'black', 'white', which can be easily recognized and related to objects (whereas in many instances, again, radicalization occurs).

From psychological aspect not only colour terminology, but also colour harmony, colour preference and colour symbolism can be taken into consideration. Symbols carrying strong emotional connotations can affect our colour perception. In some cases, we may speak of the designations, which appeared thanks to the synesthesia of different information procession channels, like vision and smell, vision and touch, i.e. "the sensation of warmth and cold, ...richness, freshness, etc. can also determine the observer's reaction to a colour: *warm red – cool blue, cold blue; light pink – heavy purple; luscious green – opulent red; fresh yellow*" [16, p. 107].

Colour and symbolism

It is a very interesting topic including different aspects of culture, politics, art, literature, religion, and astrology. In any dictionary of symbols colour is paid attention to. Cirlot, e.g., offers the following classification of colours: "the first group embraces warm 'advancing' colours, corresponding to processes of assimilation, activity and intensity (*red, orange, yellow* and, by extension, *white*), and the second covers cold, 'retreating' colours, corresponding to processes of dissimulation, passivity and debilitation (*blue, indigo, violet* and, by extension, *black*), *green* being

an intermediate, transitional colour spanning the two groups” [3, p. 52]. The idea to use temperature sensations comes from psychology and it is closely connected with colour perception.

Very often specific colours are attributed to different planets in astrology: Mars is *red* (war, blood, tension); the Sun is *yellow* (coming from the Sun-God Apollo), the Moon is *white*, Venus is *green* (vegetation, life), Pluto is *black*, etc., though these colours may not coincide in different classifications. Cirlot, e.g., attributes *gold* to the Sun and *silver* to the Moon. It helps understand why in China *yellow* being associated with the sun, was the emblem of rank and authority, the sacred privilege of the royal family. He states that “for the Egyptians, *blue* was used to represent truth. The mother goddess of India is represented as *red* in colour (contrary to the usual symbolism of *white* as the feminine colour), because she is associated with the principle of creation and *red* is the colour of activity per se” [3, p. 55]. Folklore of many countries is based on the struggle between good and bad, *white* and *black*, light and dark forces.

Cirlot [3, p. 53] names the following most popular symbols of colours: “*red* is associated with blood, wounds, death-throes and sublimation; *orange* with fire and flames; *yellow* with the light of the sun, illumination, dissemination and comprehensive generalization; *green* with vegetation, but also with death and lividness; *light blue* with the sky and the day, and with the calm sea; *dark blue* with the sky and the night, and with the stormy sea; *brown* and *ochre* with the earth; and *black* with the fertilized land”. Analyzing the concepts of FIRE and WATER, Davydyuk and Panasenko [4] combine them with *red* and *blue* colours, the masculine and feminine as well as with the Chinese symbols Yang-Yin.

If we touch upon different aspects of culture, we can't but mention the role of colour in priests' canonicals in Russian Orthodox Church, which use seven colours of the rainbow. Each colour has its specific meaning and is used during specific services and ceremonies. *Golden* (and *yellow* of different shades) is the tsarist colour used in Sunday liturgy; *white* canonicals are used during Easter, Christmas, Transfiguration, Ascension Day and during the sacrament ceremonies: Church Wedding and christening; monks and nuns are mainly dressed in *black*.

Colour and linguistics

Colour as an object of study occupies a special place in linguistics. Every language has an immense number of sources for naming colour sensations.

Every language can create expressions describing the colour of an object by indicating similarity to another object. Not does language only consist of basic colour terms, it has morphological and syntactic forms to create complex colour terms [10]. In many languages, CTs mainly represented by adjectives and nouns, perform different functions, one of them is creating images (by metaphors or epithets) [see, e.g., 11] and “their number seems to be unlimited” [16, p. 51].

In 1992 Wyler wrote: “What is really discussed in the majority of studies on colour are physiological, neurophysiological, anthropological, chemical, physical or color-metric issues. Colours have been discussed down the ages by philosophers, scientists, anthropologists, psychologists, dye and paint manufacturers, art teachers, art critics and so forth, but surprisingly seldom by linguists” [16, p. 52].

I have to disagree with him, for words denoting colours are considered to be a favourite topic with linguists. Some scholars examined properties of a definite colour [13; 14]; others make the comparative analysis of colour properties in one or several languages [5]. Most interesting, in my opinion, are the studies of the CTs in belle-letters style [9], though they are less numerous. In literary texts, CTs are used not with the purpose of objects' descriptions, they “rather foreground the colour of an object”; they create the specific atmosphere, “a certain uniqueness of scene, give certain objects more prominence, and help the reader see in colour or have symbolic function” [16, p. 164].

Colour in *Sudden fiction*

The aim of this research is to find out what functions CTs play in *Sudden fiction* texts. This genre has different names: flash fiction, including microfiction, microstories, short-shorts, short short stories, very short stories, postcard fiction, and nanofiction. Its characteristics are brevity, specific plot, and a twist or surprise at the end [15]. Now short-short stories have gained great popularity because of their unusual composition and laconicism. I would say, that this genre is based on defeated expectancy, which was in detail analyzed by Kupchyshyna and Davydyuk [8]. In this research, different methods are used. Stylistic analysis helped identify functions of some stylistic devices connected with CTs; these devices are mainly metaphor, personification, epithet, simile, hyperbole, grotesque, and defeated expectancy. I also use semantic analysis with the purpose to identify the structure of lexical units denoting spe-

cific colour and its shades, and linguo-cultural analysis, which highlights culture-specific features of some CTs.

For analysis there have been chosen 28 (out of 55) short stories, which contain different CTs. Some colours belong to 11 focal colours (*yellow, blue, red*, etc.); others are based on the radicalization combined with such colour properties, as hue and saturation (*bright-dyed denim, peach shade, sky-blue, pale blue*) or have colour standard of natural origin (*ochre and carmine, silver, lemon yellow*). As it comes from the examples, their morphological structure is different. It is possible to identify their function in the text as descriptive. In the text "Roth's Deadman" by Joe David Bellamy [12], the author uses many adjectives (*yellow* and *blue* are mostly often used): *blue, black, jaundiced, scarlet, greenish, brown, purple, and red*. These colours are connected with the man who died in the hospital. They help the reader see the atmosphere of the hospital ward and to some extent reflect the physiological processes that take place in a body after death. E.g.: "*The plastic intravenous tube was still taped at the ankle, the swollen yellow ankle, yellow and swollen as the face and neck of the man, fifty-four years old according to his wristband, now dead, admitted three days previously... The hair was pure white above the jaundiced face – and the eyes had been blue, very light blue and surprisingly transparent when Roth first saw them...*" [12, p. 151].

Yellow is here associated with the skin of a patient, the illness, and lack of vitality. Thus, CTs in this text perform not only the descriptive, but also associative function. As it is impossible to make the detailed analysis of all the texts under discussion, let us concentrate our attention on several colours and show their role in the text. At first I will present traditional CT understanding and then reveal its meaning in the text.

BLUE

It is the intrinsic colour connected with the sky and water. Bennet [1, p. 49-52] describes 'blue' in colour collocations on several pages. The most interesting are the following ones: "1) **loyalty, constancy** (*true-blue*); 2) **relating to morals** (*blue laws*); 3) **pornographic** (*blue film*); 4) **in low spirits** (*blue mood*); 5) (of women) **learned, pedantic** (*blue-stocking*); 6) (as a noun) **the sky, the sea** (*out of the blue*)."
In general, this colour has a positive aspect and is associated with Heaven and the sea. People often go to the sea resort on holidays, thus it can also be associated with leisure and pleasant past time.

As a symbol, "*blue* is the color most often associated with issues of the spirit and intellect, all forms of water and can be feminine" [4]. Protas writes, "it is linked to loyalty, fidelity, constancy, and chastity. Many babies are born with *blue* eyes, thus innocence and purity can be attributed to the color. Its link to the sky also connotes eternity and immensity, time and space" [6]. It is also connected with witchcraft.

The next short story under discussion is "The Cliff" by Charles Baxter. A boy and an old man are approaching the sea shore. The old man asks if the boy smokes or drinks wine or had relations with women. The boy is a fifteen-year-old innocent teenager. The old man promises to teach him some magic. They see "*the long line of blue water through the trees*"; the boy wears "*faded blue jeans and a sweat-shirt*". After some 'magic' rituals "*The boy felt the edge of the cliff with his feet, jumped, and felt the magic and the horizon lifting him up and then out over the water, his body parallel to the ground. He took it into his mind to swoop down toward the cliffs, and then to veer away suddenly... He shouted with happiness. ... The boy flew in great soaring circles. He tumbled in the air, dove, flipped, and sailed. His eyes were dazzled with the blue also, and like the old man he smelled the sea salt... But of course he was a teenager. He was grateful to the old man for teaching him the spells. But this – the cliffs, the sea, the blue sky, and the sweet wine – this was the old man's style, not his*" [12, p. 45].

Here the colours used by the author play an important role in creating two male personages: *blue* is associated with the sky, the sea, innocence, and magic; it is also a typical denim colour.

RED

Unlike *blue*, *red* is a masculine colour [4]. Its associations are mainly negative: fire, blood, war, terror, danger and the like. Bennet [1, p. 60-63] describes the following collocations with this colour: "1) **radical, communist or connected with these** (*red propaganda*); 2) **special, ceremonial** (*lay out the red carpet, a red-letter day*); 3) **blood-stained** (*red-handed*); 4) **marked by blood and/or fire**."

In the Dictionary of symbols, *red* is called "an emotionally charged color. It is associated with the sun and all gods of war, anger, blood-lust, vengeance, and fire. It can also mean love, passion, health, and/or sexual arousal" [6].

In the short story "Even Greenland" by Barry Hannah, the events unfold in the pilot's cabin. The plane is on fire: "*The wings were turning red. I guess you'd call it red. It was a shade against dark blue that*

was *mystical flamingo*, very spacey-like, *like living blood*. Was the plane bleeding?" [12, p. 7]. The pilots are arguing and quarelling in the air, discussing the girl they both love. One of the pilots catapults himself, the second pilot, John, perishes together with the plane. Later the pilot comes back to this place: "Celeste and I visit *the burn* on the blond sand under one of those black romantic worthless mountains five miles or so out from Miramar base." [12, p. 8]. Here we have military pilots (war), fire, death, anger, and blood. The author uses such stylistic devices, as sustained metaphor ("*mystical flamingo*"), simile ("*like living blood*") and personification (*Was the plane bleeding?*). The functions of red are symbolic, associative and descriptive.

BLACK AND WHITE

BLACK

In many languages and cultures, *black* is associated with something unpleasant, has a strong negative connotation and is the antonym to *white*. Bennet [1, p. 47-49] enumerates 'black' in the following collocations: "1) **dark** (*black hole*); 2) **soiled, dirty** (*your hands are black*); 3) **malignant, evil, connected with the Devil** (*black deeds, black magic*); 4) **severe, deadly, disastrous** (*black fast*); 5) **of or pertaining to the negro race** (*Black Power, Black Studies*); 6) (of a countenance or of the look of things) **angry, threatening** (*a black look, to look black*); 7) **macabre** (*black comedy*)."

Robley Wilson, Jr in the short story "Thief" deliberately uses black colour many a time. Judging from the title, events, unpleasant to someone, take place. At the airport a man "is waiting at the airline ticket counter when he first notices the young woman. She has **glossy black** hair pulled tightly into the knot at the back of her head – the man imagines it loosed and cascading to the small of her back – and carries over the shoulder of her leather coat a heavy **black** purse. She wears **black** boots of soft leather" [12, p. 168]. He notices this woman once again: "he catches sight of **the black-haired** girl in the leather coat. She is standing near a Travelers Aid counter, deep in conversation with a second girl, a blonde in a cloth coat trimmed with gray fur" [12, p. 168.]. Suddenly the man notices that his wallet is missing. He sees "**the black-haired** girl (*Ebony-Tressed Thief*, the newspapers will say)" [12, p. 169] and asks her to give his wallet back. "She pulls **the black** bag onto her lap, reaches into it and draws out a wallet". The man opens the wallet and sees that it is not his. It belongs to a blond woman who saw her wallet in his hands

and cried "Stop, thief! Stop that man! It occurs to the man that he cannot even prove his own identity to the policeman." [12, p. 170]. Two weeks later after these horrible events the post brings his wallet intact; nothing is missing.

With the help of *black* colour the image of the thief is created. The girl is dressed in *black*, has *dark black* hair, a *black* bag and the wallet is also *black*. Here we come across the case of defeated expectancy. This text looks like a macabre or grotesque horror story. The function of *black* here is character creating.

WHITE

This colour is opposite to *black* and has correspondingly positive associations connected with light.

Bennet [1, p. 64-66] offers the following collocations with this CT: 1) **good, favoured, liked** (*white boy, white-headed*); 2) **very clean** (*white room*); 3) **innocent, harmless** (*a white lie, white magic, white war*); 4) **light-coloured, transparent** (*white coal*); 4) **white-haired, hoary** (*a white beard*); 5) **pale** (*white-faced*).

As a symbol it can represent either innocence or the ultimate goal of purification, light, air, life, holiness, love, and redemption [6].

White and *black* (as well as *yellow* and *red*) have one more important function: they serve for the identification of human races. 'White people' are supposed to have a 'white' skin although we consider a 'rosy' or 'slightly brown' complexion to be the norm for white people. 'Black people' are said to be 'black' although the colour of their skin may range from 'coffee brown' to 'coal black'. 'White' in 'white people' has a semantic feature [+EUROPEAN] including White Americans and a few others, whereas 'black' in the context of people or person has a component [-EUROPEAN] and, considering racist or political bias, even a component [+SUPERIOR] [6, p.180]. In all such cases, CTs perform not descriptive, but rather a culture specific function.

We know a few novels describing life of black people and the whites who were superior to them or were their owners ("Uncle Tom's Cabin" by H. Beecher Stowe, "Gone with the Wind" by M. Mitchell) or the novels, in which people were ill-treated and accused only because of the black colour of their skin ("To Kill a Mocking Bird" by H. Lee or "The Path of Thunder" by P. Abrahams). But times have changed and the situation is radically different from what it was centuries ago.

The short story "The Neighbor" by Russell Banks is based on two colours: *black* and *white*: "He was a

black man in his fifties, she a white woman the same age, his children (from a previous marriage) were black, her children (also from a previous marriage) were white. Everyone else in town was white" [12, p. 164]. And these are also the colours of day and night when events unfold. The black man bought "for one hundred dollars an unclaimed, chocolate-colored trotter, an eight trotter, an eighteen-year-old mare named *Jenny Lind*." [12, p. 164]. He bought her at night. The horse was cheap, because she was very old. He imagined how his wife would go shopping driving the chocolate-colored mare down passing by his neighbor's house, who was a white man. But, alas, his dreams have never come true, because "all day long, the two teen-aged sons and the two teen-aged daughters rode the mare, bareback, up and down the dirt road, galloping past the neighbor's house... A hundred times they rode the old horse full-speed along that half-mile route. **Silvery waves** of sweat covered her heaving sides and neck, and her large, watery eyes bulged from the exertion, and late in the afternoon, as the sun was drifting quickly down behind the pines in the back of the house, the mare suddenly veered off the road and collapsed on the front lawn of the neighbor's house and died there." [12, p. 165]. It was completely dark and the neighbor couldn't see the horse. He brought the lantern and was waiting for his new neighbours to come home. "The neighbor was a young man, and while a dead animal was nothing new to him, the sight of a grown man **with black skin**, weeping, and a **white woman** sitting next to him, also weeping, both of them slowly stroking the cold nose of a horse ridden to death – that was something he'd never seen before" [12, p. 165]. He offered his help to carry the horse's body with his tractor next day, when there will be light in the morning.

Here *black* and *white* strengthen the contrast not between the skin colour, but between light and darkness, good and evil, life and death, mourning and sympathy performing symbolic and semiotic functions.

COMBINATIONS OF DIFFERENT COLOURS

There are several texts where a variety of different colours is used by their authors, like "The

Vertical Fields" by Fielding Dawson (description of different sorts of flowers) or "The Coggios" by Sharyn Layfield (description of the garden and immaculate white table cloth as a symbol of family decent traditions), but I would like to give the example from the text "The King of Jazz" by Donald Barthel.

There are some studies proving that music evokes some colour associations [7]. The discussion of these materials on the Internet has the title "Every song has a color – and an emotion – attached to it". Not to be led too far away from *Sudden fiction*, let us come back to the short story, where a sort of competition took place among the jazzmen. Some of them claimed to be the king of jazz and had to prove it. They started "that's Hokie's famous 'English sunrise' way of playing. Playing with **lots of rays** coming out of it, some **red** rays, some **blue** rays, some **green** rays, some **green stemming from a violet center**. Some **olive stemming from a tan center** –" [12, p. 11]. Colour and music is a very interesting topic deserving special attention. The function of CTs here is creating images, i.e. metaphoric.

Summing up

In the literary text under consideration, one of the functions of colours is characterization of nature objects, artefacts, created by human beings, and appearance of the main protagonists. We have the ground to speak about such colour properties as hue, lightness, saturation, not to mention radicalization. It is possible to divide colours into three groups: characterizing nature objects, artefacts and a group focusing on appearance of the main protagonists and their emotional state. Some CTs function in the text as stylistic devices (metaphor and its varieties, defeated expectancy, allegory, grotesque, etc.), contributing to the image creation. Other CTs (like *black* and *white*) not only denote human races, but serve good examples of radicalization. Depending on the object of description, CTs in *Sudden fiction* may perform different functions: descriptive, associative, character generating, metaphoric, symbolic, semiotic, and culture specific.

References

1. Bennett, T. J. A. *Aspects of English colour collocations and idioms*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1988. 300 p.
2. Berlin, B., Kay, P. *Basic color terms: their universality and evolution*. Stanford: Leland Stanford Junior University, 1969. 196 p.

3. Cirlot, J. E. *Dictionary of symbols*. London: Routledge, 2001. 504 p.
4. Davydyuk, Yu., Panasenko, N. Figuring the male and female: fire and water in Bradbury's (science) fiction // *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava*. Warsaw: De Gruyter Open, 1 (1), 2016. P. 4-74.
5. De Knop, S. A contrastive study of colour terms in French and German causal constructions // *Multilingual cognition and language use: processing and typological perspectives*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 73-96.
6. *Dictionary of symbolism originally constructed by Allison Protas*. Augmented and refined by Geoff Brown and Jamie Smith in 1997 and by Eric Jaffe in 2001 URL: <http://www.umich.edu/~umfandsf/symbolismproject/symbolism.html/S/>
7. Garner, W. The relationship between colour and music // *Leonardo*, 11 (3). P. 225-226. The MIT Press. Retrieved February 28, 2019, from Project MUSE database.
8. Kupchyshyna, Yu., Davydyuk, Yu. From defamiliarization to foregrounding and defeated expectancy: linguo-stylistic and cognitive sketch // *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava*. Warsaw: De Gruyter Open, II (2), 2017. P. 148-184.
9. Panasenko, N., Korcová, Z. Different approaches to colour terms analysis // *Typology of language meanings in diachronical and comparative aspects*, Iss. 23, 2011. P. 124-134.
10. The linguistics of color terms // *International encyclopedia of the social and behavioral sciences*. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/summary?doi=10.1.1.41.3048>
11. Stashko, H. An American woman through the prism of the epithet: semasiological aspect in creating images // *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava*. Warsaw: De Gruyter Open, II (2), 2017. P. 356-391.
12. *Sudden fiction. American short-short stories*. Shapard, R. & Thomas, J. (eds.). Salt Lake City: Gibbs M. Smith Publisher, 1986. 263 p.
13. Uberman, A. Contrastive semantic chromatosemy: the case study of blue // *Galicja studies in language with historical semantics foregrounded*. Chełm: TAWA Publishing House, 2014. P. 105-115.
14. Uberman A. The colour of endurance: figurative semantics of green // *Evolving nature of the English language: studies in theoretical and applied linguistics*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2017. P. 133-144.
15. *What is flash fiction?* Retrieved 25 October 2018 from: <http://shortstories.about.com/od/Flash/a/What-Is-Flash-Fiction.htm>
16. Wyler, S. *Colour and language: colour terms in English*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1992. 203 p.

About the author:

Nataliya Panasenko – Doctor of Philology, Professor at the Chair of Language Communication, University of SS Cyril and Methodius in Trnava, Slovakia. Spheres of research and professional interests: stylistics, text linguistics, cognitive linguistics, linguopoetics, creative writing. E-mail cindy777@mail.ru.

ТЕРМИНЫ ЦВЕТА В МАЛОЙ ПРОЗЕ

Н.И. Панасенко

Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве,
Пл. Йозефа Герду, 2. Трнава, Словакия 917 01

Аннотация: Данная статья представляет анализ восприятия цвета и его интерпретации в психологии и символизме, освещает свойства цвета, подходы к его изучению, главным образом, в лингвистике. Одним из свойств цвета является его способность выражать человеческие эмоции и чувства, как положительные, так и отрицательные (вербально/невербально) и создавать тем самым определённую атмосферу в ситуации, когда цвета в ней преобладают. Различные цветовые оттенки формируют лексико-семантическую группу, объединяющую прилагательные и существительные, которые могут быть простыми, производными и сложными. Рассмотренные автором рассказы включают много терминов, выражающих такие свойства цвета, как оттенок, насыщенность, цветовой тон, светлоту и интенсивность; каждый из них в определённой мере способствует успешному декодированию некоторых культурологических фрагментов информации, скрытых в текстах Малой прозы, анализ которой показывает, что эти тексты имеют специфическую композицию и что термины цвета выполняют в ней различные функции. Дескриптивные функции главным образом связаны с фокусными цветами;

они обозначают свойства объекта. Другие же функции, такие, как функция создания персонажа, ассоциативная, метафорическая, символическая, семиотическая и культурологическая, имеют более сложный характер. Их идентификация требует подключения фоновых знаний культурологического, социального и исторического плана.

Ключевые слова: *термины цвета, свойства цвета, цвет в психологии, символика цвета, цвет в художественных текстах, радикализация, Малая проза, функции цвета*

Сведения об авторе:

Панасенко Наталья Ивановна – доктор филологических наук, профессор Кафедры языковой коммуникации Университета Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словакия. Сфера научных и профессиональных интересов – стилистика, лингвистика текста, когнитивная лингвистика, лингвопоэтика, лексикология, творческое письмо. E-mail: cindy777@mail.ru.

* * *

Уважаемые читатели!

Подписаться на наш журнал можно по полугодиям в дни открытия подписки
в почтовых отделениях России и стран СНГ.

Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» **80991**.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № 3 (19) 2019

Главный редактор: В.А. Иовенко.

Корректурa: Т.А. Ивушкина

Компьютерная верстка: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 01.09.2019 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 17,375. Тираж 500 экз. Заказ 1190.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России:
119454, Москва, пр. Вернадского, 76.